

ГУБЕРНСКІЙ ДОМЪ

1-2 (64-65)
2005



КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

12 (64-65)
2005

Время Общества Знание

- Памятный год юности. Воспоминания В.П. Беляева 8
Кологривский лес. Очерк В.М. Пескова 17
Дневниковые записи В.Я. Игнатьева 21
Реликвии уникального музея 31
Вас ждет король тетеревиный 35
Таланты и поклонники 40
Город мастеров 44

Свидетельства Архивы Документы

- Очерк Кологривского уезда 55
Святыни края 58
Имя в истории края 70
Народное просвещение в уезде 96
История в документах 98
Кологривский летописец 100

Литература Искусство Культура

- Как улетела деревня. Е.В.Честняков 103
Главы о жизни шабловского праведника. Р.Е.Обухов 106
Народное кологривское слово 119
Творчество 125
След снежного человека 130
Обычаи и обряды 133

Учредитель — администрация Костромской области.

Попечители: областной государственный архив,
Костромское епархиальное управление, Костромской областной фонд
обязательного медицинского страхования, объединение «Костромакурорт»,
областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).

Регистрационный номер Т-0162.

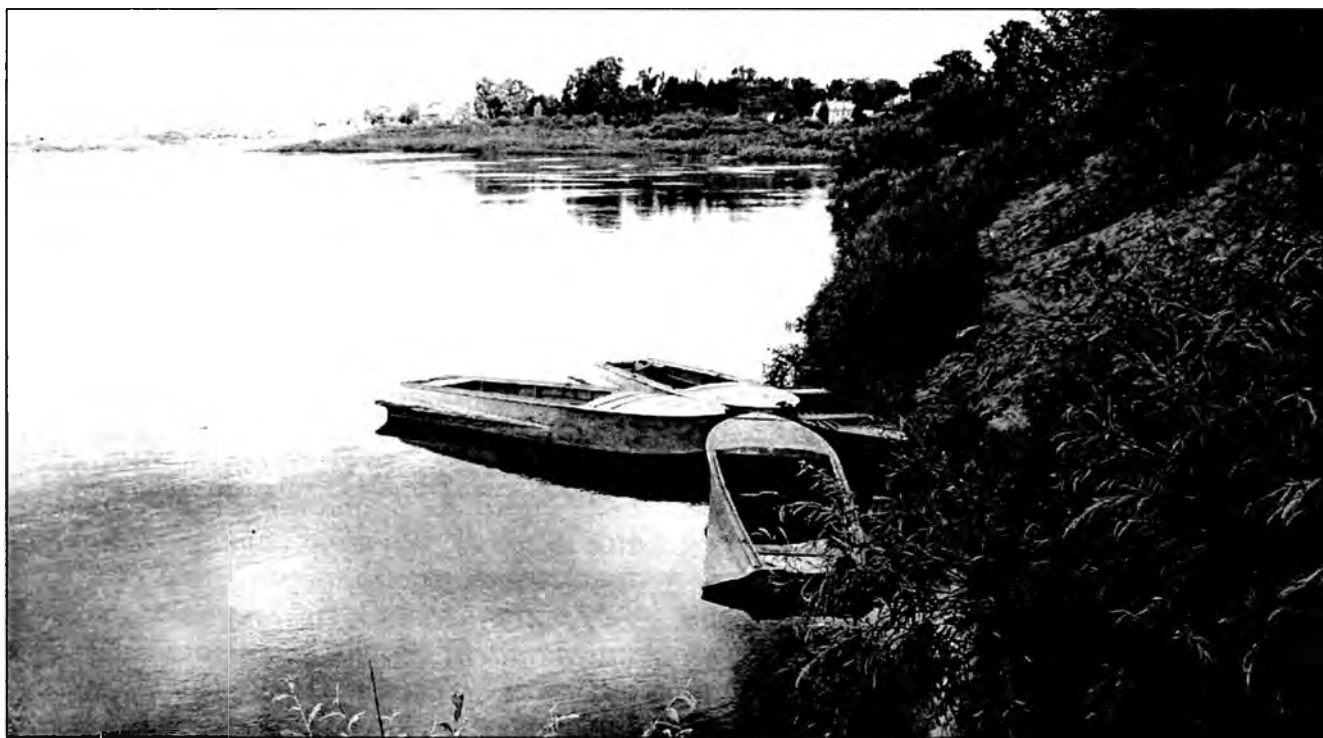
©«Губернский дом». Использование и перепечатка материалов без
уведомления редакции запрещены.

В путь на Унжу-реку

Вновь продолжается, любезные читатели, наше большое путешествие по историческим городам Костромской губернии-области, начатое 10 лет тому назад в Солигаличе. За это время мы побывали во всех бывших уездных городах и крупных по своему значению сёлах-поселках, ставших ныне тоже районными центрами. И вот, наконец, Кологрив – город в Костромском крае, пожалуй, самый интересный и загадочный, начиная с названия и появления на свет Божий. Вспомним, что незабвенный Остап Бендер хотел побывать в двух городах мира – Рио-де-Жанейро и Кологриве.

Однако оставим в покое великого комбинатора с его мечтами и обратимся к реальности. В городе этом и

окрест его бывали многие известные люди – писатели, журналисты, искусствоведы, собиратели и хранители. Оно и понятно: здесь Кологривский музей с коллекцией мирового уровня, Кологривский лес – этот уголок природы, каких практически уже не осталось в Европе, исторические места, связанные с рождением, жизнью и творчеством многих замечательных людей, оставивших заметный след в научном и культурно-духовном пространстве района, области, России. Это ученые Александр Горский и Ольга Ладыженская, художники Геннадий Ладыженский и Ефим Честняков, писатели Павел Катенин и Леонид Воробьев... Совсем скоро, в апреле этого года – юбилей двум уроженцам Колог-



Река Унжа. Фото 2003 г.



Игорь ШЕВЧЕНКО,
глава самоуправления
Кологривского района

Доброе слово

Золото сердца — наш Кологрив

О Кологриве рассказывать и просто, и сложно. Просто, потому что наш городок, затерявшийся в бескрайней тайге на берегу петляющей Унжи, привычен и понятен простой русской красотой архитектуры и гармонией ландшафта. Сложно, потому что его окружает многовековая история, уходящая корнями в язычество и былинный эпос.

Фамилии людей, которым Кологрив обязан своей славой, известны



далеко за пределами нашей малой родины. Своеобразное, неспешное те-

чение жизни располагает к размышлениям, природа — к лирическому настроению. Нигде более нет такого чистого воздуха и белого снега, хрустальных родников и изумрудных елей. Наше богатство — это природа и люди!

Верится, что кологривчане преодолеют выпавшие на их долю трудности и сумеют не только сохранить, но и приумножить красоты нашего славного края.

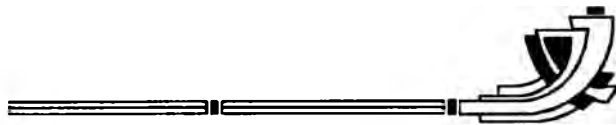
ривского уезда: 125 лет известному писателю Ивану Касаткину и 200 лет Наталье Апухтиной-Фонфизиной, прототипу Татьяны Лариной в пушкинском «Евгении Онегине». А сколько замечательных людей родились и жили в Парфеньеве, Нее, Мантурове, Георгиевском, прежде входившими в Кологривский уезд, одни имена чего стоят: Сергей Максимов, Федор Толстой-Американец, Александр Фигнер, Сергей Марков... В 60-70 годы XX века главными редакторами журналов «Русская литература» и «Советская медицина» были кологривчане: ученый-литературовед Василий Базанов и ученый-врач Александр Шабанов. В эти же годы водил по северным морям атомный ле-

докол «Ленин» его капитан Борис Соколов... Имена и добрые дела земляков — на страницах этого номера «Губернского дома».

За основу герба Кологривского района взят исторический герб уездного города Кологрива Костромской губернии Костромского наместничества, высочайше утвержденный 29 марта 1779 года: «...в золотом поле лошадиная голова с крутою гривой, означающая имя сего города».

225 лет лошадь смотрит на нас и приглашает к путешествию.

Итак, в путь на Унжу-реку, на древнюю и мудрую Кологривскую землю с ее живой водой и целебным воздухом.



КОЛОГРИВСКИЙ ХРОНОГРАФ

XVI-XX вв.

Первая половина XVI в. Для защиты от набегов казанских татар в верховьях р.Унжи сооружена крепость Кологрив (точная дата основания города неизвестна, в краеведческой литературе указывается 1525 г.)

1536 г., 8 октября. Первое упоминание кологривских мест в летописи (Шишкилево, вблизи старого г.Кологрива). ПСРЛ, 1965 г., т.21, с.162.

1609 – 1613 гг. Участие кологривчан в освобождении Костромы и других русских городов от польско-литовских интервентов.

1616 г. Дозор кологривских земель. В городе ветхая деревянная крепость, три церкви – Михаила Архангела (соборная), Афонасия Афонского и Макарьевская.

1670-1671 гг. Вверх по Унже, через кологривскую осаду Галичского уезда проходит отряд атамана Ильи Пономарева (сподвижник Степана Разина).

1708 г. Губернская реформа Петра I. Кологрив входит в состав Архангелогородской губернии.

1717-1727 гг. Первая перепись населения России, согласно которой в кологривской округе проживало 6253 души мужского пола.

1727 г. Кологривский воевода Иван Рогозин самовольно переносит г.Кологрив на новое место – в село Кичино.

1777 г. Построено первое каменное здание – церковь Воскресения Христова.

1778 г. Село Кичино переименовывается в уездный город Кологрив Костромской губернии.

1779 г. Городу Высочайшим Указом пожалован герб.

1781 г. Утвержден специальный “геометрический план” застройки города.

1807 г. Построена церковь Успения Божьей Матери. Освящена в 1815 г., получила статус Собора в 1817 г.

1809 г. На торговой площади по типовому проекту сооружено здание уездных присутственных мест.

1832 г. Открыто первое учебное заведение в уезде – приходское училище.

1834 г. Открыто уездное училище.

1835 г. Открыта кологривская больница

1849 г. На средства А.Ф. Шубиной открыта школа для бедных дворянских девочек.

Середина XIX в. На торговой площади строятся деревянные торговые ряды.

1869 г. Построено здание уездной земской больницы.

1869 г. Открыта земская почта (одна из первых в России стала выпускать почтовые марки).

1872 г. Школа для девочек преобразована в женскую прогимназию.

1875 г. Открыта земская общедоступная библиотека.

В городе начал работать любительский театр.

1877 г. Кологрив соединяется с губернским центром телеграфом.

В городе размещают пленных турок.

1882 г. В Кологрив первый раз приходит пароход.

1889 г. В усадьбе Григорьева – Ивановское учрежден детский приют.

1892 г. В усадьбе Екимцево на средства Ф.В.Чижова открыто низшее сельскохозяйственное училище (в советские годы – зоотехникум).

1899 г. На средства купца Д.М.Звонова построена богадельня.



1902 г. Прогимназия преобразована в женскую гимназию.

1906 г. Построен Народный дом и чайная «Общества трезвости».

1907 г. 6 июля. Открыто кологривское Богородице – Макарьевское церковно-приходское братство.

1911 г. Открыта мужская гимназия.

Построен мост через р.Киченку с бетонными водопроходами.

Построен храм Спаса Нерукотворного при богадельне им. Д.М.Звонова.

1914 г. В городе появляется телефон.

Построено здание хирургического отделения больницы.

1915 г. Построено каменное здание аптеки. Открыт кинематограф Сизова.

1916 г. 4 сентября. Вышел первый номер кологривской газеты «Приунженский вестник». В Кологриве появился первый автомобиль.

1918 г. 3 января. Создан Исполнительный комитет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

11 марта. Эсеровский мятеж (так его охарактеризовали) в Кологриве.

Весна. Обе гимназии, высшее начальное училище и второклассная школа объединены в Единую трудовую школу 2-й ступени.

26 октября. На основе коллекций Г.А.Ладыженского открыт общедоступный музей.

1919 – 1920 гг. Строятся и пускаются в эксплуатацию кожевенный завод, лесопилка и паровая мельница.

1921 г. На базе школы 2-й ступени открыт педагогический техникум (здание бывшей женской гимназии, ныне средней школы).

1922 г. В городе открыты: Детский дом, Дом ребенка (в 1936 г. переведен в Горький), туберкулезный диспансер.

1923 г. Электрификация Кологрива (построена паровая электростанция).

1925 г. Открыт Дом пионеров.

1929 г. 1 февраля. Районирование бывших уездов. Из Кологривского уезда выделяются самостоятельные: Нейский, Межевской, Мантуровский, Кологривский и Парфеньевский районы.

1929 г. 1 октября. На базе лесозаготовительных организаций создан Кологривский леспромхоз.

1930 г. 12 сентября. Вышел первый номер районной газеты «Кологривский лесоруб» (ныне – «Кологривский край»).

1931 г. Организована сплавная контора, которая объединяет работу по сплаву леса из Кологривского и Мантуровского районов, а также трех других районов Северного края.

1934 г. Открыта школа глухонемых. Существовала до 1957 г.

Построен крахмалотерочный завод.

1935 г. Первый районный слет ударников – стахановцев.

На месте базарной площади в центре города разбит сквер.

1936 г. Организованы МТС и Кологривский лесхоз.

1937 г. Открыта школа медицинских сестер (позже называлось медицинское училище).



См. стр. 7





ПРИРОДА, СВЯТЫЕ МЕСТА И ЛЮДИ

Территория района расположилась по берегам красавицы Унжи и её притоков. Живописная и спокойная Унжа по существу является не только стержнем нашей местности, но и основой, определяющей на долгие годы экономику, лицо города и деревень, характер кологривчан. Красота природы и традиций населения – главная достопримечательность кологривской земли. Прошедшие столетия нашей истории сформировали духовный облик кологривчан как упорных тружеников и преданных граждан России. Отвоёванные у леса поля, проторенные через непроходимую когда-то тайгу дороги, проложенные линии электропередач – результат труда мозолистых рук многих поколений людей.

Могилами кологривчан отмечены поля Подмосковья, Сталинграда, Европы и Дальнего Востока, где в разные времена решалась судьба Отечества.

Как символ патриотизма украшает районный центр галерея семи героев Советского Союза, отдавших свои жизни на полях сражений в Великую Отечественную войну.



П.П. Крутиков

И сегодня кологривчане трудятся и живут с думой о Родине. Дружелюбие и легендарная духовная чистота человеческая, когда не закрывались двери жилищ, и любой странник получал крышу и пищу в любом доме, – проявляются и сегодня. Подобная среда привлекательна для многих жителей больших городов.

Характерна динамика прибытия на постоянное жительство из каменных городов в деревянный Кологрив за последние три года. 2001 - 213, 2002 - 214, 2003 – 241 человек стали кологривчанами. Среди них немало успешных москвичей, причиной этого своего выбора называющих “вкусный

воздух, русскую природу, спокойных и честных людей” кологривской земли.

Социально-экономические трудности перестроечных лет не обошли и наш район. Исчезли, и не всегда заслуженно, такие предприятия и учреждения как промкомбинат, маслозавод, заготлён, зоотехникум, сельское профессиональное училище.

Вместе с тем район продолжает жить, трудиться, искать и находить пути развития. Сегодня у нас действуют 22 предприятия различных форм собственности. В большинстве своем они относятся к сфере лесной промышленности и сельского хозяйства.

В семи основных и в трех средних школах обучается почти тысяча ребятшек. В школу пришли компьютеры, организована прямая связь с программными каналами Министерства образования. В недалёком будущем школы получат доступ в Интернет. В 2002 году начал работу профессиональный лицей, который готовит отделочников, каменщиков, столяров. В 2003 году организована и набирает

опыт работы общерайонная детско-молодежная организация "Патриот". Дружины и отряды этой организации ведут поисковую работу, шефствуют над ветеранами войны и труда, ухаживают за природными и культурными памятниками. В каждой школе созданы музеи, экспонаты которых сегодня посвящаются 60-летию Великой Победы.

На глазах развивается интерес ребят к здоровому образу жизни. Более сорока ежегодных турниров и соревнований по футболу, волейболу, шахматам и другим видам спорта вовлекают в свою орбиту все большее количество мальчиков и девочек. Вошли в традицию летние и зимние спартакиады для детей, которые имеют своих рекордсменов, призеров и обладателей переходящего кубка по 12 спортивным номинациям. Район гордится футбольной и волейбольной командами, мастерами пауэрлифтинга, бегунами и прыгунами, шахматистами.

За последние годы по состоянию физической работы район вышел на третье место в области.

Повседневное внимание уделяется организации досуга молодежи. Все сельские клубы в текущем году получили современную музыкальную аппаратуру. В Кологриве фактически заново сделан молодежный центр с

залом для дискотек и бильярда, с компьютерным кабинетом, с помещением для игр в настольный теннис.

Ежегодно оборудуется лыжня здоровья по сосновому бору, открылся зимний каток, действуют стадион, летний туристический маршрут для школьников. Гости г. Кологрива с восторгом знакомятся с экспонатами нашего музея, среди которых уникальная коллекция старинного оружия, картин известных художников.

Центр детского творчества, школа искусств, центр народных ремесел, десятки тематических кружков вовлекают и проявляют ребят в творчестве. За пределами области известен детский театр глинянок, чьи постановки по мотивам сказок Ефима Чеснякова отмечены дипломами на международном конкурсе. Полные залы зрителей собирают концертами Ирины Перовской, Василия Павлюка, Ильи Кевина, хора ветеранов и многих других мастеров песни и танца, которыми богата кологривская земля.

Систему здравоохранения предоставляет центральная больница на 100 мест, поликлиника на 150 посещения в день, ФАПы в селах и 3 аптеки. Сегодня ведется работа по привлечению федеральных средств для расширения

помещений ЦРБ и технической базы здравоохранения. В 2003 году при ЦРБ открыто отделение социальных коек.

Социальные услуги населению осуществляют также интернат для престарелых и инвалидов, отделения надомного обслуживания и срочной помощи при отделе социальной защиты, социальный приют для детей.

Получила заметное развитие торговая сеть. Каждое село, не говоря о городе, имеет магазины, где можно удовлетворить потребности по широкому ассортименту товаров. Четверговские ярмарки с участием предпринимателей Шарьи, Мантурова, Макарьева, Кирова, Горького и других регионов это не только бойкая торговля на все вкусы, но и многолюдное общение земляков по симпатиям. Все сказанное выше привлекает в Кологрив в летний сезон массу отдыхающих, гостей и туристов. Природа, святые и легендарные места, а главное – люди привлекают сюда на отдых не хуже "канар" и "турций".

А гостям мы всегда рады.

*П.П. КРУТИКОВ,
заместитель главы
муниципального
образования по социальным
вопросам.*

КОЛОГРИВСКИЙ ХРОНОГРАФ

XX-XXI вв.

1938 г. Считается годом завершения коллективизации в районе, которая составляет 99,6%. На территории района 119 колхозов и 19 единоличных хозяйств.

1939 г. Радиофицирован Кологрив и близлежащие к городу колхозы.

Построена посадочная площадка для самолетов.

1941 г. В район начинают прибывать эвакуированные из западных регионов СССР. На 1 марта 1942 г. – 2560 чел. С 1943 г. начинается рэвакуация.

1944 г. Прибывают высланные крымские татары. На 1 ноября их – 1103 чел.

1941 – 1945 гг. Из района на фронты Великой Отечественной войны мобилизовано 8633 чел. (32% населения), погибло, умерло от ран, пропало без вести – 2740 чел. (32% от мобилизованных).

1954 – 1955 гг. Укрупнение колхозов и сельсоветов.

1957 г. Открыта музыкальная школа (ныне школа искусств).

Построен аэропорт. С февраля 1958 г. начинается регулярное авиасообщение с Костромой, Шарьей, Мантуровым.

Построен поселок лесозаготовителей Октябрьский.

1961 г. Построена межколхозная птицефабрика.

1969 г. Закончено строительство ретранслятора. На ноябрьские праздники жители района впервые посмотрели телепередачи.

1972 г. Построено двадцать пять 2-квартирных домов в колхозах, здания райкома КПСС, КБО.

Небывало жаркое лето – пожары в лесах и торфяных массивах, неурожай.

1975 г. Построен понтонный мост у Кологрива через Унжу.

1984 г. Закончено строительство автомагистрали Кологрив-Елизарово-Мантурово.

1991 г. Ликвидированы исполкомы сельских Советов.

Созданы первые крестьянские хозяйства. В 1992 г. их 10, им передается 665 га земли.

1993 г. Появляются первые частные магазины.

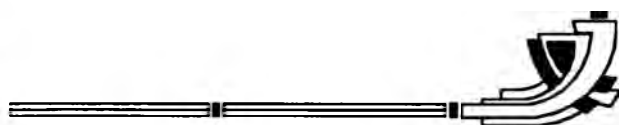
В октябре на территории района прекращена деятельность Советов всех уровней.

1996 г. Первые выборы в органы местного самоуправления. Избраны глава самоуправления района – П.Н.Кудельников и Собрание депутатов района.

2000 г. Вторые выборы в районе. Главой самоуправления выбран И.Т.Шевченко.

2004 г. В деревне Шаблово открыт дом-музей Е.В.Честнякова.

*Подготовили Н.Г.КОМИССАРОВА
и Э.К.ТИМГАНОВ.*



ПАМЯТНЫЙ ГОД ЮНОСТИ

Житель Москвы Виктор Петрович Беляев многие годы проработал научным сотрудником института Латинской Америки, но при этом никогда не забывал свою малую родину, г. Кологрив. Еще в 90-е годы, услышав по "Радио России" передачу о журнале "Губернский дом", он прислал в редакцию свои воспоминания. "Предлагаемый очерк "Памятный год юности" содержит воспоминания о г. Кологриве, краткий рассказ о его истории. Фоном служат судьба семьи, эпизод юности в пору учебы в 10-м классе Кологривской средней школы (1939-40 гг.). Я пытался осмыслить судьбу Кологрива, одного из малых городов России, коснулся и судьбы моего поколения. Я использовал нестандартную композицию, включив в рассказ и публицистические отступления". Воспоминания публикуются с некоторыми сокращениями.

Я называю Кологрив моим родным городом, хотя родился и вырос в деревне Шилекше в четырех верстах от него. Судьбы людей пригородной деревни обычно тесно связаны с жизнью города. Мой отец с шестнадцати лет служил в Кологриве, прошел путь от ученика до мастера в булочной-кондитерской, после революции переучился и стал почтовым служащим. С началом колхозов огромная часть сельского населения, особенно центральных областей, должна была оставить службу и работу в городах и вступить в колхоз. Только не обремененные большой семьей смогли порвать с деревней и остаться в городе. Для многих, в том числе и для моих родителей, начало колхозной поры стало трудным периодом метаний в поисках лучшей доли.

<...> В начале 1939 года к нам пришло спасение. Моя бабушка по линии матери, Смирнова Александра Семе-

новна, устроила нашей разобщенной семье воссоединение и переезд в Кологрив.

То, что сделала бабушка для нас, построив домик, можно назвать настоящим чудом. Вообще, это было тихое место на окраине городской слободы Звонки в пяти минутах ходьбы от реки Унжи. Унжа делает здесь большой изгиб, говоря по-местному, и образует широкие заливные луга – прекрасное пастбище для овец, коз и коров. А в русских условиях это немало важное преимущество.

Наконец-то мама могла вернуться к привычным занятиям, связанным с хозяйством, с землей.

Надо сказать, что в постройке дома бабушке помогали многие родственники.

Домик наш получил адрес: Кологрив, слобода Звонка, 7-я линия, 12 А. После войны произошла передвигка в нумерации, и дом получил номер 40, а 7-я линия превратилась в улицу Куйбыше-

ва; и все остальные линии получили имена всяческих революционеров.

Бабкин домик, как мы называли его на первых порах, стал родным очагом для всех нас. Здесь я прожил, пожалуй, самый счастливый, хотя и очень короткий период моей жизни, с лета 39-го по лето 40-го года, когда учился в 10-м классе Кологривской средней школы. Лида устроилась работать учительницей. Шура продолжила учебу в педтехникуме. Мама немного прирабатывала в соседнем колхозе (в километре от дома), но в основном ей пришлось нянчиться с внучкой и вести домашнее хозяйство.

Нас несколько не взволновало тогда, что началась вторая мировая война. Германия напала на Польшу, а через две с половиной недели на польскую территорию вторглись советские войска. Заметным последствием этого для кологривчан было лишь то, что вскоре в город

пригнали группу польских военнопленных. Насколько я помню, они свободно ходили по городу и даже посещали танцплощадку. Но это длилось недолго. Вскоре поляков отправили в места, видимо, еще более отдаленные, чем наш Кологрив. Стыдно признаться себе, что никогда я не попытался узнать, что было известно жителям городка о дальнейшей судьбе пленных поляков. Впрочем, возможно, этого никто и не знал. Тогда не любили оставлять следов подобных деяний.

* * *

В то время политика меня не интересовала, газет я не читал, со взрослыми общался мало. Передо мной открывался новый мир, полный очарования. Было чрезвычайно приятно сознавать себя жителем такого красивого старинного города – классического уездного центра. Во многом он оставался еще таким, каким сложился при последних царях. Город располагался вдоль берега реки Унжи тремя параллельными улицами. Первая из них называлась Набережной Унжи, вторая – Нижней улицей, третья – Верхней. Четвертая – Средняя улица – пересекала их перпендикулярно. Дальше от реки были еще маленькие улочки – Овражная, Запрудная, Набережная речки Кичинки. За Кичинкой, притоком Унжи, начиналась слобода Звоновка из шести параллельных линий, которые выходили на перпендикулярную

им и соединяющую их седьмую линию.

На возвышенном крутом берегу Кичинки, господствуя над всей округой, видный за несколько верст в заречных деревнях высился старинный пятиглавый Успенский собор. В 1824 году на его освящении присутствовал император Александр Первый, совершавший поездку по некоторым уездам северо-запада России. Под куполом собора совершались все важные церковные акты жителей города и окрестных деревень. В 1911 году здесь венчались мои родители. В советское же время – с середины 30-х годов – в соборе обосновалась машинно-тракторная станция. Прокопченные сажей, без крестов, купола собора и колокольня стали символом новой власти. Неподалеку когда-то стояла также церковь Св. Макария, снесенная в 20-х годах. Напоминанием о ней на образовавшемся пустыре осталось тяжелое каменное надгробие на могиле одного из почетных граждан города. В 39-м году здесь уже был разбит городской сквер и стояла статуя “вождя” с протянутой рукой. Раньше здесь располагалась базарная площадь, проводились ярмарки, чуть ниже в сторону реки начиналась набережная Унжи, место гуляний. На набережной стояли кинотеатр, называвшийся еще с дореволюционных времен Народным домом, а также одно из школьных зданий.

Неподалеку начиналась Верхняя улица, утопавшая в зелени палисадников с сиренью и акацией и окаймленная рядами старых лип по обе стороны тротуаров. Одноэтажные и двухэтажные дома, обшитые тесом, иногда с каменным первым этажом, соединенные причудливыми глухими оградками с воротами и калитками, придавали улице вид строгий и солидный. Конечно, это была не рабочая Нея, жившая нараспашку, шумно и открыто. Кологривские мещане не открывали своих окон, заставленных геранями, не перекликались друг с другом через дорогу. На Нее обычно и взрослые, и дети все лето ходили в майках, в моде были почему-то среднеазиатские тюбетейки, в праздник носили белые парусиновые полуботинки, белые брюки и рубашки апаш. Кологривские граждане одевались более строго и старомодно. Да здесь и не было такого, как на Нее, засилия молодежи, особенно летом, когда учебные заведения отпускали своих питомцев на каникулы. Некоторая сонная патриархальность как раз и нравилась мне, может быть, по закону контраста с предыдущим периодом, нейским; а может быть, и потому, что Кологрив чем-то напоминал ту Россию, какую я знал по русской литературе и которая близка была моему тогдашнему душевному складу.



Верхняя улица заканчивалась у Кологривского краеведческого музея, который занимал (и занимает теперь) красивое двухэтажное здание из красного кирпича с башенками и флагштоком на островерхой крыше. Построили его перед революцией как вокзал будущей железной дороги. Неподалеку от музея также накануне революции появилась третья церковь, возведенная на деньги местного купца и промышленника И.В. Козлова, но ее, кажется, не успели освятить.

Нижняя улица Кологрива была победнее Верхней, не такой престижной, но тоже зеленой и тихой. На ее конце, близком к центру, стояли почта, одно из зданий средней школы, в котором я учился в 10-м классе, и книжный магазин. А на углу улицы и базарной площади находилась, как и положено, аптека (это европейская традиция, идущая от древних Афин: аптека по-гречески и означает “на углу”).

Немного отступив от темы повествования, хочется высказать суждение по поводу городской топонимики довоенного Кологрива. Она кажется мне образцом целесообразности и естественности возникновения названия улиц. Само название становится указателем нахождения данного места: Овражная расположена вдоль оврага, Верхняя идет поверху. Как легко было в старой России найти нужное место, когда существовали улицы Почтовые, Вокзальные, Со-

борные, Никольские, а также названные по направлению почтовых трактов: Смоленская, Московская, Владимирская. Названия имели практическое назначение и одновременно были красивы своим разнообразием. В советское время карта каждого города стала своего рода Доской почета и утратила важнейшую функцию указателя места. А как однообразны и нелепы названия улиц имени Клары Цеткин, Третьего Интернационала, Кирова, Куйбышева и прочие. К тому же к этим улицам прославленные революционеры не имели никакого отношения. Именно подобные переименования претерпела и карта Кологрива.

Однако продолжаю описание города. Настоящим украшением его были здания бывших гимназий, мужской и женской. Они располагались за Кичинкой, на землях слободы Звонки. В 39-м году гимназические здания занимали трехгодичный педагогический техникум и двухгодичная медицинская школа. Наконец, в дореволюционном Кологриве имелось еще одно учебное заведение – Чижовское сельскохозяйственное училище, расположенное за рекой, напротив города. Серия образцовых сельскохозяйственных училищ на деньги костромского мецената Ф.В. Чижова была построена в нескольких городах губернии. На закладке фундамента Кологривского училища присутствовал

приезжавший из Москвы С.И. Мамонтов, известный меценат и предприниматель, душеприказчик Ф.В. Чижова. Вид из города на заречные просторы и поныне украшают красивая крыша и часть фронтона великолепного учебного здания. В советское время здесь размещался сельхозтехникум.

Поскольку речь зашла о культурных учреждениях города, дополню перечень их. Городская общеобразовательная школа второй ступени, то есть с пятого по десятый класс, предназначалась не только для городских, но и деревенских детей всего района. В Кологриве находилась также межрайонная зональная школа для глухонемых. Городу с населением около пяти тысяч человек наличие такого числа учебных заведений придавало облик и значение культурного центра обширной зоны.

Естественно, что существовали и все иные необходимые учреждения. На Звонке же, неподалеку от бывших гимназий, утопая в зелени парка, располагалась городская больница. Широкой известностью и признанием пользовались кологривские врачи-терапевты нескольких поколений. Это были как коренные жители, так и выходцы из других мест. Одно время – в 10-20-х годах – в числе врачебного персонала оказались немцы (возможно, интернированные после начала войны в 1914 году). В городе имелись также туберку-



лезный диспансер, дом для престарелых. А на берегу речки Кичинки стояла общественная баня.

Еще одной достопримечательностью Кологрива, как и любого старого русского города, было кладбище. Располагалось оно неподалеку от набережной на юго-восточной окраине среди берез и сосен подступавшего когда-то к городу леса. Кладбище украшала железная ограда на кирпичном фундаменте, у входа стояла побеленная кирпичная часовня. Тенистые кладбищенские дорожки даже в жаркую летнюю пору хранили прохладу, а тишину нарушали только стаи ворон. В поминальные дни сюда приходили горожане и жители окрестных деревень. Здесь покоились и наши шилеговские усопшие, были могилы бабушки (по отцу) Анны Константиновны, моего маленького брата Сережи, многих родственников.

Описывая внешний вид Кологрива довоенной поры, я употребляю прошедшее время, потому что теперь это во многом другой город. А кладбища не стало вовсе. Его просто разрушили, сломали ограду, часовню, разровняли могильные холмики и устроили танцплощадку. Прилежавшую к часовне лужайку превратили в футбольное поле. В 70-х годах, когда вошло в моду создавать мемориалы, танцплощадку переоформили для мероприятий, связанных с окончанием войны 1941-1945 годов. Это было нелепо:

кладбище никак не связано с этой войной. Впрочем, оно стало уже местом, куда заходят распить бутылку водки без лишних свидетелей.

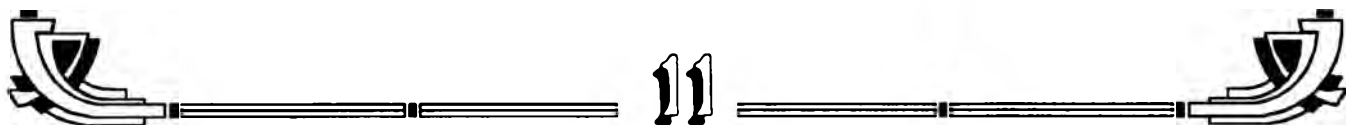
Разрушение кладбища началось еще до войны. Власти города безуспешно пытались разобрать кирпичную ограду и воспользоваться готовым строительным материалом. Кладку пришлось разрушить. Дольше всего сохранялся небольшой уголок кладбища, где были захоронены немцы, интернированные в ряде северных городов европейской России, в том числе и в Кологриве, после начала первой мировой войны. Посольство Германии, как гласит молва, в 30-х годах специально ходатайствовало перед Кологривским городским советом о сохранении могил бывших германских граждан. С началом войны с Гитлером немецкие захоронения постигла общая участь.

Видимо, можно было бы назвать и многие другие утраты, понесенные городом, особенно, если бы я мог сравнить 39-й год с еще более ранним периодом. Так, судя по рассказам старожилов и согласно Энциклопедии Брокгауза, в Кологриве было несколько трактиров, чайных, колбасный и кондитерский магазины, скобяные лавки, шумели базары, проводились ярмарки. Город богател стараниями лесопромышленников. Было то, что называлось приличным обществом. Летом по набережной гуляли нарядные пары,

зимой на льду широкой запыруды на Кичинке, напротив особняка Дубровина, одного из отцов города, под звуки духового оркестра катались гимназистки и гимназисты. В Народном доме устраивались концерты, спектакли.

Но мне в 39-м году, в мои шестнадцать лет, Кологрив все равно казался настоящим городом. Я наблюдал следы и той старой жизни Кологрива. Еще можно было встретить на улице людей с благообразной внешностью; деревенские, появляющиеся в городе по своим делам, еще не чувствовали себя хозяевами (как теперь). Даже мы, жители Звоновки, соблюдали известную дистанцию по отношению к кологривским старожилам. Говоря ученым языком, в городе сохранялась социальная стратификация – взаимная обособленность общественных слоев. А это важное условие развития, когда есть кому и чему подражать, какие избирать для себя эталоны.

Настоящим ударом по общественному благополучию города стали 37-й и 38-й годы, когда была арестована едва ли не половина учителей. Конечно, в городе существовала интеллигенция, по своему духу чуждая большевистской власти, имелись среди нее и бывшие члены партии эсеров. Но совершенно очевидно и то, что никакой их политической деятельности в то время уже не было и в помине и быть не могло. Но властям казалось



достаточным и того, что в городе чувствовался этот интеллигентский дух, противный вождям пролетарской диктатуры. Еще бы! В учительских педагога говорили но-французски, хотя в школах преподавали только немецкий; да одного этого довольно, чтобы заподозрить их в контрреволюции! И по происхождению они были либо из духовных, либо из купеческих, а то и из дворянских сословий. Троицкие, Алякинские, Ладыженские...

Придя в 10-й класс, я по молодости лет не почувствовал, что в школе только что произошел погром. Много позже, повзрослев, я смог понять происшедшее. Одно то, что в 39-м году райком партии назначил директором школы партийца, только что руководившего машинно-тракторной станцией, говорило о деградации и упадке культуры в городе.

К счастью, даже та жесткая чистка оставила нам некоторую возможность воспользоваться плодами существовавших на протяжении десятилетий прекрасных школьных традиций. И тот самый интеллигентский дух русского просвещения и гуманизма все еще продолжал витать в школьных классах. Всегда буду помнить уроки литературы, которые вел милый и интеллигентный Петр Алексеевич Просеков. В то время, когда вся школа страны была скована, как железным обручем, всяческими регламентациями, Петр Алексеевич умудрился вмес-

то шаблонных идеологических натаскиваний просто знакомить с русской литературой. Так, на уроках он прочитал нам сам лично весь "Вишневый сад", я и по сей день считаю для себя это лучшим представлением знаменитой чеховской пьесы.<...>

Мне очень нравился Кологрив. Эти домики с палисадниками и цветами в навсегда закрытых окнах я мысленно населял чеховскими чиновниками, во вторых этажах домов посolidнее мне виделись купеческие и дворянские барышни. За глухими оградами, казалось, шла та самая жизнь, которая волновала меня в романах Тургенева и Гончарова. Привлекало в этих видениях не внешнее богатство, а духовный мир, каким он мне представлялся. Поклонение идеальному образу русского провинциального города поддерживало мое самочувствие, утверждало в мысли, что стоит и жить, и учиться, и строить планы на будущее.

Сейчас я прихожу к выводу: какое это важное обстоятельство – благоприятная, вдохновляющая среда обитания. Мама, сестры и я, как мне теперь совершенно очевидно, пережили настоящий душевный подъем, испытали малознакомое до того чувство человеческого достоинства. Уже в то время я понимал, как много значила для матери, казалось бы, пустяковая новизна, когда соседи тебя называют по имени и отчеству и когда самой при-

ятно усваивать городскую вежливость.

* * *

И все же самой значимой для меня средой обитания в тот год стал мой 10-й класс. Будучи нейским девятиклассником, я больше всего любил товарищество. Были у меня горячо любимые друзья, друзья навеки, в том числе и девочки. Как грустно было уезжать, расставаться. Не верилось, что – навсегда. Обосновавшись на Звонковке, я начал интенсивную переписку с Неей. Много писал и много получал писем в ответ. Но вот пришел сентябрь. В новой школе я почувствовал себя чужим в среде ребят. И это отчуждение мне так и не удалось преодолеть вполне. Трудно сказать – почему. Между тем ребята были в общем-то скромные и серьезные. В то время молодые люди, решившие не ограничиваться семилеткой, как правило настраивались на продолжение учебы по велению своего ума и сердца, а не по настоянию родителей. Не существовало еще и нелепого обязательного среднего образования: не хочешь, но учись.

Куда более важное значение для моего самочувствия имело общество одноклассниц. Когда-то отец привел меня в Елховскую начальную школу, что в полутора верстах от Шилекши. Заведующая Вера Федоровна Зуева положила на табурет букварь, показала мне место в тексте и попросила по-



читать. Опустившись на колени перед книгой, я прочел несколько абзацев. Задав два-три вопроса, учительница направила меня сразу во вторую группу (класс). Так и пошло: я всегда был моложе своих одноклассников минимум на один-два года. В юности эта разница играет роль качественную. В 10-м классе в мои шестнадцать лет меня окружали взрослые девушки, которых я не знал в предыдущих классах, не видел их обыкновенными девчонками-подростками. Это были барышни, очень симпатичные и интересные. А я – новенький и, значит, вызывал по крайней мере их любопытство. Некоторая неприязнь ко мне парней давала повод к естественному для девушек сочувствию. Было приятно заметить доброе расположение к себе со стороны девичьей половины класса. Да это неудивительно: ведь я ни с кем из одноклассниц еще не был в ссоре, никого не обидел, никому не надоед, никто меня просто не знал, а это если не плюс, то и не минус. К тому же я очень стеснялся и давал повод еще к одному добродушному женскому чувству – желанию покровительствовать и ободрить.

Таково мое предположение о том, как приняли меня одноклассницы. И это, конечно, только предположение. Сам же помню и твердо знаю, что в окружении девочек испытал восхищение этими новыми лицами – такими милыми.

Самой яркой в классе была Женя. Смуглая, черноглазая, с красивыми выющимися волосами, которые слегка прикрывал белый берет – такой я увидел ее в первый день. Она не выглядела уездной барышней, не было в ней ничего романтического, держалась просто, без ужимок, задорно смеялась, в ее взгляде светилась одна доброта. Без всякой ложной скромности она сразу взяла над мною шефство: стала на переменах рассказывать о классе, о городе, аттестовала педагогов, предупреждая об опасностях, которые могли мне грозить. Часть пути из школы мы шли вместе.

Женя жила вдвоем с мамой, заведующей городской гостиницей, именованной в то время Домом колхозника. Два крохотных гостиничных номера и были их квартирой.

Когда-то на Нее моя дружба с девочками возникла из разговоров, чаще всего серьезных, друзья прозвали меня за это философом. В дружбе с Женей нас свела не “философия”, а ее гитара. Женя знала все популярные в то время лирические песенки, больше же всего любила старинные романсы и прекрасно их исполняла. До той поры мне были знакомы только песни из кинофильмов и некоторые русские народные песни. Все вечера я пропадал у Жени, выходные дни мы тоже проводили вместе, много гуляли по кологривским окрестностям.

Дружба незаметно переросла в пылкую любовь. Мы плохо переносили разлуку. Учебу забросили. С интересом я относился только к урокам литературы и немецкого языка, который преподавал превосходный и всеми любимый в городе Иван Иванович Козлов.

Мое увлечение не на шутку обеспокоило маму. По ее просьбе со мной беседовал Илья Григорьевич – муж крестной Александры Федоровны. Он деликатно предостерег, что можно не получить аттестата, если слушать романсы прелестной Жени. Помогло не это предостережение. Известно, что любовь глуха к голосу разума. Просто постепенно мы оба стали выздоравливать от угара, который вскружил нам голову.

Я постепенно освоился в классе, меньше страдал от собственной скованности. Вместе с Женей мы преодолели период затворничества двух влюбленных и как бы вернулись к людям, в общую компанию класса.

Нет, это была счастливая пора. Тот кологривский 10-й класс стал мне наградой в виде аванса за страшные военные годы, которые ждали меня впереди.

Я помню мой десятый класс, наш выпускной вечер, когда мы все почувствовали себя близкими. Забылись мелочи школьной жизни, а в памяти осталось самое главное – незабвенная юность, которую прожили все вместе, рядом. За

городом, на поляне у реки Алексинки, днем мы устроили пикник. Я смотрю на старую фотографию: вот оно, свидетельство нашей молодости, счастья, веры в будущее.

Прошел год, и началась война. Почти половина ребят нашего класса не вернулась с фронта, осталась лежать в неизвестных могилах, далеко от родного Кологрива. В моем большом семейном альбоме есть фотография: мы, выпускники 1940 года, стоим двумя рядами на тротуаре у стены школы. Все ребята, стоявшие в верхнем ряду, погибли. В том далеком 40-м году они прощались с юностью, но уже через год и с жизнью.

Война бросила свою черную тень и на судьбу наших девочек. Можно представить себе обезлюдевший в 41-м году Кологрив, опустевшие деревни. А в 45-м стало ясно, что в город не вернуться не только те, кто погиб на фронте, но и почти все те, кто остался жив...

После окончания школы в 40-м году я уехал в Москву и поступил в институт. Вернуться домой мне довелось только 8 мая 1945 года после долгих пяти лет разлуки с родными. С каким волнением я увидел наш город, сойдя с грузовика, остановившегося у здания музея. Семнадцатилетним мальчиком я покинул родину, расстался с близкими и вот теперь шел

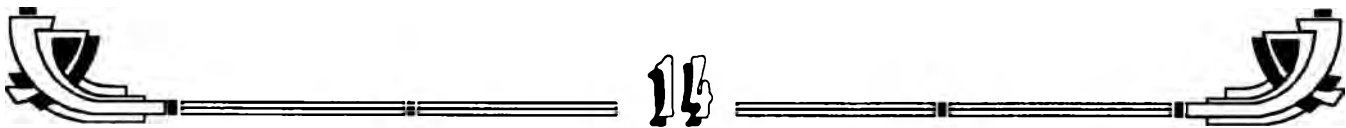
по Верхней улице в шинели, сапогах и пилотке, в майорских погонах. И мне уже было двадцать два года. Я узнавал и не узнавал родной Кологрив. Оказывается, он такой маленький и безлюдный.

Навсегда осталась в памяти встреча с родными. До поздней ночи длилась наша беседа. А утром 9 мая мы узнали, что война кончилась. Помню тот прохладный, но солнечный майский день. Непередаваемо радостное чувство охватило меня, когда я, наконец, понял, что все окружающее меня – это не сон, что рядом со мною мать – состарившаяся, но такая ласковая, самая дорогая. В доме все напоминало мне мою юность, самого меня – десятиклассника. И к радости примешивалась грусть о прошлом. На столе лежал томик Тургенева; как ни странно, открыв наудачу книгу, я увидел знаменитые строки: “Как хороши, как свежи были розы...” И тут, а это еще более странно, за окном на тротуаре показалась Женя. Она медленно шла в какой-то задумчивости. Я выскочил на улицу, окликнул ее. У нашей калитки, рядом с березой, еще не распустившей своей листвы, мы встретились. Жалею, что в тот День Победы почему-то у нас была только эта короткая встреча. Праздник я отмечал в кругу родных, а из школьных друзей меня навестила Наташа.

Я уже писал, что у меня не было дружеских отношений с ребятами из нашего класса. Но после войны я подружился с одноклассником Леней Клепиковым. Когда в 1945 г. я поступил в МГИМО, он в Москве же стал курсантом Военного института иностранных языков, изучал китайский язык. Потом Леня служил на границе с Китаем, но мы регулярно виделись в летние отпуски в Кологриве, наши матери тоже подружались, я знал отца и брата Лени, его жену. Последний раз мы встретились у меня в Москве. Выйдя в отставку в чине подполковника, после 35-летней службы на китайской границе, он поселился в Калуге, на родине жены Нины Владимировны. Работал в облисполкоме. Умер Леня неожиданно и, конечно, рано, ему было только 60 лет. У него есть сын Володя, тоже военный, и дочь Оля. Вспоминаю Леню с грустью, он был скромный, приятный человек, мы очень хорошо дружили.

После начала войны в Кологрив эвакуировался Московский институт инженеров землеустройства (бывший Межевой). Эта чистой воды случайность определила профессию некоторых кологривчанок...

*июль 1995 г.
г. Москва*



ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

Однажды летом 2003 года Кологрив посетил В.В. Устинов, генеральный прокурор России. Оказывается, его детство прошло в городке на Унже – в 1950-е годы отец работал здесь районным прокурором. Видимо ностальгические воспоминания о детских годах вызвали у высокопоставленного чиновника желание помочь городу. Результатом его беседы с главой самоуправления района И.Т. Шевченко стало выделение благотворительным общественным фондом 3 миллионов 176 тысяч рублей на реставрацию и восстановление Успенского собора в Кологриве. Неспешная его реставрация, продолжав-

шаяся с 1988 года, получила новый импульс. Сотрудники ГП “Костромареставрация” и их кологривские помощники проделали очень большой объем работы: восстановлено штукатурное покрытие внутри и снаружи здания, произведены ремонтные работы на колокольне, крыше и вокруг церкви; стены храма начали расписывать фресками. Территория вокруг собора украсилась новой металлической оградой, красивой беседкой, клумбами, деревянной лестницей, ведущей от центральной площади на соборную гору, а наружные стены покрыли золотистой охрой.

Закончить реставрационные работы планируется к 28



Собор Успения Пресвятой Богородицы. Фото 2004 г.

августа 2005 года, когда будет отмечаться престольный праздник храма – Успение Пресвятой Богородицы.



Часовня на городском кладбище. Фото 2004 г.

Утро в Кологриве



Кологрив на Унже-реке.

Фотовернисаж
кологривского
художника
Валерия
Яблокова



Автопортрет с женой.



Памятная часовня.



Утро в Кологриве.



Кологрив. Вид на колокольню
Успенского собора.

КОЛОГРИВСКИЙ ЛЕС

Лесов на Земле с каждым годом становится меньше. Когда-то лесами была покрыта горная часть Греции. Сейчас, проплывая по Средиземному морю, видишь голые, скучные острова, покрытые лишь бородавками кустарника. Ливан тоже был местом лесным. Память о тех временах хранят почти что поштучно сосчитанные ливанские кедры, живущие, возможно, дольше, чем американские секвойи, тоже нещадно порубленные. Франция свои северные дубравы свела на строительство кораблей. Лесная Россия тоже имеет много потерь: в петровские времена – строительство кораблей, становление первых промышленных предприятий, сведенье лесов под поля и деревни, рубки начала капитализации России, революция, война, перестройка, или как теперь ее называть?.. Мы все еще остаемся великой лесной державой, но нынешний подход к пользованию лесами внушает даже за нашими рубежами тревогу не меньшую, чем сведенье лесов в Южной Америке. В Западной Европе практически все леса вторичные, то есть это то, что растет после того, как леса девственные были вырублены. К сожалению, и в европейской части России та же картина. Всюду видишь березово-осиновое мелколесье

с вкраплением елей и сосен. Этим лесам шестьдесят – семьдесят лет. Завтра топор застучит и в них. Характерно это не только для промышленных зон, но и там, где фабричные трубы еще не заслонили деревьев, например, в лесной зоне – в Костромской области.

Но тут (южная часть тайги), близ границы костромских и вологодских земель, сохранился пяточок лесов, которых не касался топор, – Кологривский лес. Я много слышал о нем и сейчас, когда лесные проблемы нас очень тревожат, сподобился в этом лесу побывать.

Дорога туда из городка Кологрива не дальняя – километров сорок. Но это орошенная лесная дорога, заросшая мелколесьем, с ямами и ухабами, с гниющими по сторонам остатками лесосек, с речонками без мостов. Никаким трактором, кроме гусеничного, в знаменитый лес не добраться. Мы тронулись на армейском стареньком вездеходе. На пути эта машина пехоты надорвалась, пришлось ползком возвращаться и в Кологриве чиниться... Вторая попытка состоялась после майских дождей и обильного в здешних местах снегопада, прибавивших грязи в тоннеле зазеленевших березняков.

Но день поездки был солнечным, ярким. Вода в кол-

добинах живописно синела. Вороны лакомились в них лягушачьей икрой. Цвела черемуха. Уже оставившие на сухих островках апрельских зайчат беляки гонялись друг за другом возле дороги и, удивленные появлением дурно пахнущего и ревушего железного короба, забыв о майских гульбищах, взирали на нашу тележку с расстояния в пять метров.

На подъезде к знаменитому лесу перестали попадаться кладбища невыведенных осиновых и еловых хлыстов и гниющие кучи веток на захламленных пустырях, где лет десять-двенадцать назад зеленел лес. Водитель вездехода, местный егерь Сан Саныч Васечкин, останавливал паразитически выносливую машину и показывал нам суточной давности следы лосей и медведей, заполненные синей водой. А в одном месте мы всей оравой высыпали на дорогу и, оглядываясь, рассматривали место апрельской драмы: вылезший из берлоги медведь прямо на дороге задавил лося. Завалив тушу еловыми ветками, зверь подождал, пока мясо “созреет”, и, чтобы никто другой не покусился на его кровное, оставил метки – задиры когтями на елях, а порядочной толщины осину для пушей строгости меток обгрыз, как бобр.



Съел лося он чуть в стороне, оставив от лесного вегетарианца лишь белый череп и кости с копытами.

Подпрыгивая в кузове нашего транспорта так, что, казалось, внутренности сейчас оторвутся, мы все-таки доехали до желанного леса. На границе его стояла покосившаяся будка когда-то работавших тут людей. Ключки зимней шерсти свидетельствовали: зайцы и тут справляли свадьбы, а между делом в скрытом настиле из досок, служившем людям столом, выгрызли круговину величиной с банный тазик и подточили одну из стоек стола. “Тут у нас обычно стояла тарелка с солью. Видно, пришла по вкусу зайчикам просоленная древесина”, – сказал Сан Саных.

Девственный лес... Вот впечатление человека, повидавшего много разных лесов – Усманский бор под Воронежем, там же – лес Теллермановский, Шипов лес, дубравную первобытность которых нарушил царь Петр, строивший на Воронеже корабли. Теперь в лесах этих изредка встречаешь дубы-исполины, помнящие петровские времена.

Кологривский же лес никогда не слышал звон топоров. Он такой же, каким был и пятьсот, и тысячу, и может быть, пять тысяч лет назад. Он растет по законам, не искаженным людьми, и уже поэтому является бесценным памятником природы. В нем испытываешь чувство,



Кологривский лес. Фото 2000 г.

как будто увидел чудом сохранившегося мамонта.

Главная примета леса – деревья высотой в сорок и более метров. Гладкие их стволы напоминают колонны Исаакиевского собора в С.-Петербурге. И стоят великаны на Земле уже более двухсот лет. Ели царствуют в этих реликтовых зарослях, ниже их вечнозеленых вершин – ярусы тоже высоких пихт, лип и стройных, как ели, осин и берез. Ниже – рябины, черемуха, еще какая-то зелень подлеска, а совсем на земле – изумрудное пышное одеяло из мха. <...>

А на горях (они случались в древних лесах от гроз) ментально прорастает щетина березок вперемежку с осинником. Это первая ступень леса. Березы и осины живут недолго – лет до ста, умирая, они уступают место ельникам в местах сырова-

тых и соснам – в сухих. Дубняки, сосны и ели царствовали в древних лесах, образуя вместе с подрастающими ярусами своих соплеменников и иными членами лесного сообщества систему хорошо сбалансированную, живущую по законам, определившимся еще в те времена, когда людей на Земле не было, когда с лесом взаимодействовали только животные, грибы, ягоды, травы, мхи и лишайники.

Выбирая спелые, наиболее ценные в этих системах дубы, сосны и ели, человек, если даже и соблюдает нормы пользования лесами, заставляет их жить по искаженным законам, не дает им вернуться на естественный путь развития. Поправить это уже невозможно, надо стремиться хотя бы не оставлять пустыри на месте лесов. И потому пусть жал-

кие остатки первозданных лесов, вроде девятистот гектаров Кологривского леса, уберечь крайне необходимо.

И этим уже давно озаботились. Кологривский лес объявлен памятником природы. Но этого мало. Девственный лес интересен не только как чудо, дошедшее к нам из тумана далеких времен, лес важен как полигон для ученых, как наглядное пособие к уже открытым (и еще не открытым!) законам жизни лесов. Забота эта не только местная, костромская, и не только российская – всё человечество заинтересовано в сохранении эталонов природы, чтобы по ним поверять свои действия в лесопользовании.

Пять лет назад была создана группа по проектированию заповедника “Кологривский лес”. Возглавил ее биогеограф Максим Сини-

цын. Проектом сразу заинтересовались голландцы, где лесов, кажется, вовсе нет, и предложили свою бескорыстную помощь в организации заповедника: выделили средства, приезжали знакомиться с ходом работ, а когда они были закончены, ученые и посол Нидерландов приезжали отпраздновать вместе с нашими лесоведами важное это событие...

И что же? Несколько раз сменили хвою кологривские ели. Кое-какие из великанов упали, не выдержав давления ветров и тяжести зимнего снега. Подросли на несколько сантиметров елочки, идущие на смену упавшим деревьям. Еще глубже утоптали тропу по лесу кочующие лоси, считают годы в кологривском ельнике кукушки и долбят дупла в осинах дятлы. В Костроме и Москве появилось много новых домов, теснее стало автомобилям – время идет. А

толстый, аккуратно переплетенный том документов спrogramмированного заповедника пылится в шкафу научно-исследовательского института. Нервничают проектанты. Недоумевают, видя странную остановку дела, голландцы. Я вот взялся писать о кологривском лесе и знаю, что создание заповедника этого поддержит много людей. Но дело остается на мертвой точке. Печально известный (уже бывший теперь) руководитель Министерства природных ресурсов Артюхов Виталий Григорьевич, Бог ему судья, будучи специалистом по строительству дороги, неведомо каким путем попавший в Министерство природных ресурсов, ничего не смыслил в лесных делах и за “царствование” свое не открыл ни одного заповедника (“Кологривский лес” стоял первым на очереди). Может, теперь, когда обнаружилось, как говорят, “неадекватное” отношение власти к управлению лесами и лесопользованию, есть надежда: ошибку эту поправят... Лес надо просто сберечь и дать возможность ученым за ним наблюдать. На лосиной тропе, ведущей в легендарный лес, пора разрезать зеленую ленточку учреждения заповедника, демонстрируя мудрое отношение к нерастраченной ценности. Это бы многих обрадовало, обнадружило.



Василий Песков в гостях у кологривских школьников. Фото 2000 г.

Комсомольская правда,
№ 98-2004





"ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ..."

Судьба памятника природы "Кологривский лес", долгие годы волновавшая российскую общественность, похоже, улыбается ревнителям природы и экологам. Уникальный лесной массив включен в перечень вновь создаваемых заповедников и присутствует в плане природоохранных мероприятий 2005 г. под названием "Кологривский лес". Знаменитую кологривскую тайгу кто только не посещал из светил отечественной лесной науки, даже голландцы, предоставившие гранд на проектирование здесь лесного запо-

ведника. Оказывается, еще в 30-х годах XX века обсуждался вопрос о его создании в междуречье Унжи и Ветлуги. В 1961 г. был даже подготовлен проект такого заповедника, который остался невыполненным. В 1969 году разработан еще один проект, и тоже остался на бумаге. В 1984 г. на базе памятника природы "Кологривский лес" утверждается очередной проект заповедника. И лишь летом 2000 года проектные работы, наконец, начались. Поучительная проектная "канитель" беспокоит сегодня патриотов земли кологривской, руководство района

и ученых, которые мечтают сохранить для России от вырубок и расхищения этот уникальный реликтовый лес. Напомним, что заслуга первооткрывателей его принадлежит П.Ф. Чистову, бывшему лесничему Варзенского лесничества и ученому-лесоводу А.Ф. Письмерову, который считал, что экосистема этого памятника природы сохраняется в первозданном виде чуть ли не с ледникового периода, а это около 20 тыс. лет. Вряд ли во всей Европе найдется такое уникальное место.

ЗАКАЗНИК "ПОЧИНОВСКИЕ ЛУГА"

Почти в городской черте Кологрива можно увидеть уникальное явление. Над затопленными Починовскими лугами стоит гогот множества диких гусей. В светлое время суток можно наблюдать тысячные стаи птиц, которые отдыхают здесь на перелете, чтобы отправиться дальше в заполярные тундры, в места своих гнездо-

вий. Зачастили в Кологрив из столиц и ученые, и птицеловы, даже были орнитологи из Нидерландов, а уж про телевизионщиков и говорить нечего.

У главы самоуправления И.Т. Шевченко и местных любителей природы есть идея создания заказника диких гусей "Починовские луга", ведь такие места, по мнению спе-

циалистов, большая редкость, в России встречаются только вблизи Иркутска и в Олонце (Карелия). Депутаты Кологривского районного собрания, экологи собираются взять под контроль развитие заказника и расширение зоны покоя во время прилета птиц, обеспечение охраны диких гусей от варварского уничтожения.

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Фрагменты из книги о жизни и творчестве Е.В. Честнякова.
Публикуется впервые.

Мы опоздали к нему приехать во время, когда он жил и когда все было цело и все имело законченную систему.

Он же выполнял свою программу, которую сам и сформулировал: "Цели мои – деятельность в деревне..." И он почти ее достиг. Его прекрасно знали и понимали те, к кому обращал он свои знания, полученные в городе, свой талант, который питался знаниями и творчеством тех, среди которых он родился, жил и рос. Мы опоздали к нему...

...Что такое Ефим Честняков для нас – сегодняшних и грядущих поколений? Он память (вечная и всегдашняя) своего крестьянского сословия, которое постепенно умирает, а вместе с ним и умирает ценнейшая культура славян (самая древняя и самая поэтому богатая).

18.03.76.

Кологрив. Сегодня прочитал лекцию в средней школе для 8-9 кл. В основном ребята восприняли с большим интересом, для них было понятно многое



из самих произведений, а не из истории, которую они не знают (имею в виду историю нашей Культуры).

В 17 часов читал лекцию в лекционном зале музея. Зал был набит до отказа. Контингент был самый разный: ученики, интеллигенция и, конечно же, старики и старухи. Слушали с крайне большим вниманием. Старики воспринимали как что-то знакомое и близкое в содержании работ, а форма для них, в общем-то, почти не существует, понимают, что просто красиво и что раз это "нарисовал" их Ефимко, значит, это так и нужно и только так возможно.

Мне показалось, что и из интеллигенции тоже отнеслись ко всему, о чем говорил, с большим вниманием и очень серьезно. Была на лекции и Зоя Ивановна Осипова. Для нее всегда это интересно...

Завтра в техникуме и РДК – лекция, а послезавтра – в Бурдово.

06.06.76.

д. Починниково (на даче).
Костромской район.

...А ночи прекрасные в деревне. Стоял у реки, смотрел на широкое поле под лунной, впереди деревня... И мысль обращается через эту красоту и тишину к Ефиму Васильевичу. Он ведь не был созерцателем красоты, для него она была естественным состоянием, и он не анализировал ее, не анатомировал, она была уже в нем – он, мысля этими категориями, решал более глубокие, глубинные проблемы, он строил свое искусство на уже уложенном самой природой красоте-фундаменте, он шел дальше, шел выше. Поэтому то еще искусство велико, оно – мысль, философия, мудрость, в основе которых лежит естественная красота и прелесть самой природы. Поэтому он был в праве фантазировать, трансфор-

мировать, так как близок был к природе. Она в нем была самым естественным образом. Честняков – художник будущего, и очень трудно хоть сколько-нибудь приблизительно определить то время, когда начнется истинное открытие этого мудреца.

1977 г.

Кострома. ... Теоретическая, а также и практическая сторона гуманизма Е.В. Честнякова не утопична, она просто оказалась в исторических рамках в трагических условиях. И что в своей основе глубже и справедливей, пока еще трудно делать выводы: то ли победивший социализм, разрушивший крестьянство, то ли “утопизм” Честнякова, не сумевший противостоять грубой экспроприации и идеологической борьбе.

1977 г.

Несколько мыслей о Честнякове.

Читать его материалы необходимо постоянно, медленно и только тогда он начинает раскрываться всей своей глубиной, ибо даже в его черновиках-письмах сохраняется его, “честняковский”, особенный склад, дух, какая-то особенная атмосфера, из которой проступает особенный человек – человек со множеством граней: простой, обычный, реальный (когда он пишет Чу-

ковскому о том, как читал на “средах” у Репина свои сочинения) и другой – человек-мудрец, человек размышляющий, думающий глубоко о сложных человеческих отношениях; и иным он представляется уже в его произведениях – какой-то особенный, в другой атмосфере.

Был вечером В. Сапогов. (В.А. Сапогов – преподаватель КПИ.) Был подавленный, признался, что вдруг (после очередного посещения выставки Честнякова) перестал понимать ясно Честнякова, ибо он намного глубже и сложнее, чем ему представлялся до сих пор. Говорил, что понимание “зла” у Честнякова часто крестьянское, но не такое, как выражено, скажем, у С.-Щедрина, например.

И еще. Мне вспомнилось, как рассказывал посетитель выставки Честнякова из Ярославля, который знал его еще в раннем детстве, что Честняков устраивал для детей театр у себя дома и



Виктор Игнатьев с тележкой-ондрец. Шаблово. Фото 1977 г.

всегда изображал героя, который прятался в домике. Домик этот был сделан из картона, и в этот домик Честняков прятал мальчишку вовнутрь и заставлял его повторять какие-то слова, то есть играть какую-то роль. Все это было похоже на разыгрываемую сказку.

26.08.77.

дер. Спирино. У нашей машины, когда стояли на краю деревни, у полуразрушенного дома, остановилась Анна, сельский почтальон. Меня узнала. Разговорились.

“При его жизни мало ходили на ключик, – говорит она. – Вот после смерти Ефима Васильевича и стали ходить, как бы вспоминая его, как бы на святое место”. (Стало быть, место стало святым, его именем. Человек собой сделал место святым). Вспомнила стих Е.В.:

При широкой при долине
Жил король тетеревиный... – так приговаривал Е.В., когда показывал картину “Тетеревиный король”, которая была у нее после смерти художника и которая теперь уже в музее.

Гуманист и просветитель. Эти категории в нем соединялись прекрасным образом. Теория “Города всеобщего благоденствия”, как и “Города солнца” у Кампанеллы, развита в новых исторических условиях.

Просветительские идеи Ефима Честнякова имеют аналоги в истории, если вспомнить, например, укра-

инского просветителя XVIII века Григория Сковороду.

Способ же выражения этих идей приобретает форму своеобразного театра, театрализованного действия.

19.06.79.

Ленинград. Духовный мир крестьян, сконцентрированный в устном народном творчестве – в песне, сказке, танце и т. п. – стал основой всего творчества Ефима Честнякова. В каждой дневной трудовой жизни крестьянина, когда он пахал, сеял, жал, молотил, пек хлеба, строил дом, он видел, наряду с изматывающей силой, силу иную – творческую: “Я люблю, когда человек играет. Изуставший над сохой...”. Не внешнее проявление творческих сил народа, а внутреннее, затаенное в душе – вот то, что испытывал в себе художник. Поэтому в его искусстве нет ни пейзажа как такового, нет и конкретной, документально зафиксированной деревни. В картинах, сказках-повестях – точные названия (Шаблово, Урма, Бурдово и т.д.), но это только географические названия. И Город Всеобщего Благоденствия – это совсем уж не конкретный город.

В “Хронике”: как первый раз поехали сотрудники музея (Лебедева, Макаров, Корф) и почти случайно заехали в Шаблово. Здесь же о том, случай это или зако-

номерность – право разобрататься читателю. Элемент случайности, собственно, как и во многих открытиях, присутствует. Если не 68 г., то, может быть, позже, а открытие Е. Честнякова состоялось бы, так как (и это главное) Ефим – явление большое, а поэтому его нельзя было бы не заметить. Во-первых, о нем уже складывались самые настоящие легенды, его жизнь оставила весьма заметный след в жизни крестьян Кологривского края, особенно в деревнях Верхней Унжи. Может быть, его открытие началось бы с этой легенды, но было бы утрачено многое из его искусств. Однако такие явления бесследно не исчезают.

Второе открытие, второй этап открытия, безусловно, связан с поиском и находкой, хоть и очень в разрозненном виде, архива художника. В поиске этого архива участвовал я.

Легенда приобретает реальные конкретности.

Из опыта неоднократных поисков могу сказать, что очень часто самую большую помощь нам, музейщикам, оказывают местные партийные работники. Так было и в этот раз. З.И. Осипова была в то время секретарем РК партии в Кологриве. Чисто русского образа женщина, немного уставшая, но очень добрая, она встретила приветливо и выслушала с большим вниманием.

Этапы поисков. Экспедиции.

Легендарное в судьбе Честнякова и совершенно реальные факты, рукописи художника и рассказы о нем крестьян, новые живописные произведения и новые факты, новые встречи. Все это давало возможность наиболее полно воспроизвести в нашем воображении в полном объеме и реальные, конкретные черты Ефима Честнякова и почувствовать, быть свидетелем рождения самой настоящей легенды о человеке. Наверное, так было в далеком прошлом, когда создавались легенды о богатырях и других народных героях.

Из “зеленого” дневника.
Вместо вступления.

Поездка в Кологривский район научной экспедиции, которые музей организовывал практически ежегодно.

А потом их было не одна, а много. Были оснащенные: магнитофон, фотоаппаратура, кинокамера, были специалисты – журналисты, фотографы, реставраторы. И картины тех мест, которые будут здесь даваться, мне кажется, помогут во многом понять глубже истинную суть Честнякова и как человека, и как творца.

Когда мы были на Илейнике – покосных полях, лужайках, как-то почти непривольно все рисовало Ефима Васильевича, казалось нам, что мы видим его, а музыка осени, глухие чащи лесов

вокруг полян и весь покос, обилие грибов, среди которых нам попадались огромных размеров экземпляры, и даже само небо и воздух были какими-то особенными и сами по себе уже творили сказку.

И я до сих пор (времени прошло уже достаточно после экспедиций, и было всего много) остаюсь глубоко убежденным, что сама природа создала в нем всю ту фантазию и все то, носителем чего он был в своем творчестве и в отношениях к людям. "Нищета и сказка"...

Нужно каждому прожить хоть часть, пусть даже не совсем большую, в деревне, в тех условиях, в каких пришлось жить ему самому, чтобы почувствовать и понять тот глубокий смысл, какой он выкрикивал сердцем, когда писал: "От весны до зимы занят работой. А за труд мой ученый я принимался зимой".

Ему приходилось бороться за свое существование, чтобы творить сказку, да еще в такие трудные для всей крестьянской массы годы.

* * *

<...> Думал, что в этом маленьком лесном дневнике удастся записать мысли, которые рождаются походя, только относящиеся к Честнякову. Но не всегда это получается напрямую.

Наверное, нет больше такого состояния полного

умиротворения, чем то, когда ты наедине с лесом и особенно осенним, под осенним солнцем. Это почти невыразимо, так как настолько глубоки чувства, которые испытываешь, а мысли настолько обширны и память распространяется настолько широко, что трудно их передать бумаге.

Каждая деталь: крошечная травинка, разрушившийся коричневый пенек, седые плети мха и ярко-зеленый ковер молодого мха, могучие освещенные сосны, молодые взгрустнувшие елочки – и весь лес приобретает в вечерних, теплых, по-особенному теплых осенних лучах солнца какую-то особенную значимость. Душа наполняется могучим сознанием и чувством великой природы, природы, которая вечна вместе со своей планетой. Что-то первозданное возникает во всем твоём существе, и ты становишься богаче и могущественней. Грустная могучая радость наполняет сердце!

Лесные дороги, тропки, лесные поляны с цветущим багульником и красной брусничкой – в них столько таинственного, манящего, сказочного.

Когда в низинах начинает подниматься седой с синевой туман, становится тихо-тихо, и когда приближаешься, прохладно, силуэты кустов и деревьев полны таинственности и даже мистики.

Из лесного дневника.

Находясь наедине с лесом и всей природой, медленно, не торопясь переходя через поле из перелеска в глухую чащобу, выходя из яркого света лужаек в темный полумрак почти девственного леса, он все время рассуждал, созерцая окружающую красоту. Для него в его одиночестве вся окружающая природа: цветы, деревья, ягоды, грибы, которых, кстати сказать, он брал для себя столько, сколько ему было необходимо, – приобретала свою жизнь, все одухотворялось так же, как и сама земля, небо – весь мир.

<...> Е. Честняков был, может быть, как никто из художников органически связан с тем миром, который он выражал в своем искусстве – миром природы и миром жизни крестьян. Мне доводилось бывать не в одной экспедиции по местам, где жил художник. Чарующая музыка журчащего в тени ключика – Ефимова ключа, Шабловские Альпы, верховья Унжи, таинственные с полумраком леса на выкосах в Илейном, где растут грибы невероятных размеров, деревни Шаблово, Спирино, Хапово, Мичурино и т.д. – все это дает возможность как-то наиболее полно понять и ход самих рассуждений художника, и художественную структуру его образов, и даже почувствовать ход рассуждения, увидеть его самого.

30.07.82

г. Кологрив. Сегодня в 11 часов 10 минут открыта первая посмертная выставка на родине – выставка Ефима Честякова. Сказал три слова коротких Н.И. Соколов (секретарь РК), говорил 40 минут я. Зоя Ивановна Осипова принесла полевые цветы в кринке, лапти и полную кошелку – атрибуты крестьян времен Ефима Васильевича. Была Г.А. Смирнова с внучкой и мужем, было много народу – и молодые, и пожилые, были дети. Было торжественно и по-особому (для меня) радостно и необычно: после многих нервных доказательств, реставрационных дел, местного скептицизма, трудных экспедиций – вдруг все это приняло такой торжественный исторический дух. Наверное, всегда начало вызывает в душе человека особую торжественную эмоцию – первая страница и уже не черновика! <...>

Из нашего музея – 65 работ (Живопись и графика. Из Кологривского – живописи две, что отреставрировала Малягина – “Посиделки” и “Девочка в темном платье с белым кружевным воротничком”, скульптура и графика, акварельная и пером).

“Ведение невесты из бани”, “Женщины и дети”, “Белошвейка”, “Ряженые”, “Сестрица Аленушка и братец Иванушка”, “Собрались на праздник”, “Женский портрет в овале”.

10.08.83.

д. Починок.

Дни пролетели, как часы, как тучи в ветреную погоду... Ночами работаю над материалами Е.Ч. Медленно идет работа... (...) Его образ полон трагизма, ибо дух его был постоянно молод, молод настолько и настолько чист, что он сам себя ощущал способным начать даже личную жизнь в свои 70 лет. Вспоминается при этом рассказ Андрея Малютина (уже покойного) из деревни Шаблово, что он в старые годы предлагал со-

единиться сухим браком с какой-то деревенской женщиной, - ему нужно было духовное единение, ему нужен был спутник в духовной его жизни, но не семья в том обычном для преобладающего большинства людей смысле. И мир ощущений его жизни все-таки был далек от реальной жизни деревни, крестьян; в нем слились идеи города с его философской мечтой и наи-

вная в форме фольклорной трансформации крестьянская легенда о лучшей жизни: все эти летающие люди, сказочные большие города-деревни, большие пироги на один праздник, щедрые яблоки для всей деревни от осени и на всю зиму – эта идея всеобщего благоденствия – мечта крестьянина, мечта, которая была вложена в его душу еще в раннем детстве бабушкой Прасковьей, дедушкой Самойлом и всей деревенской жизнью с ее общим и древним укладом. Но эта мечта требовала



Главный хранитель Владимир Макаров и директор музея Виктор Игнатьев в д. Шаблово. 1970-е годы.

выражения – и форма искусств, которую он познал в городе, она вводила его от того изначального содержания грез, легенд (в его сознании), мечты, которые были в деревенской жизни. Для этих деревенских крестьянских утопий и формы должны были быть соответственные: сказки-напевы и песни – белого стиха, а не литературная форма стиха, былинные повествования, а не Марко Бесчастный, стилизованные берегини, а не конкретные люди и т.д. Город научил его видеть в конкретном человеке не только человека и его индивидуальность, но видеть его как часть большой жизни, как это в народном искусстве, в котором сходство совершенно относительная необходимость, а важно видеть человека как действующую часть большого действия. Потом и само действие приобретает уже не те конкретные жизненные формы (даже в сказочных мотивах, скажем, в иллюстрациях к норвежской сказке “Семеро сирот из Фростмо”), а скорее его образы.

Трагедия его глубока. Стремясь произвести определенные преобразования в общей жизненной структуре деревни, он вместе с тем пребывал в каком-то светлом своем детстве постоянно и всю жизнь до ее конца. Возникает такое ощущение (особенно, когда читаешь черновики его писем в 30-50 годы), что он собирался про-

жить на земле по крайней мере лет эдак 250! А может быть, он и чувствовал очень большую потенциальную силу своего духа, который и действительно способен был пройти (даже в дряхлом теле-скафандре) такую временную дистанцию...

Историческая ситуация его жизни, его собственное мировосприятие – вот, пожалуй, истоки его трагедии, с которой он в практической жизни так и не смог справиться. Он чувствовал в себе силы глубоко гуманного содержания и такой большой любви ко всему на земле живому, что для него насилие в любой форме и в любом проявлении было совершенно и органически неприемлемо. Он чувствовал извечное стремление крестьянского люда к всеобщему благополучию – благоденствию – а на его глазах совершалось насилие все с теми же винтовками, с которыми отбирали практически не только излишки (которые составили бы всеобщее благоденствие), но даже жизненно необходимые накопления. <...>

А он чувствует в себе силы и возможности сохранить не только данное ему народом, но и понять, осмыслить философски и формами многих видов искусств все происходящие вокруг него явления, суждения, идеи и научные достижения. Поэтому-то он и рвется постоянно в ученики к Репину, видя в нем учителя не

только в изобразительном творчестве, он с ним спорит (в письмах), он его до самоунижения умоляет, он прорывается в Салоны (был в 1913 году в Куоккале у К. Чуковского, в обществе был, даже читал свои “сочинушки”, – потом он в 50 гг. пытается, пробует напомнить этому “мэтру” о себе, но, наверное, так и не решился, написал только черновики своих писем к нему...), он, преодолевая колоссальные материальные трудности, все-таки учится и учится-то у самого Кордовского (!) – и после всего этого, почти незамеченный, он остается запертым в своей деревне.

Так почему же такой говорливый на тему народа ученый люд в северной столице не увидел в приближении к нему этого человека, почему (как это чувствуется совершенно очевидно) он творил, мыслил, думал, рассуждал самобытно, самобытно в том смысле, что самому приходилось до многих вещей доходить и в собственном же быту.

Оттуда же пассивная активность: начал участвовать в работе Дома искусств в Кологриве – в пролеткульте, начал создавать свой дом малюток (дом пионеров, по-нашему), участвовал в концертах, которые сам устраивал со своими произведениями, устраивал выставки в музее, выставки-представления, передвигаясь от деревни к деревне, и все это без того ак-



тивного действия к практическому достижению каких-либо изменений в жизни, к каким он стремился еще в Петербурге, когда формулировал свои цели в жизни ("пора устраивать пути и дороги, могучую универсальную культуру"). Может быть, в нем было больше от художника, артиста, поэта, чем от революционного преобразователя мира тех, из которых он происходил? Может быть, для него все-таки было основной программой вот это: "чтобы работать так деликатно, как искусство, надо жить, кипеть светлым, светлым ключом..."

Форма творческого выражения в его искусстве особенно доказывает то, что он как художник формировался прежде всего под воздействием городской культуры, городского искусства. В его изобразительном творчестве можно сравнительно легко распознать, распределить совершенно четко читаемые своего рода этапы: мы можем легко уловить влияние академически-передвижнической русской школы, хорошо и легко определяются влияние тенишевско-мирокусснического искусства, и, наконец, мы видим начало формирования его собственной формы. <...>

12.12.87.

Кологрив. Вчера с группой телевидения Ленинграда ("Монитор") прибыли в

Кологрив – в 10 вечера. Сегодня едем в Шаблово. Снова разговор о Ефиме Васильевиче. На его ключике. Долгий ночной разговор в номере с Виктором Правдюком. Сегодня же намерены выехать в Кострому.

На ключик не попали. Снегу много, глубокий снег. До Шаблово добирались вслед за трактором, который тащил наш райкомовский газик. В деревне живет один мужичонка с больной сестрой. Дом Серафимы Лебедевой стоит раскрытый, замерзший, опустошенный. В доме нашел три туба масляных красок – наверное, от Б.Ч.

Красиво. Бело. Тихо. Трагично.

Шофер машины райкомовской на обратном пути го-

ворил, что он вот уж 25 лет служит в райкоме, и за это время он "поменял" пятерых "первых", и за это же время исчезло с лица кологривской земли сто деревень. Вот так статистика!

30.08.88.

Лесопункт "Советский", Кологривский район. Установка камня, праздник.

Сегодня все-таки нашли природный камень для памятного знака на месте, где стоял дом Б.Ч. Его нам подсказал В.Д. Осипов, и камень этот лежит почти в самом Кологриве, в деревне Судилово. Только взгляд художника мог увидеть и зафиксировать этот красивый выразительный камень – и этот взгляд есть у Осипова.



Открытие памятного камня на месте, где стоял дом Е.В.Честнякова.

Слева направо: журналист В.С.Елманов, инструктор ОК КПСС Е.А.Ермаков, В.Я.Игнатьев, артист драмтеатра Д.Г.Швец, секретари Кологривского РК КПСС И.А.Белов, Л.С.Никольская. Фото 1988 г.

12.09.88.

Кологрив. Отдел культуры.

...Дорога к Шаблову расширяется, ее строят – это уже даже сейчас ощутимо, особенно на первых километрах от Унжи у Кологрива.

Прибрали к празднику деревню Шаблово, скосили рыхлую траву, сравняли место, где был дом Б.Ч. Прочистили дорогу к Ефимову ключу. И пусть еще не видно ярко признаков оживления в замерзшей деревне, но чувствуется нечто оживающее в том, что вспахано поле за околицей, по полю идет грейдерная дорога, в разговорах слышится интонация приближающегося праздника.

Дорога пройдет мимо Шаблова – уже расступается лес, его раздвигают могучие машины, на обочине стоят дорожностроительные агрегаты.

На праздник в Шаблово собираются люди из других городов страны. Только из Ярославля собираются прибыть двадцать человек. Дорога живет. По ней идут тяжелые машины и ... автобусы. Дорога к Ефимову ключу...

В Кологриве, почти в центре города, названа именем Ефима Честнякова улица.

12.09.88.

Кологрив.

Прилетели грузовым АН-2. В Кологриве свинцовая осень, но дождя нет. Сегодня в 17 часов повезут камень-глыбу в Шаблово. Ка-

мень тяжелый – не сдвинуть его теперь никому (хотя наша “светлая” история знает много примеров, как сбрасывали и уничтожали более весомые “глыбы”). (...)

* * *

Тишина городка, тишина гостиницы успокаивают, но успокаивают только внешне, в душе бродит нечто несформировавшееся и плохо сформулированное. Нападает тоска попеременно с жаждой писать, делать, работать, не вставая из-за стола. Мечтается (и это бывает всякий раз, когда приезжаю в такую вот провинцию один, без сопровождающих), возвратиться сюда еще раз и на более длительный срок. Но где взять это время и где взять средства? Главное, что испытывает сознание (точнее – подсознание) – некая капитальность и основательность жизни в этом полууснувшем мире. Что-то в нем таится серьезное и вечное, что в сутолоке города исчезает, пропадает в его ритме и темпе (даже в таком небольшом городе, как Кострома). Может быть, приближенность к самой природе, может быть, изначальность человеческого бытия придает душе уверенность и вместе с тем тревогу.

21 час. Только что возвратился из деревни Шаблово. Погрузили на могучий КраЗ валун (грузили краном). Ока-

залось, это менее эффективно, чем мы предполагали с Борисом Лизневым, когда представляли погрузку, транспортировку и установку в Шаблово этого камня для будущего документального фильма. Ехали с Н.С. Лебедевой (зав. отд. культ.) в микроавтобусе. Разгрузили в положенном месте. Осталось только развернуть камень ниспадающими линиями в сторону Унжи. Это сделают завтра трактором.

Во всяком случае останется легенда самого камня, но уверен, что на этом месте станет памятник, а камень будет ему основанием или будет у его основания. Не сдвинут, не уволокут, не выбросят ретивые политики (хотя бы потому, что почитают его слишком тяжелым!).

“Время разбрасывать камни, время собирать камни...” – библейская истина должна быть достоверной и на сей раз.

* * *

Впереди праздник. Дай Бог, чтобы погода была хорошей, такой, какая она была сегодня во второй половине дня: солнечно, безветренно и чудесно. Здесь вообще воздух настолько живописен, многоцветен и прозрачен, как акварели (можно прибавить: акварели Геннадия Александровича Ладыженского).

...Эта мысль мне пришла еще в Костроме, но никому я ее не говорил. Мне очень

бы хотелось, когда умру, чтобы сердце мое похоронили рядом с могилой Ефима Васильевича Честнякова, ну, а тело брэнное – вблизи с Николаем Шуваловым. Очень хотелось бы, чтобы была выполнена обязательно первая часть пожелания, ну, а вторая, чтобы не утруждать родственников большими хлопотами, можно там, где получится. Может быть, желание это мое не совсем скромное, но не тщеславия ради, не легенды ради я желал бы этого. Нет. Причина в более глубоком. Причина в духовности, которую я почерпнул у этого великого человека и которого, как я ощущаю до сих пор, еще не исчерпал до конца и не осознал полностью – уж больно противоречива была моя жизнь до моего знакомства с ним.

28.10.88.

Кологрив.

(...) Присмотрелся к городу Кологриву и нечаянно понял, что колорит этого провинциального городка составляют не только деревянные двухэтажные дома, выкрашенные в плотный темный зеленый и красный цвета, но и деревья – огромные старые липы и дремучие стройные ели.

Редко встретишь в городе, чтобы росли ели или сосны. А здесь сам лес как будто бы нечаянно зашел в городок. И немного задержался. Сосны и ели здесь растут не только в так называемых парках, но и на центральной улице. А их плотный темный зеленый вечный цвет и придает этот особенный колорит.

11.07.92.

Ефимов ключ.

... Человек, в котором заложено талант, является как бы путеводителем людей. И это проявляется в том, что вспоминают его поведение, его мысли пересказывают, пытаются трактовать его произведения.

У Ефимова ключика порядок. (Навели перед нашим приездом). На полянках стоит очень высокая трава. И вообще, вся местность очень изменилась: болотце почти высохло. Мы прошли от Унжи по высокой траве, и не было сырого места.

Остановились на том месте, где разбивали свой экспедиционный лагерь в 1972 и 1977 годах. Хотя подъезд к этому месту очень сложный. Весь берег зарос практически непроходимым старым ивняком и ольхой. Вообще много изменений. Стало как-то более дико. Перешел Унжу и смотрел на Шабловские Альпы с левого берега. Как будто густо-зеленые облака окутали высокий берег.

... Ну что же, дожили и до того часа, когда к Ефимову ключу приехали зарубежные гости из Финляндии... (Пишу ночью в автобусе при зажженном плафоне). <...>

Подготовлено для печати
Н.В.ИГНАТЬЕВОЙ. 2004 г.

Фото из архива В.Я.Игнатьева, из коллекции Р.Е.Обухова для книги «Пути в избах». (Рукопись. – 2004 г.)



На выставке картин Ефима Честнякова.
В центре – С.В.Ямшиков и В.Я.Игнатьев.

*Из семейного архива
В.Я.Игнатъева*



Переправа через Унжу у Кологрива. Фото 1975 г.



Ефимов ключ. Фото 1983 г.



Погрузка камня-валуна в д.Судилово для сооружения памятного знака на родине Е.В.Честнякова. Фото 1988 г.



В.Я. Игнатъев отмывает глинянки.
Фото 1977 г.



В Шаблово на празднике, посвященном Ефиму Честнякову.
29 сентября 1988 г.

РЕЛИКВИИ УНИКАЛЬНОГО МУЗЕЯ

26 октября (по старому стилю) 1918 года в Кологриве открыт для посещения историко-художественный музей. Открытие музея было приурочено к празднованию первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Музей был создан на основе художественных произведений художника-академика Геннадия Александровича Ладыженского и его коллекции. Первым заведующим музея назначен Ладыженский Николай Иванович, усыновленный художником племянник.

Размещался музей в здании, которое купил еще Г.А. Ладыженский, где и находились художественные произведения при жизни художника. Но здание музея было деревянное, поэтому в 1923 году музею было передано кирпичное (нынешнее) здание, в котором после ремонта музей работает с 1925 года. Здание построено в 1899 году и принадлежало лесопромышленнику Макарову.

Большой интерес представляют работы Г.А. Ладыженского и его коллекция. Экспозиция музея открывается портретом Г.А. Ладыженского (1894 г., холст, масло) художника Н.Д. Кузнецова.

Геннадий Александрович Ладыженский родился в



В.В.Хробостов

Кологриве в 1853 году в семье небогатого дворянина. А первым его учителем рисования в Кологривском уездном училище был Иван Борисович Перфильев (1820-1883 гг.)

Художник на всю жизнь сохранил привязанность к родной земле, никогда не прерывал с ней связь. Большое место у него занимают пейзажи, бытовые картины, многочисленные этюды, рисунки, навеянные родными местами (“На реке Унже” – 1870-1880-е гг., холст, масло. Эскиз к картине “В долине реки Унжи” – 1880-е гг., акварель). И последние свои акварели Ладыженский посвятил изображению окрестностей родного Кологрива. (“Аллея в парке” – 1915 г., бумага, акварель).

Еще он любил писать портреты родных. В нашей

коллекции есть портреты брата – И.А. Ладыженского, сестры – Е.А. Богдановой, племянницы, близких ему и просто интересных людей. “Портрет старика” – 1883 г. “Портрет мужчины” – 1880 г. Интересен портрет купца Звонова, исполненный акварелью на бумаге.

Большое значение художник придавал наблюдению и изучению природы. Он любил шумные многолюдные сборища, привлекавшие его разнообразием людских типов, возможностью заглянуть в гущу жизни (“Конная ярмарка в Кологриве” – 1870-1880-е гг. – бумага, акварель).

В 1870-1880-е гг. Ладыженский работал в основном маслом, но постепенно увлекся акварелью. Именно в этой технике и раскрылся особенно полно его талант пейзажиста. В акварели художник достиг особой чистоты тона, прозрачности красок, тонкости цветовых ощущений (“Зима на юге”; “Военно-грузинская дорога” – 1892-1893 гг.) Всего в музее находится свыше 1200 его работ.

С 1880-х годов Г.А. Ладыженский увлекся коллекционированием оружия, предметов археологии, книг, бытовых предметов. Ведущее место в коллекции принад-





Портрет императрицы Екатерины Великой. Неизвестный художник. XVIII в.



Портрет князя Потемкина-Таврического. Неизвестный художник. XVIII в.

лежит художественным произведениям – это масляной живописи, акварели, рисункам, работам российских и западноевропейских художников – свыше 350 художественных произведений. Обычно посетителей привлекает стенд оружия из коллекции Г.А. Ладыженского.

Вернулся художник в родной Кологрив на постоянное жительство в 1914 году, где и умер в сентябре 1916 года.

* * *

В фондах музея хранится более двухсот работ художника Ефима Васильевича Честнякова, нашей кологривской знаменитости из дер. Шаблово. Герои его произведений в основном дети и земляки. Художественная коллекция музея представлена и другими, менее известными именами,

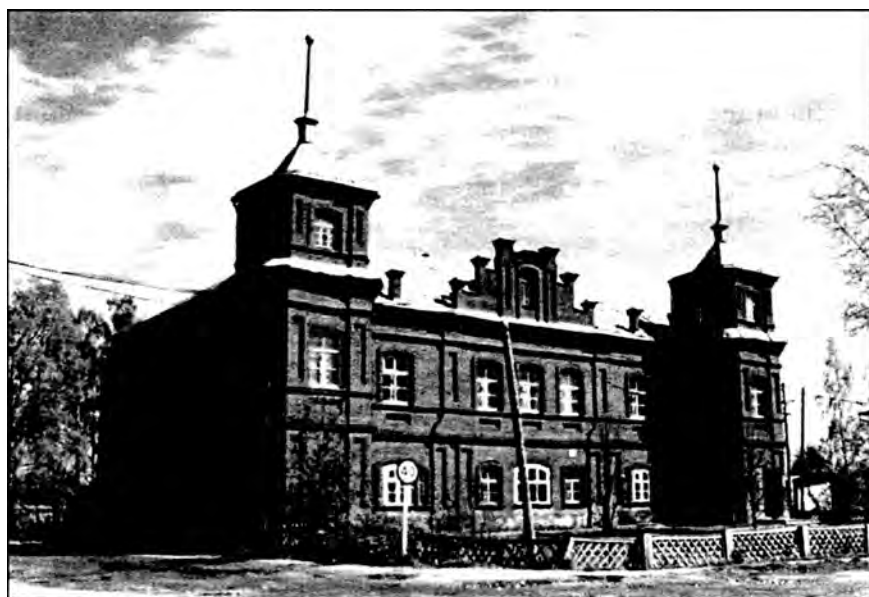
но достойными также внимания. Это картины А.Н. Соболева (1914-1984 гг.) – 43 работы. Художника К.Д. Борисоглебского (1908-1993 гг.) и других.

Из экспонатов музея представляются большую научную ценность редкие и рукопис-

ные книги XVI-XIX вв. – свыше 650 экземпляров, коллекция икон XIV-XIX вв., посуда, одежда, мебель, позволяющие представить быт дворянских усадеб, купеческого сословия и мещанства. В музее есть богатое хранилище периодической печати России XVIII-XIX вв., интересная коллекция фотографий и документов, позволяющая представить прошлое кологривской земли и реконструировать события минувших дней.

7700 экспонатов, сохранившихся трудами нескольких поколений музейщиков, по крупицам собирают образ времени, пытаюсь рассказать нам свою правду о жизни.

*В.В. ХРОБОСТОВ,
директор Кологривского
музея.*



Кологривский музей. Бывший особняк Макарова. Фото нач. XX в.



«ЛЕД ТРОНУЛСЯ У ПЕРЕВОЗА...»

Из дневника кологривского аптекаря

Иван Иванович Церен вел дневник в тетради с листами в линеечку. Он был провизором кологривской аптеки. Имел отношение к земству, был членом попечительства для нуждающихся семей военнослужащих. 15 ноября 1883 г. "Костромские губернские ведомости" сообщили, что Иван Церен произведен в чин титулярного советника. 27 марта 1886 г. он избирался директором кологривского банка и какое-то время служил по банковскому делу, потом снова вернулся в аптеку. Имел в Кологриве свой дом, занимался садоводством, огородничеством, держал коров, увлекался охотой. В его дневнике, который хранится в фондах Кологривского краеведческого музея, описаны события провинциальной и личной жизни в Кологриве с 6 ноября 1878 г. по 2 января 1890 г. Публикуется впервые, в сокращении.

1879 год

12 апреля. Река тронулась.

23 апреля. Пароход "Унжа" 1-й раз.

21 мая. Закладывают церковь на базаре.

12 июня. Архиерей Геннадий приехал.

14 июня. Купались 1-й раз.

11 сентября. Капусту рубят.

1 октября. Снег 1-й раз.

1 ноября. Река замерзла.

1880 год

25 января. Трубы чистил Захар.

28 февраля. Шуман и Касаткин были в Кологриве.

20 марта. Скандал в клубе после собрания банка.

30 апреля. Пароход "Унжа" 1 раз приплыл.

7 июня. Утром 3 градуса тепла.

30 июля. Купался последний раз.

5 августа. Поставили столбы от церкви до пожарного депо.

26 августа. Уехал С.В. Ешевский в Тамбов.

20 января. Приехал Ярославцев.

21 февраля. Бенефис А.Н. Ярославцева с премиями, был полный театр.

22 февраля. Воскресенье на масленной. Были Травин, Алякрин, Лебедев и Григорьев.

24 февраля. Уехали актеры.

16 апреля. Пошел лед на Унже.

26 апреля. Пароход "Унжа" в первый раз.

9 мая. Приезжали московские и костромские генералы в 10 часов вечера.

29 мая. Приехал губернатор утром.

30 мая. Уехал вечером в 6 часов.

4 июня. Приехал пароход "Сила".

22 июля. Был государь в Костроме.

25 июля. Из управы 400 руб. получил.

5 сентября. Окружной суд 4 дня.

27 сентября. Свадьба Н.Юдина с Кудрявцевой.

3 октября. Земское собрание.

18-27 ноября. Аптечные дела.

7 декабря. Получили премию.

1878 год

6 ноября. Турки ушли из Кологрива (в 1877 г. в город привели пленных турок - Э.Т.).

1881 год

2 января. Были у нас маски.

3 января. Сильная метель.

10 января. Девишник у Козлова.

1882 год

3 января. Костюмированный вечер в театре.

17 января. Похоронили полицейского надзирателя.

4 февраля. Продали комод и зеркало за 15 руб.

20 февраля. Приехал новый надзиратель.

7 марта. Собрание в банке.

3 апреля. Девишник у Лядыженской.

9 апреля. Вечером вскрылась Унжа.

17-18 апреля. Начали барки спускать.

5 мая. Продали корову за 35 руб.

21 мая. Приехал Ешевский в 12 ч. ночи на пароходе.

19 мая. Записались в библиотеку.

15 июня. Сибирская язва началась.

5 июля. Начали купаться.

10 августа. От Петрова дня первый дождик.

17 августа. Горский приехал.

20 августа. Купцы приехали из Нижнего.

6 сентября. Конская перепись.

15 сентября. Играли квартет.

10 октября. Колокол и крест подымали.

16 октября. Иллюминация за Всеношной.

17 октября. Освящение церкви Макарьевской.

3 ноября. Родился сын у исправника.

4 ноября. Купил револьвер с 50 патр.

12 ноября. Набивали папирос 600.

18 ноября. В банке ссора П. с Ж.

28 ноября. Окружной суд по 2 декабря.

Станового защищал Катенин.

26 декабря. В театре акробаты.

1883 год

3 января. Играли любители в театре. Все места были заняты.

12 января. Перегоняли спирт.

4 февраля. Выборы крупных землевладельцев.

8 февраля. Выборы городские.

12 марта. Началось земское собрание, выбрали Агента.

13 и 27 марта. Д-р Миловзоров читал лекции.

19 марта. Торги в банке.

7 апреля. Фонарь поставили.

8 апреля. Река очистилась от льда.

11 мая. Катание на лодке.

15 мая. Коронация их императорских величеств.

16-17-18 мая. Иллюминация.

6 июля. Приехал губернатор.

22 июля. Лодка Юдина.

28 июля. Шварц начинает бегать (собака).

9 августа. Приехал прокурор казенной палаты Гончаров.

14 сентября. Ярмарка пуста. Снег и мороз 3 градуса.

27 сентября. Рыжики отравили в Москву.

Были в Петербурге похороны Тургенева.

28 сентября. Съезд мировых судей.

4 ноября. Рекрутский прием из Спаса. Серебрили вещи.

5 декабря. Компания с исправником и Астафьевым пьяная была.

1884 год

6 января. Дамский вечер в клубе.

28 января. Ярмарка хорошая.

13 февраля. 30 градусов мороза. Ясно. Базар. Масленица.

16 февраля. Продали бычка за 3 руб. Поливанову.

26 марта. Врач Горский пришел и шумел в аптеке.

19 апреля. Дела попечительства сдал отцу Вячеславу Успенскому.

23 апреля. Лед тронулся у перевоза.

18 мая. Река разлилась сильнее весеннего.

21 мая. Стоят страшные дожди. Унжа потопит скоро Кологрив.

24-25-26 мая. Страшные дожди. Погода дурная. 18-20 градусов тепла.

1 июня. Свадьба Кузьки серебряника.

13 июля. Начали сдавать аптеку. Кончили 16 июля.

2 августа. Сделал прощальный визит.

Получил расчет в управе.

3 августа. В пятницу в 5 часов вечера уехал из Кологрива...

Подготовил

Эмиль ТИМГАНОВ.

ВАС ЖДЕТ КОРОЛЬ ТЕТЕРЕВИНЫЙ

Дом-музей Е.В. Честнякова в д. Шаблово – центр уникального поселения

Ещё совсем недавно, в 2000 году, говорить о д.Шаблово можно было только в прошедшем времени. Чуть больше десяти домов, чёрные, покосившиеся, с выпиленными стенами для строительства бань, среди измятой стадом коров травы летом и на фоне белой глади зимой. Такая картина навевала грустные мысли о людском равнодушии по отношению к малой родине. Неподалёку от Шаблова ещё две умерших деревни – Спирино и Глебово. По дороге из Кологрива встречаются и другие села, в которых не более десятка престарелых жителей: Павлово, Бурдово, Хапово.

Но не суждено было умереть Шаблову, поскольку Человек, по имени Ефим, через детей и для детей построил Город Всеобщего Благоденствия.

Город Всеобщего Благоденствия уже существует, и не только на картине Е.В. Честнякова. Он в душах, добрых делах и светлых песнях детей, живущих сейчас в Шаблово. Они смотрят на прекрасные восходы и закаты, чувствуют разлитую в пространстве любовь и красоту, видят светящиеся окна будущих красивых домов с дверями без замков, слышат прекрасное пение трудящихся людей, ощущают аромат свежеспечённых караваев, кренделей да калачей. Географическое положение Города Благоденствия – земля, где люди пребывают в радости, понимая радость не как веселье, а как торжество духа, а благоденствие – не как материальное благополучие, а как гармонию взаимоотношений людей друг с другом, с природой. В Городе этом нет равнодуш-

ных, а радостным считается даже тяжёлый, но необходимый труд.

Звенят с 2000 года в Шаблово детские голоса. С этого началось предсказанное Ефимом Васильевичем: “От шалашки этой вот городок произойдёт”. Ефим Васильевич понимал, что дети – это существа, наиболее восприимчивые к проявлениям мира тонкого, сокровенного, их глаза широко открыты навстречу Истине, взор ещё не затуманен, сердце не очерствело.

Мысль о возрождении Шаблова была давно. Но в 2000 г. после принятия администрацией Кологривского района постановления “О создании мемориального комплекса Е.В.Честнякова в д.Шаблово” было решено построить здесь дом-музей Е.В. Честнякова и приют для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.



Дом Е.В. Честнякова, построенный в нач. XX в.



Дом-музей Е.В.Честнякова. Фото 2004 г.



14 июня 2001 года мы всей семьёй прибыли на жительство в д. Шаблово. Нас встретил неэлектрифицированный недостроенный дом, мебель, сколоченная из досок, ретро-кроватьи выпуска 30-х годов прошлого века. Но никто не унывал. Дети учились, мы с мужем обустроивали жилище. 8 июля 2002 года в доме появился электрический свет. Этим же летом в деревню на постоянное жительство из Мантуровского района переезжает и начинает строить дом Алексей Аполлонович Иванов. Еще раньше, в 2000 году, в Шаблове закладывает фундамент для возведения православного молельного дома 73-летний житель Кологрива Александр Фёдорович Молодцов.

Так начинается возрождаться Шаблово. В 2002 году на Дне памяти Е.В. Честнякова Руслан Евгеньевич Обухов, ст. научный сотрудник Костромского

художественного музея, предложил начать сбор народных средств на строительство дома-музея Е.В. Честнякова в д. Шаблово. Самоорганизовалась инициативная группа, в которую вошли Обухов, З.И. Осипова, ставшая секретарем и казначеем; П.П. Крутиков – зам. главы администрации Кологривского района; Л.В.Веселова - зав. районным отделом культуры; А.П.Матюхин - глава детского дома в Шаблово; В.П. Лебедев - пенсионер, земляк Е.В.Честнякова и другие. Зоя Ивановна Осипова, по просьбе членов инициативной группы, начала сбор средств. С самого начала осуществления проекта возрождения Шаблова Владимир Дмитриевич и Зоя Ивановна Осиповы постоянно оказывают всестороннюю помощь.

Никто, кроме Зои Ивановны, этого устремленного человека, пользующегося уважением земляков, из-

вестного краеведа, собравшего целый архив воспоминаний о Е.В. Честнякове, лично знавшего Ефима Васильевича, не смог бы так выполнить эту трудоёмкую шепетильную миссию. Более 50 тысяч рублей собрала З.И. Осипова для строительства дома-музея.

Поддержал народную инициативу и новый глава Кологрива Игорь Тарасович Шевченко. 21 июля 2003 года началось строительство. А уже 26 июня 2004 года состоялось торжественное открытие музея. Как и полагается, многочисленные гости, митинг, светлые слова, добрые пожелания, подарки, бесценные дары. Всё, чем располагает сегодня дом-музей Е.В. Честнякова, подарено людьми. Благодаря любви и терпеливому ожиданию земляков, сохранились работы и вещи Ефима Васильевича. Это живописные картины, карандашные портреты, глинянки, немногочислен-



Краевед З.И.Осипова. Фото 2004 г.



Указатель на Шаблово к дому-музею Ефима Честнякова.

ные личные вещи, икона рода Честняковых. Дарителями являются: семья Осиповых (г. Кологрив), Александр Бородулин (г. Москва), Дина Евтеева (г. Уссурийск), Тамара Невзорова (г. Кологрив), Наталья Игнатьева (г. Кострома), Виталий Лебедев, Наталья Завьялова (п. Красный Бор Кологривского района), Фаина Киселёва (г. Кологрив).

В музее много предметов быта, найденных и собранных Р.Е. Обуховым в д. Шаблово. Люди принесли в музей предметы быта времён Ефима: домотканые половики, браные скатерти, берестяные пестеры, прялки, сундук, короб, ступу, выдолбленное корыто. Подарены многочисленные фотографии Шаблова времён экспедиций В.Я. Игнатьева, фотографии людей, знавших Ефима, статьи из различных изданий, повествующие о жизни и творчестве Ефима Васильевича. Осиповыми сформирована библиотека из книг, изданных при жизни Е.В. Честнякова, некоторые издания с автографами известных людей.

Считаю, что каждый музей уникален, а дом-музей – вдвойне, так как каждая личность неповторима. Е.В. Честняков когда-то хотел построить Коллегию Искусств и Наук для образования деревенских людей, детей и взрослых. Направление деятельности, как



И.Т.Шевченко, глава администрации Кологривского района, открывает в Шаблове музей Е.В.Честнякова. Фото 2004 г.

видим, указано. Дом-музей Е.В. Честнякова должен, кроме мемориальной функции, нести культурно-просветительскую, научную, творческую, прикладную. Всё это осуществимо при условии, если в Шаблове будет жизнь. Рады, что появилась возможность начать строить дом ещё для одной приёмной семьи С.Л. Моисеевой.

Наши дети – готовые проводники по туристическим маршрутам, связанным с жизнью Е.В. Честнякова: путь в Илешево, где похоронен Ефим, Ефимов ключик, воду которого люди считают святой, окрестные места, куда любил ходить Ефим со своим “театром на колёсах”. Переправа на левый берег Унжи в прекрасный сосновый бор, где под

ногами ковёр из белого мха и крупной брусники. Зимнее катанье на санях, запряжённых тройкой коней, конный путь на Княжую Пустынь. Велики перспективы развития у музея, если будут в Шаблове жить люди. Да не просто жить-поживать, а стараться превращать Мечту в Реальность, строить радостный труд, искусно творить добрые взаимоотношения. Вот тогда непременно дом-музей станет центром уникального поселения, куда будет устремлён поток туристов.

Для обустройства быта людей, желающих пожить в Шаблове, необходимо построить необычные стилизованные домики с деревенским бытом, постараться сохранить в чистоте от вредных привычек это заповед-



ное для души место. Пусть будет в Шаблове чайная, блинная, пирожковая, а не привычные в городах кафе, бистро. Люди, живущие в Шаблове, никогда не будут страдать от отсутствия работы. Таковы планы.

Музей за первые полгода его существования посетили более 600 человек, проведено более 100 экскурсий. Туристы из Костромы, Шарьи, Буя, Неи, Иванова, Ярославля, Москвы и Питера, из Нижнего Новгорода, Северодвинска, Сосногорска, Одессы, Донецка, Перми, США – вот неполная география посещений музея.

В музее рождается традиция проведения народных и православных праздников.

Это 7 июля – день Ивана Купалы с пением и хороводами, плетением венков, встречей восхода солнца, с весёлыми и шумными играми у костра.

7 октября – это праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

У Е.В. Честнякова есть картина “Слушают гусли”. В Шаблове проходят экскурсии по дому-музею. Были у нас в гостях студенты Чижовского техникума. Лихо отплясывали они кадрили, звенели задорные частушки, шутки-прибаутки. В праздниках участвуют обычно работники культуры, детский

творческий коллектив Кологривского Центра традиционных ремёсел.

Дом-музей живёт, развивается. Молодое поколение строителей подрастает, а жизнь и творчество Ефима Честнякова вдохновляют.

Но, конечно, необходима помощь в строительстве хорошей дороги к музею и в строительстве домов для желающих жить и трудиться в Шаблове. Пока предложения о строительстве в Шаблове детской деревни не услышаны в области никем. Единственный человек, который оказал действенную личную помощь, благодаря которой в доме-музее есть электричество, – это Валерий Петрович Ижицкий.

Но все равно в наше заснеженное, но в любую погоду прекрасное Шаблово, где теперь от построенной “шалашки” непременно городок произойдёт, мы в любой час ждём гостей. Рады встречам и с удовольствием проведём экскурсию в любое время суток.

Если повезёт, встретить вас может и сам Тетеревиный Король, и Мудрая сова, и Заяц – Хваста, и даже Шабловские Феи и Баба Яга. Не верите? Приезжайте, ведь Шаблово – сказка-реальность для всех.

*М.Ю. МАТЮХИНА,
заведующая домом-музеем
Е.В. Честнякова.*



Фольклорный праздник в доме-музее Е.В.Честнякова. Фото 2004 г.



ПОТРЕБНОСТЬ ДЕЛАТЬ ДОБРО

Образ «Щедрого яблока» Ефима Честнякова навеял название одному из самых популярных детских фестивалей – областному фестивалю фольклорного творчества, заключительный концерт которого проходит обычно на сцене Костромской филармонии. Не раз дипломантами его были ребята из кологривского театра глинянок «Ефимов ключик».

* * *

Среди костромских учреждений есть «негосударственная школа развития» под названием «Щедрое яблоко». Театральный детский коллектив этой школы выступает даже на профессиональной сцене Костромского театра кукол. Здесь с успехом прошел спектакль «Сергиюшко» по мотивам творчества Е.В. Честнякова. Пьесу написал главный режиссер театра В.А. Бредис, а с детьми в сказке работала учительница И.Ю. Размахова. Ребята пели песни, водили хороводы, загадывали зрителям загадки – все так, как было когда-то в зрелищах, которые устраивал Ефим-кудесник в родном ему Шаблове.

* * *

Финский театр кукол «Мукамос» заинтересовался творчеством кологривца Ефима Честнякова и возмечтал увидеть его сказки на своей сцене. С большим успехом прошла здесь постановка В.А. Бредиса «Сергиюшкина ягода». В оформлении спектакля использовались фрагменты из живописных работ Ефима Честнякова. Он так понравился финской публике, что эта постановка была представлена к участию в международном театральном фестивале в городе Тампере.

* * *

Костромское отделение Союза театральных деятелей России учредило медаль «Светлый дар», чтобы увековечить память о нашем замечательном земляке Е.В. Честнякове. Она присуждается с 1990 г. тем, кто средствами театрального искусства способствует развитию духовного мира детей. Одним из первых этой медали был удостоен В.А. Бредис, главный режиссер областного театра кукол.

* * *

Новый год для воспитанников культурно-просветительского центра имени Е.В. Честнякова в г. Костроме начался,

как всегда, интересно, творчески. Прошла традиционная «Коляда» – с чаепитием, с приглашением педагогов и родителей. Творческий коллектив центра принял весьма успешное участие в областном образовательном форуме, показав свои работы гостям со всех районов области. А в марте Центр отмечает свой первый юбилей – 5-летие. За пять лет сделано очень многое: изделия юных мастеров из студии керамики, произведения юных артистов из театральной студии радуют глаз и слух, греют душу, возвращают нас к истокам русской художественной культуры. Шесть лучших воспитанников получили высочайшее звание «Юный мастер петровской игрушки». «Честняковцы» не раз были лауреатами всероссийских и международных конкурсов-фестивалей. Есть все основания для того, чтобы открыть в Костроме, на базе центра, музей глиняной игрушки России. В культурно-просветительском центре достойно продолжают творческие традиции Ефима Честнякова, к 5-летию здесь подготовлена премьера – представление по сказке «Чудесное яблоко».



“ВЕСНА” — НАША ГОРДОСТЬ

У нас в районе сейчас 29 коллективов художественной самодеятельности: один хоровой, 12 вокальных, 2 фольклорных и 14 театральных. Звание “народный” имеют хор ветеранов, народный театр, фольклорный коллектив “Талица” и театр глинянок “Ефимов ключик”. Все они пользуются большой популярностью среди сельских и городских жителей и имеют самостоятельные концертные программы. Особая наша гордость – это дети, талантливые дети кологривской земли.

Вот взять хотя бы воспитанников нашей Детской школы искусств. В 1995 г., когда преподаватель музыки Елена Данилова создала здесь детский вокальный ансамбль “Веснушки”, трудно было предположить, что эти деревенские мальчишки и девчонки смогут победить своих городских сверстников по многим направлениям вокала.

Первое знакомство с костромской сценой состоялось у коллектива кологривской детской вокальной студии “Весна” в 1998 году на фестивале-конкурсе “Осенняя Кострома”. И в этом же году случилась первая победа ансамбля на открытом конкурсе детско-



Л.В.Веселова.

го и молодежного эстрадного творчества “Фристайл-98” в г. Костроме. Они получили звание дипломанта конкурса и специальный приз из рук мэра.

И в 1999 году в номинации “Эстрадное ансамблевое исполнение” дети получили диплом 2-й степени открытого костромского фестиваля-конкурса молодежных и детских творческих коллективов “Осенняя Кострома”. В этом же году они одержали победу в номинации “Эстрадный вокал”, а затем и специальный приз и диплом фестиваля “Фристайл-2000” был вручен солистке ансамбля Ирине Перовской. Благодаря этому фестивалю Ирина прошла конкурсный отбор и приняла участие во Всероссийском конкурсе

детской эстрадной песни “Маленькие звездочки-2001”.

С 2002 года в Кологриве проводится районный детский конкурс эстрадной песни “Весенний калейдоскоп”. Дети из ансамбля “Веснушки” – первые помощники и участники всех конкурсных концертов. В 2003 году ансамбль “Веснушки” переименован в детскую вокальную студию “Весна”. Вот уже более 9 лет ни один концерт на школьной или районной сцене не обходится без полюбившихся кологривчанам юных артистов – ежегодно у них более 25 концертов.

Творческий руководитель студии Е.В. Данилова строит обучение детей на лучших образцах отечественного и зарубежного песенного творчества, сотрудничая с хореографом. Она сама пишет сценарии, выступает в роли ведущей. Записан альбом, в который вошли лучшие песни солистов студии за эти годы.

*Л.В.ВЕСЕЛОВА,
зав. отделом по делам
культуры и молодежи
администрации МО
“Кологривский район”.*

ОБЩИЙ ЯЗЫК – ТЕАТРАЛЬНЫЙ

В 1964 году Кологривскому любительскому театру было присвоено звание “народный”. Сюда ходят люди разного возраста, разных профессий и характеров, но общий язык был найден ими без особого труда: их всех объединяет любовь к театральному искусству. Вот имена кологривских артистов, которые стояли у истоков театра: Б.И. Проклов, В.К. Козлов, Г.С. Модестова, Н.Н. Кравцов. До сих пор кологривчане с благодарностью вспоминают игру актеров прошлых лет – Д.Я. Лебедевой, Л.И. Федотовой, З.И. Осиповой, В.А. и С.И. Тихомировых, Н.Н. Клепикова.

Рождение спектакля – серьезный творческий про-

цесс. Надо донести до зрителя его философскую мысль, взволновать зал, чтобы в памяти долго жили идеи и образы пьесы. Так рождались на сцене Кологривского театра такие спектакли, как: “Не все коту масленица”, “Праздничный сон до обеда” и “Женитьба Бальзамина”, “Свои собаки грызутся – чужая не приставай”, “Счастливейший день”, и многие другие.

Сегодняшний состав Кологривского народного театра можно с гордостью назвать творческим и сильным коллективом. Это люди, полностью отдающие себя театру: Е.Л. Жохова, Г.И. Антропова, неоднократные дипломанты различных театральных фести-

валей и смотров – В.Н. Аникин, Ю.П. Чистов, О.А. Мамонтова, Н.Л. Еремина, В.Н. Кузнецов, С.А. Соловьев и другие.

Единая школа игры, приобретенный опыт, знание характеров и способностей друг друга – все это помогло артистам и режиссеру создать атмосферу ансамблевости спектаклей, новых премьер, таких, как: “Блажь” А.Н. Островского, “Чио-чио Саня” Н.Башкуева, “Диоген” В.Константинова и Б.Рацера, “Память сердца” Н.Семеновой, “Беда от нежного сердца” В.Сологуба.

*Н.В. ГОЛУБЕВА,
режиссер Кологривского
народного театра.*



Труппа Кологривского театра после премьеры. Фото нач. XX в.

ОБЪЕДИНИЛА ЛЮБОВЬ К ПЕСНЕ

В репертуаре Кологривского хора ветеранов более 100 песен разных жанров. Это русские народные песни, песни русских и советских композиторов, песни патриотического характера. Создан хор был в 1986 г. Н.С. Лебедевой, объединившей людей разных профессий: учителей, продавцов, домашних хозяек, медиков...

За период существования хора этот коллектив побы-

вал со своей программой почти во всех населенных пунктах района, а в некоторых не по одному разу. Он непреременный участник всех районных праздников и концертных программ.

Хор ветеранов принимал участие в III Всесоюзном фестивале народного творчества РСФСР, за что ему было присвоено звание "Дипломант". Награжден дипломом 2-й степени за участие в зональном смот-

ре, посвященном 55-летию Победы. В 1995 году хорошему коллективу было присвоено звание "народный".

Сегодняшний состав народного хора – коллектив творческий: всех объединяет любовь к русской песне, русской культуре.

*О.А. МАМОНТОВА,
художественный
руководитель и дирижер
хора.*

Имеет сообщить



КЛЮЧИК, ОТКРЫВАЮЩИЙ СЕРДЦА

Уникальный проект Татьяны Юрьевны Большаковой – театр глинянок "Ефимок ключик" – не только состоялся, он победил сердца и искушенных столичных гостей, и костромичей. В течение учебного года "Ефимов ключик" дает около 40 представлений в разных районах Костромской области. Готовится за это время обычно две премьеры, а Татьяна Большакова, художественный руководитель, сценарист, художник, а то и автор текстов, ставших основой многих спектаклей. Она блестяще владеет поэтической импровизацией, которая сродни творче-

ству Ефима Васильевича Честнякова. Дети в ее сказках не только оживляют, одухотворяют глиняную игрушку (в спектакле участвует до 40 глинянок и 10-15 ребят), – они и в себе открывают новые таланты, мысли и чувства. Слав ме-

стного фольклорного материала, литературных находок, авторская поэтическая образность – все это придает выступлениям театра особую искренность, которая как волшебный ключик открывает сердца зрителей.



Глинянки учащихся Кологривской школы искусств, участников театра «Ефимов ключик». Фото 2004 г.

«ЕФИМОВ КЛЮЧИК»

Как вы думаете, может ли человек стать Ежиком, Ангелом-хранителем, Снегурочкой? Не может? А вот и не угадали! Может, если он – актер! А бывают ли актеры скульпторами? Не ломайте голову! В нашем детском театре глинянок «Ефимов ключик» живые артисты лепят своих героев. Не верите? Тогда приезжайте к нам в гости.

Больше нигде вы не увидите такого театра. Наш спектакль идет сразу на двух сценах: большой, на которой выступают актеры-дети, и маленькой, где играют глиняные фигурки. Давно-давно такой театр придумал Ефим Честняков.

Мама читала мне, что со своим театром Ефим ездил по деревням с двухколесной тележкой. Останавливался у какой-нибудь избы или сарая, расставлял декорации (картины, которые рисовал сам), доставал глиняных кукол, и начинался спектакль, в котором он пел, плясал, играл на дудочке, разговаривал с «глинянками». Иногда и зрители участвовали в действии. На представление пускали за копейку или луковку, а иногда и бесплатно, ведь не у всех были деньги.

Ефим Васильевич вылепил множество фигур – целую деревню Кордон с жителями и домами – 4000 глинянок.

5 лет назад Татьяна Юрьевна Большакова решила создать такой же театр. Те-



Артисты театра глинянок «Ефимов ключик». Фото 2004 г.

перь его знают не только в нашем городе, в 2002 году «Ефимов ключик» стал победителем IV Всероссийского фестиваля детских театров «Волшебство сказки» в городе Сочи. В нашем репертуаре несколько спектаклей: «Иванушко», «Память», «Снегурочка», «Теремок» и другие.

Сейчас у театра есть свой музей глиняной скульптуры, когда-нибудь в нем появятся и мои работы. Может быть, экспонатом станет веселый и храбрый Ежик – мой персонаж в сказке «Теремок». Я вам расскажу, как мы создаем свои глинянки.

Это кропотливый и долгий труд. Несколько дней игрушка сохнет, потом обжигается в печи. И вот, наконец, я села и раскрасила своего героя. Какой он получился красивый! Глазки – синие, щечки – красные, рубашка с фиолетовыми узорами, поло-

сатые зеленые штаны, на ногах – лапоточки, а в руках яблочко!

Мне, конечно, еще многому нужно научиться, а вот старшие ребята – просто мастера. Их работы – загляденье! Фигурки словно живые. Кажется, что они вот-вот заговорят, заиграют на свирели, споют, спляшут. На спектакле так и происходит.

Я думаю, Ефиму Васильевичу понравился бы наш театр. Посмотрите на его картины – наши игрушки как будто вышли оттуда. Если вы соберетесь в Кологрив, заходите к нам в гости. Вы попадете в сказку, которую когда-то создал удивительный человек Е.В. Честняков. Он всю жизнь делал добро, дарил людям красоту и радость.

*Яна ПАНОВА,
ученица Кологривской
средней школы.*

ГРАМОТА ГОНЧАРНОГО РЕМЕСЛА

В Кологривском уезде, как и в других уездах Костромской губернии, в XIX-XX вв. широким спросом среди населения пользовалась глиняная посуда. Обусловлено это было тем, что материал, необходимый для изготовления, был доступен каждому, кто хотел бы заниматься гончарным ремеслом. Технология изготовления изделий была достаточно проста. Ассортимент их был разнообразен: горшки, плошки, топники, кринки, корчаги и др. Посуду отличали простота форм и соответствие своему назначению. Сложилась определенная типология посуды, используемая в быту крестьян, которые не менялись на протяжении десятков лет.

Итак, глина. Немало пришлось потрудиться, чтобы найти подходящую для работы глину. Если есть возможность, можно обратиться за помощью к старожилам, которые, возможно, помнят места добычи глины – глинеши. В начале пути будет множество вопросов. Этого не стоит пугаться. Запаситесь терпением и, если тяжелый физический труд вас не страшит, то за работу! Тайны: любого ремесла открываются не сразу. В начале работы мне повезло познакомиться с профессиональным гонча-



Т.Ю.Большакова.

ром, скромным, трудолюбивым человеком Савиным Виталием Тимофеевичем. Сейчас, когда я пишу эти строки, его уже нет в живых. Невысокого роста, коренастый, с сильными, натруженными руками. Таким он остался в моей памяти. А еще карие, добрые, с лукавой искоркой глаза.

В 2000 году через местную газету и радио я обратилась к людям, знакомым с основами гончарного ремесла, с просьбой откликнуться. К нам в школу пришел Савин Владимир Тимофеевич, рассказал, что они с братом с детства под руководством отца занимались изготовлением посуды. “Я-то меньше занимался, а вот брат Виталий, тот и в 70-х годах в артели работал гончаром”,

– рассказал он. Договорились, что он нас познакомит с братом. Оказалось, что братья, как две капли воды, похожи друг на друга – близнецы. Виталий Тимофеевич с радостью согласился нам помочь. К сожалению, он не был коренным кологривчанином. Большую часть жизни проживал в Павине и в Кологрив переехал недавно. И поэтому не знал, где в Кологриве гончары добывали глину для работы.

Искали мы глину по берегам реки Унжи, речки Киченки. Нашли несколько сортов красножгущейся глины. В природном состоянии она была от красно-коричневого до синего цвета. Кстати, синей глине большая часть местного населения приписывает лечебные свойства. Лечат такие болезни, как радикулит, остеохондроз, ангину и др. Глина эта синего цвета, залегает по берегам реки Унжи, имеет неприятный запах сероводорода.

Взяв различные сорта глины, мы стали пробовать ее в работе. Я думаю, что при выборе глины можно опираться только на собственный опыт, пусть не всегда удачный: изделия могут лопнуть при сушке и обжиге. Но в конце концов можно добиться положительных ре-

зультатов в работе, смешивая разные сорта глины, добавляя добавки: песок, золу.

“Жирная” глина, как масло, липнет к рукам, и есть вероятность, что при сушке будет большая усадка изделия, а при обжиге оно может лопнуть. Так же мало пригодна и “тощая” глина, в которой содержится много песка. Есть несколько способов определить сорт глины. Один из них заключается в следующем: скатать жгут из вымешанной глины и держать за один конец в воздухе; если глина “тощая”, то посередине он быстро лопнет.

Для работы потребуется глина, средняя по составу. Можно попробовать смешивать разные сорта, улучшая результат, или добавлять просеянный речной песок. Так, по утверждению Арсеньева Василия Арсеньевича, в деревне Деревенька Кологривского района использовали глину двух сортов, смешивая их в определенной пропорции. “Глину брали в месте Глинеш, в сторону Ивтино, меньше одного километра. Там брали красную глину, а синюю брали на реке под Вокшевом. Синяя глина клалась, чтоб меньше ломались изделия, а то, бывало, половина лопалась при обжиге”, – рассказывал он.

И, если пригодная для работы глина найдена, приступают к ее заготовке. Вначале ведутся подготовительные работы на участке

– глинеше. Снимается верхний слой почвы не менее чем на два штыка лопаты, т.к. в нем содержатся корни растений и другие примеси. Затем идет глина, пригодная для работы. Она может быть от красного до черного цвета. Но после обжига черепок становится красным или белым. По этим качествам ее делят на красную и белую. Если в глине окиси железа и титана не превышают в сумме 1%, то глина после обжига белая; если превышают, то красная.

Глину можно заготавливать летом и осенью, после первых заморозков почвенного слоя. Лучше использовать деревянные лопаты, смоченные в воде. К железным лопатам глина будет прилипать. Когда верхний слой почвы на участке будет снят, лучше края ямы укрепить обрешеткой из досок, чтобы не сыпался мусор и песок с дерном. “Запас делали комков десятка два (один комок примерно 20-25 килограммов)”, – рассказывал Арсеньев В.А. Возили глину на санках или на лошади и укладывали у забора. В Павинском же районе заготовленную глину хранили в избах, в деревянных ящиках.

Хранить заготовленную глину можно на улице, в подготовленном для этих целей месте. Для изготовления гончарных изделий свежесготовленную глину лучше не использовать. Она должна

“вылежаться” на морозе. От этого улучшается ее качество и качество будущих изделий. Например, китайские мастера, изготавливавшие знаменитый фарфор, использовали глину, которая вылеживалась несколько десятков лет. Для получения изделий хорошего качества глина должна быть однородной по консистенции, не должна иметь пузырьков воздуха, посторонних примесей (камешков, корней и т.д.). Поэтому очень важно правильно подготовить глину к работе.

Глина, пролежавшая всю зиму на морозе, весной оттаивает и становится зернистой, что облегчает подготовку к работе. Если в высохшей глине много кусков, то их необходимо разбить при помощи молотка, сложив куски в мешок. Затем измельченную глиняную крошку засыпаем в емкости и зашпариваем кипятком. После того, как она набухнет, ее нужно выложить на кусок грубой ткани – мешковины, называемой “постилаха” (Павинский район). Освободившуюся от лишней влаги глину начинают месить босыми ногами. Причем Виталий Тимофеевич делал это пяткой одной ноги, другою же ногой ходил вокруг мешковины. Эта процедура длится довольно долго (около четырех часов). Вся глина на мешковине должна быть промята в тонкую “лепешку”. Затем мешковину приподнимают,



и с краев глину загибают к середине. Снова начинают месить, и так до тех пор, пока глина не начнет издавать характерные “шелкающие” звуки. Масса должна стать однородной – без комочков и примесей – и достаточно пластичной. При необходимости добавляют воду.

В деревне Деревеньке Кологривского района глину месили руками на деревянной широкой (семьдесят сантиметров) лавке. Процесс напоминал замес теста. Я думаю, причина в следующем. В Павине посуду обжигали в горне, а в Деревеньке – в русской печи. В печи размещалось меньшее, чем в горне, количество изделий. Мастер обычно изготавливал количество посуды, необходимое для одного обжига. Поэтому глины для изделий, обжигаемых в печи, требовалось меньшее количество, чем в горне. И месили малое количество руками на лавке, стоявшей непосредственно в



Корчага и кринки.
Мастер В.Т.Савин. Фото 2000 г.

избе. Лавка, кроме того, использовалась и в качестве мебели (на ней спал кто-либо из членов семьи). Об этом рассказала Пылова (в девичестве Арсеньева) Вера Арсеньевна: “К папе приходил Ефим Честняков... Часто оставался у нас ночевать. Ложился на ту лавку, где тятя глину месил. Мама принесет ему одеяло и подушку, а он не берет. Положит лапки под голову и на голые доски ляжет. “Вот, Арсений, где леченье-то”, – говорит”.

Готовую к работе глину скатывают в виде “рулона” и хранят в полиэтиленовом пакете. Во время работы нельзя отрывать глину рукой. Во избежание попадания воздуха ее отрезают металлической струной или льняной (“суровой”) нитью, концы которой для удобства использования крепятся к деревянным палочкам.

Гончарный круг мы изготовили по рисункам Савина В.Т. Это ручной гончарный круг, представляющий собою скамью с укрепленным на ней металлическим стержнем. На стержне укреплен деревянный диск диаметром шестьдесят сантиметров и толщиной пять сантиметров. Диск выполняется из древесины лиственных пород (береза, дуб). Доски скреплены между собой шипами. Для большей инерционной силы круг “обшивается” металлическим обручем. Гончар сидит на скамье “верхом”.

Формовали посуду способом налепа. Способ этот,

как и форма традиционных изделий, тесно связан со свойствами и качеством глины. На мой взгляд, глина как бы имеет свою “память”. И чтобы ты ни пытался создать, какую бы форму ни придавал изделию, глина будет “сопротивляться” до тех пор, пока форма не будет отвечать требованиям этой “памяти”.

Вначале работы нужно подготовить рабочее место и инструменты. Они просты в изготовлении. Это трепало – клиновидный деревянный нож; мокруша – кусок льняной ткани шириной 10-12 см и длиной 30-40 см. Мокруша наматывается на правую руку во время работы. В Кологривском районе мокрушу, по словам Пыловой В.А., делали из мягкой кожи (“...наверное, из брюшины”). Справа от круга – ведро с водой.

Ход работы

1. На середину круга насыпается тонкий слой просеянной золы или речного песка. Кусок глины удари ладони правой руки прижимаем к кругу, формируя донце будущего изделия.

2. Резко вращая круг левой рукой, трепалом обрезаем края донца, придавая ему форму круга.

3. Ставя ладонь левой руки ребром на круг и прижимая ее к ребру донца, медленно вращаем круг. А согнутым указательным пальцем правой руки от середины доньшка к ладони левой руки вытягиваем

вверх бортик высотой один сантиметр.

4. Раскатываем жгут из глины на лавке или столе, которые хорошо укреплены и стоят рядом с кругом. Начинаем накладывать жгут на донце, сворачивая его по спирали, держа в правой руке средним, безымянным пальцами и мизинцем, а большим и указательным пальцами правой руки прижимаем жгут к ладони левой руки.

5. Ряды жгута накладываем таким образом, чтобы каждый следующий ряд “захватывал” предыдущий. Получившуюся “банку” – основу будущего изделия – заглаживаем трепалом, убирая неровности и швы между рядами жгута. Делается это при вращающемся круге. Движения трепала – снизу вверх.

6. Вращаем круг, обрезаем струной верх изделия, выравнивая его.

7. Надеваем мокруху и, вращая круг, сначала небольшим усилием “опускаем” изделие вниз. Это поможет удалить зазоры и частицы воздуха между швами. Затем тянем вверх и придаем нужную форму изделию. Готовое изделие можно украсить способом тиснения, нанося узор из кружков и линий при помощи деревянных палочек-печаток. Мастера называли этот способ украшения “фигурять, делать фигурки”.

8. Срезаем изделие струной с круга и ставим на

просушку на донце. Сушить изделия нужно вдали от отопительных приборов, в помещении, где нет сквозняков. В крестьянских избах делали это на полках или на полках (полочках), расположенных под потолком по периметру избы. Полки делались шириной в одну доску. Во время сушки изделия “ворочали”, т.е. переворачивали для равномерной сушки.

После 2-3 дней просушивания изделия обжигали. Кологривские гончары обжигали изделия в русской

печи. Процесс обжига требовал большого опыта и сноровки. В протопленную накануне печь с вечера загрузались изделия. На под-основание печи – укладывались две плахи из ели (в лесу искали сухостой). На них укладывались поленья в один ряд. На полученный настил укладывались горшки. Первый ряд укладывали на бок. А следующие ряды (не более двух) сверху первого ряда. Это делалось по следующей причине – в процессе обжига под тяжестью верхних рядов изделия ниж-



Гончар А.Е.Гольцов за работой. Фото 2003 г.

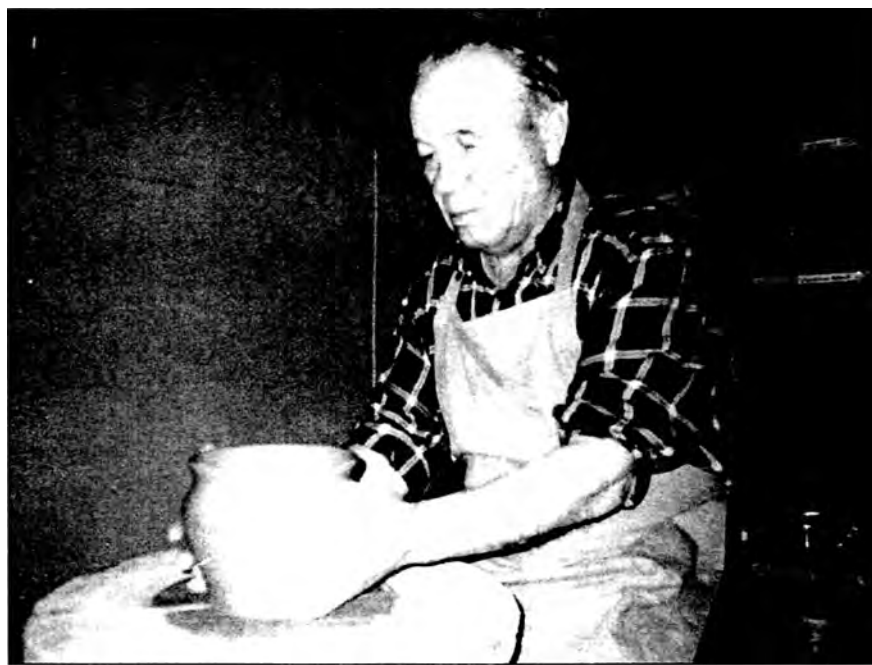
него ряда могут деформироваться. Начиная обжиг, температуру нагнетают постепенно. В электрической печи сделать это не представляет труда. В течение примерно часа температура устанавливается не выше 150° С. Далее в течение 2-х часов, температуру поднимаем до 900° С. В печи топку прекращают тогда, когда вода, выплеснутая на под, свертывается в шарики, закипает и смотрят на цвет раскаленных изделий. Длится процедура обжига в печи 6-7 часов. Температура поднимается постепенно. В течение одного часа примерно изделия прогреваются. В этот промежуток времени из изделий выпаривается физически связанная вода, которая содержится даже в хорошо просушенных изделиях. Здесь присут-

ствует опасность, что изделие может лопнуть, если резко увеличить температуру. После того, как изделия перестали испарять влагу, начинают постепенно увеличивать температуру в печи, подбрасывая дрова. Затем изделия остаются в печи до полного остывания.

У Виталия Тимофеевича был в начале работы такой случай. Изготовил он по заказу партию корчаг для пива. В их деревне изделия обжигали в горне, технология обжига в горне отличается от обжига в печи тем, что температура в печи не поднимается выше 400° С, а в горне температура выше. Решил мастер обжечь свои изделия в печи, т.к. горна у него в тот момент не было. Но не было и опыта обжига в печи. Изделия во время обжига не достаточно хоро-

шо прокалились, и через несколько дней раздосадованный заказчик приехал к мастеру. Корчаги, в которых стали варить пиво, попросту размокли.

В деревне Палошник Павинского района обжиг вели в горнах, которые выкладывали из обожженного кирпича в специальных сараях (боялись пожаров). Обжигали по ночам. Через определенные промежутки времени делали “перемелёжки”, т.е. не подкидывали дрова в топку, регулируя тем самым температуру обжига. Изделия в горне ставили в “шахматном порядке” – первый ряд “на дно”, а два других – “на опрокидку”. Опять-таки, не ставили более трех рядов, т.к. с повышением температуры изделие теряет свою прочность и от большой нагрузки может деформироваться. Режим обжига мастер устанавливал опытным путем. Тут имели значение и количество, и сорт дров, и цвет раскаленного черепка, и т.д. Эти навыки приходят со временем. Главное – запастись терпением. Если обжиг изделий вовремя не закончить, может произойти их деформация. Такой случай описал мне Савин В.Т.: “Мать попросила нас с братом обжечь изделия в горне. А было нам в то время годов по десяти. Обрадовались мы такому доверию. Начали обжиг. Дрова в горн подкидываем. Горшки уж огнем горят, а мы радуемся



Гончар В.Т.Савин за работой. Фото 2000 г.

да дровишки подкидываем. Надо было делать перемелёжки, а мы и не знали в первый-то раз. Когда горн остыл, пошли с мамой вынимать изделия. А они все так спеклись друг с дружкой, что пришлось ломом разбивать. Перепортили все конечно. Мать ругалась. Ну, на то оно и ученье”.

Когда печь электрическая, легче установить оптимальный режим обжига. Белое каление черепка наступает при температуре 1000°C. При температуре 160-380°C черепок теряет физически связанную воду и дает значительную усадку. Значит, в этом интервале нагревание нужно вести медленнее (в течение одного-полутора часов). Далее температуру увеличиваем до 900°C. Обожженная глина красного цвета. Но одного обжига для изделия недостаточно, так как сосуд будет пористым и начнет пропускать воду через свои стенки. Чтобы сделать стенки водонепроницаемыми, мастера использовали поливу. Смачивали высушенное изделие внутри мокрой тряпкой и бросали горсть свинцового сурика, вращая изделие. Порошок прилипал к стенкам изделия и в процессе обжига плавился, покрывая стенки сосуда тонкой стекловидной пленкой. Порошок получали, пережигая пластинки аккумуляторов, непригодных к работе.

Применяли более простой и экологически чистый спо-

соб. Посуду “обваривали” в “ржаной похлебке” или “купали в сусле”. Когда заканчивали обжиг, изделие доставали из печи деревянными щипцами и несли в “куть” (прихожая). Там стояло больших размеров долбленое корыто с холодной водой, в которую добавляли горсть ржаной муки. В этом корыте изделие “купали”. Вода тут же закипала. Прикипевшая к стенкам изделия мука заполняла поры. Окраска посуды после такого купания становилась необычной, пятнистой. Затем изделия ставили остывать на доски, разложенные на полу.

Гончары, по всей видимости, были в деревне людьми уважаемыми. Деревенские девки даже частушку сочинили:

*Не поду я в Вонюх замуж
Всю работу работать.*

*В Деревеньку за Арсеньку
В печку криночки пехать.*

В заключение приведу цитату Ж.Ж.Руссо: “Час работы научит большему, чем день объяснений, ибо если я занимаю ребенка в мастерской, его руки работают в пользу его ума; он становится философом, считая себя только ремесленником”.

Коллектив педагогов нашей школы не ставит себе целью готовить ремесленников. Скрупулезное воспроизведение образцов и работа в рамках определенной традиции – это задача местных промыслов, центра традиционной народной культу-

ры и учебных заведений при них. Мы же просто хотим, чтобы дети знали свою национальную культуру. Но не только теоретические вопросы, дети должны делать что-то своими руками. Здесь важен познавательный момент и творческий процесс. В нашей школе имеется гончарный круг, выполненный по рисункам Савина В.Т., имеется муфельная печь для обжига изделий. Ребята изучают традиции народных мастеров, собирают материалы, ведут поиск людей, занимавшихся ремеслами. Мы освоили технологию изготовления изделий, традиционных для нашего края, освоили их ассортимент: плошки, топники, кринки и др.

И всегда гончар находил свободную минутку, чтобы слепить из остатков глины свистульку на забаву ребенку. Ребята с удовольствием делают игрушки. Знакомятся дети с техникой мастеров и особенностями дымковской, филимоновской, петровской игрушки и др. промыслов. Продолжаем дело Ефима Честнякова. Вот уже пять лет при школе работает театр глиняной игрушки “Ефимов ключик”. Сами сочиняем сказки, лепим персонажей, ставим спектакли. А тех, кто этим заинтересовался, приглашаем в гости.

*Т.Ю. БОЛЬШАКОВА,
преподаватель детской
школы искусств,
г. Кологрив.*



ФАНТАЗИЯ РИСУЕТ СКАЗКУ

Самобытного резчика по дереву из Кологрива Владимира Дмитриевича Осипова и его творчество хорошо знают не только в районе. Оригинальным видом прикладного искусства он занимается уже более полувека: здесь и изящная мебель из капа, и скульптура из дерева и фигурных древесных материалов, и оригинальные вазы, подсвечники, целая галерея провинциальных типажей, выточенных из липы, ольхи, березы...

Владимир Дмитриевич родом из Забайкалья. В детстве ему приходилось встречаться с резчиками по дереву, видеть их скульптуры, наблюдать, как они режут. В таежной избушке нередко можно было встретить деревянные фигурки или застать охотника за этим ремеслом. Захотелось попробовать и ему. От местного художника, бывшего репрессированного, Николая Крюкова (тот преподавал английский язык, знал французский, вел рисование) получил он тогда первые знания по рисунку и акварели.

Интересовали Осипова и другие народные промыслы, книги по скульптуре, резьбе. Для него это были не просто красочные альбомы, а материал для размышлений при овладении формой и техникой обработки дерева.

В 1950-м году Владимир Дмитриевич с семьей приехал в Кологривский район на родину жены Зои Ивановны Осиповой. Видимо, особенности природы, встречи с интересными людьми нашего края позволили ему и дальше заниматься любимым делом. Располагало к этому и преподавание трудового обучения в Кологривской школе-интернате, где проработал он 15 лет.

— Иногда приходилось оставлять любимое занятие на 2-3 года, но теплота и доброта дерева всегда возвращали к себе, меня тянуло к нему, как магнитом, — объясняет Осипов.

Для работы Владимир Дмитриевич использует не-

большой набор инструментов. В основном: пила, набор стамесок (“острых, как бритва, а иначе грош им цена”), ножи, изредка — дрели и коловороты со сверлами и перками. Потом следует длительная шлифовка изделия, тщательно подобранная тонировка, окраска лаком или растительным маслом и другими естественными и искусственными красителями.

Но малейший дефект материала: гниль дерева, смола и прочее — и весь труд насмарку. А отпилить срез с крепчайшего березового нароста — сложнейшая задача. Древесина капа высекает искры даже с зубьев бензопилы и требует усилий.

Но уж потом полюбоваться есть чем. Сразу же в глаза бросаются изящные подсвечники, резные и собранные из сучьев и обработанных наростов березы, окрашенные и покрытые лаком по только мастеру ведомой технологии. Вот они создают фантастические сплетения, имитируя движения змеи. (“Змеиная свадьба”, “Змеи в танце”, “Змеиная встреча” “Змей Горыныч младший”). Вообще “змеиная тема” широко представлена в его творчестве.

Или смотришь, к примеру, и видишь просто обгорелый, бесформенный кусок



Резчик по дереву В.Д.Осипов.



дерева, покрытый грязью. Но фантазия мастера, терпение и труд превращают его в ослепительную красавицу. Таковы вазы с ручкой из можжевельника, вазы с инкрустацией, ваза-сова и другие.

В одно время популярны были настенные маски из различных материалов. Мода на них пришла в Россию из стран Африки. Представлены маски и в творчестве В. Д. Осипова. Самая крупная “Берегите зубы” – маска с выщербленными зубами, а вот маска негра (широколицего, увиденного как-то по телевизору и выполненная по памяти). Две маски поменьше представляют малые народности России – круглолицего бурята и нанайца. Две небольшие маски – индейцы в шапках, отделанных мехом, и одна маска якута.

Но более всего по сердцу мастеру, по его же словам, камерная скульптура и пластика, мотивы, в чем-то навеянные творчеством Ефима Честнякова.

— У него мне очень нравились скульптуры местных деревенских мужиков, односельчан. И еще он очень жалел, когда губили бесцельно живую природу. Вот и мне бывает жаль, когда валяется, гниет зря, уничтожается дерево, из которого можно сделать что-то нужное, красивое – одним словом, продлить его жизнь. Люблю работать с мягкими породами дерева: липой,



Скульптуры из дерева художника В.Д.Осипова. Фото 2004 г.

осиной, ольхой, березой. У хвойных смолистость иногда мешает обработке.

К слову сказать, в огороде дома Осиповых на улице Воробьева мы увидели обработанное из ствола ивового обрубка импровизированное кресло. Очень удобное. Сосед убирал иву, а Владимир Дмитриевич ее приспособил, продлил ей жизнь, украсил двор. У крыльца лавочка, а перед ней березовый чурбан как сиденье. Сожалел он, что не успел, когда убирали по соседству березу...

Даже материал для поделок он собирает тогда, когда ветер наломает лип да берез. Не надо губить живые деревья – только выбирай.

Рассказывает Осипов:

— Однажды мы плыли с Ольгой Александровной

Ладыженской в один из ее приездов на катере вверх по Унже. Она мне показывает: вон там, на берегу, не кап? Запомнил место, потом приехал, он все лежит. А там, в Красном Боре, работа идет на нижнем складе. Попросил у знакомого десятника бензопилу, чтоб отпилить. Пила глохнет, не могу отпилить. Юра Кокин уж меня искать начал. Стали в машину грузить, не входит. Еще отпилили. Сел я в машину и держу заготовку. А наши дороги, сам знаешь, не гладки, все ноги, пальцы мне отдавило. В Варзенге, где был кирпичный завод, гляжу, коряга с корнями валяется. Говорю Юре: “Давай и ее сюда”. – “Да что вы, куда вам такую грязную!” Тут он мне еще грузу добавил. Но ничего, выдержал. Вот и получились по-



том из березового спила столик, из коряги – композиция со змеями.

О скульптуре. К ней мастер шел, по-моему, через изготовление фигурок зверей, сказочных героев. Вот в его коллекции целый оркестр “Лесные музыканты” – медведи с гармониями, с балалайками. А рядом композиция, по которой можно сказку в лицах рассказывать: “Сказка о попе и о работнике его Балде” А.С. Пушкина. Особенно Балда, удалая голова, удался.

Не раз Владимир Дмитриевич выступал перед взрослыми и детьми с импровизацией по этой сказке, как последователь театральных зрелищных постановок Ефима Васильевича Честнякова: “Когда фантазия сказку рисует, это уже действительность”.

Почти сказочный вид у многих его скульптур, даже

у тех, которые имеют реальные местные прототипы. Это “Дед Сорокин с внучкой”.

Или вот “Молодуха из Бурдова”, а рядом – “Гармонист” (из д. Судилово).

Некоторые фигурки легко узнаваемы: “Грибник” (Д.Я. Лебедев из Кологрива); и хорошо известный старшему поколению кологривчан “Ванька Вахрушинский” (чудак из д. Вахрушино).

Часть таких скульптур приобрел Костромской музеем изобразительных искусств в отдел прикладного искусства. Это скульптуры-портреты кологривчан, а также работы “Тереха”, “Савиныч”, “Самоха”. (Несколько изделий – сувениров и скульптур подарены частным лицам в Москву, Ярославль, Петербург).

А вот будущая скульптура: В.Д. Осипов обрабаты-

вает заготовку, из которой получится длинноносый кулик. Только еще ножки потребуются найти для него.

Беседуем мы на свежем воздухе. Обратил внимание, что в дровянике, сарайчике под крышей, чтоб не мочило, лежат и сохнут спилы, заготовки для будущих поделок, изогнутые обрезки березовых сучьев. Когда-нибудь из них, словно скинув старую кожу, выползут изящные змеи, поразят сходством с живыми птицы и звери, будут радовать глаз благородством форм подсвечники... Мало ли что увидит в них глаз художника и мастера.

Сергей СМИРНОВ.



«Крестьянский очаг» в Кологривском центре традиционной народной культуры. Фото 2003 г.



Работы по бересте.
Авторы И.Прахов и В.Сорокина.

В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ...

Так обычно начинается сказка. Но речь сейчас пойдет об особой сказке, старой сказке, рассказанной на новый лад, сказке про Город, где все люди счастливы, где царят мир и согласие, где живут радость и добрые чувства, где фантазия абсолютно реальна. Ну, конечно, это все про Город Всеобщего Благоденствия, город, рожденный душой и талантом великого волшебника Ефима Честнякова и обретший ныне новую жизнь.

Итак, жила-была художница Елена Семенова... Ну, вот, скажете вы, а где же тут про город? Не спешите. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается (помните?) Итак, жила она пока еще не в этом волшебном городе, ткала очень интересные, красивые гобелены, которые радовали зрителей, иногда вызывая споры между поклонниками и противниками, но ведь только то, что волнует, и не оставляет людей равнодушными. Художнице интересны были разные темы, она пробовала одно, другое... и вдруг (в сказке всегда все вдруг) возникла тема Костромы, о которой Елена сама говорит: "Здесь мои корни, Кострома и Русь будут мне инте-

ресны всегда". Успешно пробует себя в портрете, сложном и для живописи. И, наконец, появляется и совсем уж необыкновенная тема: Честняков и его герои.

А начиналось все очень просто (опять же как в сказке): просто пришла работать в музей молодая художница, просто увидела (не посмотрела, а увидела) картины Ефима Честнякова, стала рассказывать о его творчестве посетителям музея, стала вдумываться, вживаться в его мысли, его фантазии, дотронулась (буквально) до его работ, и захотелось ей соткать гобелен памяти этого замечательного художника (сказано-сделано). А тут еще и незабвенный В.Я. Игнатьев, один из открывателей и пропагандистов Честнякова, подбодрил: "Лена! Это твое, не сдерживай себя, пробуй, экспериментировать, у тебя все получится. Я в тебя верю!" Вот так и случилось то, чему суждено было случиться.

Один за другим начали появляться гобелены на честняковскую тему. К работе подключился и Дмитрий Семенов, муж, единомышленник, помощник. И сейчас, если собрать все произведения вместе (а первое появилось около 20

лет назад), то получится огромная панорама, особый мир героев, таких знакомых нам по Ефимовым картинам, но в то же время совсем других, обретших новую жизнь в гобелене, с его теплотой, живой и осязаемой. Сейчас уже можно говорить, что художники Семеновы продолжают вслед за Е.Честняковым создавать (строить) свой Город Всеобщего Благоденствия, свою сказку.

Вот здесь, словно в сказке, и расцветают цветы невиданной красоты. Здесь солнце и радуга, предвестница радости, архитекту-



Фрагмент гобелена «Наш фестиваль», посвященного творчеству Е.В.Честнякова. Художник Елена Семенова. Фото 2002 г.

ра (костромская, узнаваемая) как бы “вступает” в полотно из-за их пределов (сверху, справа, слева). А вот огромный, скрученный, вековой могучий дуб. Что это? Древо жизни? Древо познания? Древо, соединяющее реальность настоящего со сказочным прошлым и фантастическим будущим?

И всюду в этом городе дети, с игрушками и без, с музыкальными инструментами, калачами, яблоками... Где тут реальные дети, маленькие и большие, а где игрушечные? Все, как в сказке, реально и совершенно нереально одновременно. И тут же крылатые Ангелы, тоже дети. Это мир братства и согласия, мир людей, объединенных “философией общего дела” и духом общего нескончаемого праздника, на котором детям отведены первые роли.

Создается впечатление, что мы видим часть большого мира, всеобщего праздника веры, любви, надежды и красоты, огромного бесконечного шествия. Но в движении этом нет ни динамики, ни экспрессии, все свершается медленно, поступательно, торжественно. Здесь словно нет времени, свет не дает теней. Люди спокойны, умиротворены, что подчеркивается статичностью каждой фигуры. Так есть, так было, так будет всегда.

Отдельные портреты проникновенны, гармонически цельные и ясные, тонкие и одухотворенные. Художники раскрывают “душу” своих героев через их пластическую выразительность, акцентируя существенные черты, передавая характер.

Вся панорама этого сказочного старого-нового Города включает в себя отдельные портретные образы, органично связанные с основной группой вымышленных действующих лиц, в хорошем смысле слова “заимствованных” с картин Честнякова.

В них привлекают так ценимые на Руси качества: доброта и душевность, тихая созерцательность и чистота помыслов, внутренняя сосредоточенность в себе и пристальное внимание к окружающим.

В колорите отдельными аккордами звучат яркие цвета, объединенные основным тоном, и общая цветовая гамма создает определенный эмоциональный настрой, сходный с тихим, спокойным и в то же время торжественным звучанием многоголосой русской песни (в каждом гобелене своя неповторимая мелодия). Семеновым удается сохранить особое “честняковское” обаяние картин: четкий контур, отточенный рисунок, по-детски грациозные пропорции фигур, чистоту

хорошо сгармонизированного колорита, музыкальную ритмичность поз и жестов.

Когда-то Е.Честняков принимал все искусства как великое нерасторжимое целое, в его спектаклях жили единой жизнью слова и музыка, живопись и скульптура. Переставляя свои “глинянки” и картины, он придумывал новые и новые сказки. Так, вслед за ним, и художники Семёновы, погрузившись в этот волшебный мир, сжившись с ним, стремятся заполнить пространство вокруг гобеленов, приглашая на выставки фольклорные и театральные коллективы. Они сочиняют свои сказки и дарят их людям, и прежде всего детям.

Что ж, пусть растет и процветает новый Город Всеобщего Благоденствия, пусть для всех нас не иссякнет Ефимов ручей, пусть продолжается сказочный полет фантазии и творчества, ведь, как говорил сам Ефим: “Счастье в полете”.

Наталья ИОНОВА.





“ВЫДЕЛЯЕТСЯ ПОСЕВАМИ ОВСА...”

Общий очерк Кологривского уезда

Кологривский уезд принадлежит к числу северо-восточных уездов в губернии, на севере он граничит с Вологодской губернией, на востоке с Ветлужским и Варнавинским уездами, на юге – с Макарьевским, на западе – с Галичским и Чухломским уездами.

Пространство Кологривского уезда исчисляется в 11398,3 кв. верст, что составляет 15,4 % всей площади по губернии. По абсолютным размерам уезд занимает 2 место, уступая первенство в этом отношении Ветлужскому уезду.

Поверхность уезда представляет из себя волнообразную равнину, местами изрезанную высотами, встречающимися в большинстве случаев по берегам рек и речек.

Из рек наиболее существенное значение для уезда имеют Унжа, Нея и Межа. Судоходная река Унжа протекает с севера на юг, от границ с Вологодской губ. до границы Макарьевского уезда. Это главный водный путь в уезде, по которому последний поддерживает оживленные

сношения с крупными приволжскими центрами: ввозится в уезд значительное количество потребительских товаров и в свою очередь отправляется из него, главным образом в Нижний Новгород и нижеволжские города – местное сырье, преимущественно дрова и лесные строительные материалы. Река Нея, правый приток Унжи, орошает западную часть уезда, волости: Усть-Нейскую, Ефремовскую, Солтановскую, Коткишевскую и Погощенскую.

Река Межа, истоки которой находятся в Вологодской губернии, протекает по северо-восточной части уезда, орошая волости: Николо-Межевскую, Кузьминскую, Георгиевскую и Медведицкую. Площадь удобных земель в Кологривском уезде определяется в 1155,7 тыс. кв. дес. (см. таблицу внизу).

В среднем по уезду пахотных угодий – 8% всей удобной площади, при колебаниях по волостям от 2,5 (Архангельская волость) до 18,3% (Усть-Нейская волость). В общем относительно лучше обречены пахотными угодиями юго-западные, прилегающие к границе Галичского и Чухломского уездов волости (от 15 до 18%) и значительно хуже северные и восточные, за исключением двух крайних восточных волостей – Георгиевской и Кузьминской – в последних 2-х пашня составляет от 15 до 16% всех удобных земель. Под сенокосами в среднем по уезду занято 5,4% всей удобной площади; по отдельным волостям процент колеблется от 0,43 (Турлиевская волость) до 17,8 (Георгиевская волость). Относительно богаче сенокосами западная часть уезда, больше распа-

земли	усадебной	пашенной	сенокосной	
тыс. десятин	6,5	92,2	62,4	
в %	0,6	8	5,4	
	леса	выгонной	пр. угодия	удобной
тыс. десятин	952,5	26,4	15,4	1155,4
в %	82,4	2,3	1,3	100

ханная. Беднее сенокосами крайние северные волости, лежащие по реке Унже выше Кологрива, и волости, составляющие центральную часть уезда.

По лесистости Кологривский уезд занимает второе место в губернии, впереди него стоит лишь Ветлужский уезд. Леса сосредоточены главным образом в приунженских волостях и в центре уезда.

В руках частных владельцев и казны сосредоточены главным образом лесные угодья, пашня же и сенокос, наоборот, находятся во владении крестьян.

Население Кологривского уезда исчисляется в 144,1 тыс. душ обоего пола, в том числе городского населения 2%. По абсолютному числу жителей уезд занимает 9 место в губернии (позади него стоят Буйский, Солигаличский и Чухломской уезды); по густоте же населения ему принадлежит 11 место (позади его лишь Ветлужский уезд): на 1 кв. версту приходится 12,6 жителя (средняя по губернии – 23,3 жителя). Западная часть уезда заселена гуще восточной, причем наиболее населенными в первой является ближайшая к Парфеньеву волость.

Коренным занятием населения Кологривского уезда является земледелие. По данным подворной переписи, высеваются следующие культуры и в такой пропорции.

	рожь	овес	ячмень	картоф.	лен	пшен.
По уезду	42,6	42,4	4,0	3,2	4,0	2,5
По губернии	44,8	31,8	9,7	3,1	6,2	2,8
	горох	прочие культуры		итого		
По уезду	0,6	0,7		100		
По губернии	0,8	0,8		100		

Кологривский уезд выделяется сравнительно большими посевами овса, что, по-видимому, объясняется значительным распространением в уезде лесного промысла. Все полевые культуры имеют чисто продовольственное назначение.

Заводская крупная промышленность в Кологривском уезде развита слабо: обороты ее не превышают 425-450 тыс. руб., из какой суммы 310 тыс. руб. падают на лесопильное производство. Леса уезда эксплуатируются по преимуществу примитивным способом – рубкой и сплавом бревен и дров по реке Унже и ее притокам, и только в

связи с проведением Вологодско-Вятской железной дороги, стала насаждаться в районе ее лесопильная промышленность.

В 1913 г. в уезде работали 9 лесопильных заводов, большинство которых сконцентрировалось близ станции Мантурово и станции Нея; перечень их приводится в таблице ниже.

Стекловаренное дело представлено одним стекловаренным заводом потомственного Почетного гражданина Н.А. Плотникова, близ села Слободки на реке Шуге Погощенской волости, вырабатывающим стекло и стеклянных изделий на 45000 рублей при 87

Владельцы	Местоположение	Производ.(в руб.)	Число рабочих
Братьев			
Барышевых	Коткишевская вол.	53000	100
Их же,	близ ст. Нея	//	90
Ф.Г.Цодикова и Л.Л.Хигеровича	//	28000	13
Кн. П.Д.Долгорукова	Николо-Мокровской волости	50000	125
г-ва Дандре и Корбо		35000	50
Н.М.Клеева	//	20800	25
О.О.Стевени	Вожеговская вол.	42000	53
Л.Л.Аххенбах	Успенско-Нейская вол.	21000	32
Торг.дом Геллер и К ^о	Ануфриевская вол.	17000	28



Центральная площадь Кологрива. Фото нач. XX в.



Жеребец земской случной конюшни. Фото нач. XX в.

рабочих. Оконное стекло отправляется летом через пристань Макарьев на реке Унже (20 тыс. пудов) и зимой – по железной дороге через ст. Николо-Палома (8 тыс. пудов). Материалы для производства получают теми же путями: сульфат и мел (20 тыс. пудов) идут из Макарьева, огнеупорная глина (8 тыс. пудов) и лесные материалы (30 тыс. пудов) – со станции Николо-Палома.

Центр района г. Кологрива – типичный захолустный уездный город с населением в 3 тыс. душ обоего пола, находится при судоходной реке Унже, в 83 верстах от ст. Мантурово Вологодско-Вятской железной дороги. Торговля представлена в нем 54 лавками, из которых хлебно-бакалейных – 23, мануфактурных – 4, галантерейных – 3, железно-скобяных и шорных – 4, кожевенных – 2, пивных – 4, трак-

тиров – 2, ренсковых погребов – 1, швейных – 1.

...Базары бывают в Кологриве по понедельникам зимой и по воскресным дням летом (с Пасхи до 14 ноября). Местное население продает на них сельскохозяйственные продукты и сырье: кожи, овчины, шерсть и пр. После уборки лугов появляется на базарах сено, раскупаемое в большинстве случаев горожанами. На летних базарах сбывается много грибов сушеных: “с Межи” – из Георгиевской, Кузьминской и Николо-Межевской волостей привозят большие партии хлеба, главным образом ржаную муку и овес.

...Ярмарок в Кологриве бывает 3: Феодосиевская с 28 янв. по 3 февраля (торговля производится только в день), Ануфриевская с 13 по 15 июля и Воздвиженская с 14 по 20 сентября. Обороты каждой из ярмарок можно охарактеризовать приблизительно такими цифрами:

Феодосиевской ярмарки – 15000 руб.

Воздвиженской ярмарки – 10000 руб.

Ануфриевской ярмарки – 8000 руб.

ВЕРХОВСКИЙ Н.Е. Грунтовые дороги Костромской губернии. (Статистическое исследование 1912 г.) Часть I. Текст. Кострома. тип. Х.А. Гелина, 1915, с. 239-272.

ОБИТЕЛИ ВЕРЫ И КРАСОТЫ

В повседневной суете мы часто не замечаем красоту, окружающую нас. А между тем она рядом, нужно только внимательно приглядеться. Кологрив, старинный русский город. Как великолепны закаты над Унжей, красавица-ель у дороги, старинные особняки, которыми не обделена кологривская земля. Среди них особенно выделяются полуразрушенные, но по-прежнему величественные храмы.

Невозможно понять историю России без учета огромной роли, которую на протяжении столетий играла православная церковь. Вся жизнь человека, будь то простой крестьянин или наделенный неограниченной властью царь, была тесно связана с храмом. Рождение ребенка, заключение брака, смерть, раскаяние в совершенных грехах или просто желание приобщиться к прекрасному – неизбежно приводили человека под своды церкви, где он находил умиротворение и душевный покой, забывая о трудностях мирской жизни и серых буднях, наполненных тяжелым трудом.

Приходской храм обычно строили общими усилиями, «тщанием и усердием прихожан». Под руководством

самых опытных строителей, сообща рубили и вывозили лес, изготавливали кирпич, возводили церковные стены. И строили на века, чтобы не было стыдно ни перед современниками, ни перед потомками. Вполне понятна та гордость, которая охватывала простого труженика при виде красивой церкви, – это был его храм, построенный его руками для собственных нужд духовных...

Безжалостно уничтожались святые, когда духовное в жизни было вытеснено новой идеологией. Но полуразрушенные церковные стены, имеющие богатую историю, еще могут о многом рассказать тому, кто любопытен и неравнодушен.

* * *

Территория Приунженского края начала заселяться славянами с XII - XIII вв. Возможно, уже тогда появились на кологривской земле первые храмы и часовни. К сожалению, никакими документальными материалами тех лет мы пока не располагаем. Первые же сведения относятся лишь к XVI веку. В то время появился город Кологрив, в котором находилась церковь Михаила Архангела,

были храмы в погостах Шишкилево и Илешево, а также упоминается Успенская Княжая пустынь, в 25 верстах от Кологрива. В XVI - XVII вв. она значит- ся без земельных владений.

Первое достаточно подробное упоминание кологривских земель, дошедшее до нас, – Дозорная книга 1616 г., называет уже значительное количество храмов. В Кологриве (имеется в виду старый город) находилось три церкви. Вот что о них пишется: «...в городе соборная церковь Михаила Архангела с папертью деревянна верх да другая церковь теплая с трапезою деревянна ж Афонасия Афонского... Да в Кологриве ж на посаде церковь деревянна верх преподобного Макария Унженского Чудотворца...»

На территории кологривской осады в пределах современного района существовало 7 погостов с 8-ю приходскими церквями: Понговский с церковью Покрова, Пеженга с церковью Успения Пресвятой Богородицы, Стан и храм во имя Воскресения Христова, церковь Ильи Пророка в Илешево, погост в Паломе и церковь Дмитрия Солунского в нем, Ильинская церковь в селе Княжая (ныне с.Ильинское) и две

церкви в Кичино (нынешний г. Кологрив) - Афонасия Афонского и Воскресения Христова.

Таким образом, в начале XVII в. на территории района имелось 11 деревянных церквей, большинство из которых было сооружено еще в XVI в. Судя по описаниям, храмы были двух типов – шатровые и клетские (клеть – в плане прямоугольный сруб, тогда как шатер имел в основании шести- или восьмиугольник). Поскольку дерево подвержено гниению, идущему от земли, здание и поверхность сопрягал камень. Стоя на таких камнях, церковь словно висела в воздухе, плывя навстречу ветру. Некоторое представление о том, как выглядели деревянные храмы, можно получить, побывав в Княжой пустыни, где сохранилась единственная церковь подобного рода в нашем районе.

Однако при всей своей доступности и легкости обработки, дерево имеет два важных недостатка: подверженность гниению и доступность огню. В документах XVII-XVIII вв. встречается немало упоминаний о пожарах, перестройках церквей, строительстве и освящении новых. Так, например, в 1643 г. появляется церковь Богородицы в Запоженье, на Вяткиной горе (вблизи дер. Павликово). В 1645 году рядом с обветшавшей Ус-



Храм Успенья Пресвятой Богородицы г. Кологрива. Фото нач. XX в.



Успенскому соборному храму 200 лет. Вид со старинной гравюры.

пенской церковью на Пеженге освящается новый храм в честь Николая Чудотворца. На том же погосте в 1707 г. вместо старой строят новую Успенскую церковь. В 1720 г. сгорела церковь Афонасия Афонского в Кологриве, 20 июля 1718 г. такая же участь постигла недавно построенную Никольскую церковь в Илешево.

В начале XVIII в. помещиком деревни Урма Цизаревым был основан монас-

тырь Княжая пустынь на высокой горе близ речки Княжая (неизвестно, имел ли он отношение к Княжой пустыни, упоминавшейся в XVI-XVII вв.) По преданию, во время охоты на берегу речки ему была явлена Чудотворная шестилистовая икона Успения Божьей Матери. Постригшись в монахи и приняв имя Иезекииль, Цизарев основал здесь монастырь и построил в 1719 г. Успенскую церковь, сохранившуюся в полуразрушен-



ном виде до наших дней. Монастырь после смерти своего основателя существовал недолго. Монахи разошлись, обитель запустела и в 1774 г. была упразднена. Обретенную икону перенесли в Макарьевскую церковь старого Кологрива, а оттуда – в Успенский собор вновь учрежденного уездного города.

Новая глава в истории кологривских храмов начинается в конце XVIII века. С этого времени на нашей земле появляются каменные церкви. Первым каменным зданием на территории уезда стала Воскресенская церковь, построенная жителями села Кичино и поселившимися здесь новыми гражданами в 1777 году. Этот небольшой одноглавый храм до 1817 г. был соборной церковью Кологрива. В 1881 г. церковь совершенно преобразилась, после того как на средства Почетного гражданина г. Кологрива Петра Васильевича Дубровина была построена красивая шатровая колокольня и каменная ограда вокруг здания. В этом храме, именуемом иногда по названию одного из приделов Макарьевским, находились старинные иконы Божией Матери – Федоровская, Казанская и Тихвинская. Церковь была уничтожена в 1930 году, и теперь лишь несколько фотографий, хранящихся в музее и у старожилов города, напо-

минают о том, что некогда в самом центре города находился красивый архитектурный памятник.

Вторую каменную церковь построили в 1790 г. в селе Вяткина гора. Называлась она Богородице Рождественская, имела три престола и была обнесена каменной, с железными решетками оградой (в народе больше известна как Павликовская). Местною святыней почиталась икона Казанской Божьей Матери, которая считалась чудотворной. Сейчас храм в полуразрушенном состоянии.

В последние годы XVIII столетия появились еще два храма: Ильинская церковь села Илешево – в 1796 г. и Архангельская (бывшего города Кологрива) – в 1798 году – оба на месте старинных деревянных церквей. Ильинский храм с каменной колокольней имел три престола – Богоявленный, святого пророка Илии и святых мучеников Фрола и Лавра.

В 1836 г. рядом с ним построили зимнюю однопрестольную церковь в честь Николая Чудотворца. С этим маленьким храмом связана красивая легенда. В Илешево хранилась древняя чудотворная икона Николая Угодника, в честь которого и решили возвести церковь у въезда в село. Но икона неизменно «уходила» на берег Унжи, на место нынешнего храма. Там его в конце концов и

возвели. Оба илешевских храма были обнесены каменной оградой с железными решетками, рядом находилась церковноприходская школа. Весь комплекс построек сохранился, в течение последних 10 лет Ильинская церковь восстанавливается. Место это связано с именем Ефима Честнякова – здесь он был крещен, много раз посещал церковь, тут же, недалеко от храма, и похоронен. Могила Ефима является местом паломничества жителей района.

В 1807 г. Кологрив получил достойный уездного города храм – Успенский Собор. Освященный в 1815 г., он получил статус Собора в 1817 г. вследствие ходатайства строителя церкви, кологривского помещика Федора Левашова. Собор имел три престола, главной святыней считалась явленная икона Успения Божьей Матери. В архитектурном отношении особую ценность имела трехъярусная колокольня, построенная в стиле классицизма, – это важнейшая вертикаль города, придающая законченность его архитектурному ансамблю. Фасады церкви декорированы арочными окнами, каннелюрами, пилястрами, красивыми карнизами. На протяжении всего XIX в. храм не раз обновлялся и украшался, прежде всего на средства церковных старост: Д.М. Звонова, П.П. Перфиль-



ева, П.В.Дубровина и других.

Следующую каменную церковь на кологривской земле – Ильинскую в селе Княжая (ныне с.Ильинское) – построили в 1815 г. Внушительное двухэтажное здание с каменной колокольной было обнесено с северной стороны каменной оградой с железными решетчатыми воротами. Храм имел по два престола на каждом этаже и был, пожалуй, самым богатым из сельских приходских церквей в уезде. При церкви находились торговые лавки, которые сдавались в аренду, церковно-приходская школа и общество трезвости. Издалека видно её, и на многие километры распространялся колокольный звон, призывая прихожан на службу.

Сейчас Ильинская церковь представляет собой печальное зрелище. Находясь в самом центре большого красивого села, это полуразрушенное здание навеивает грустные мысли о красоте, созданной некогда людьми и уничтоженной их потомками.

В 1824 году появилась каменная церковь Дмитрия Солунского в с. Палома (сейчас Высоко-Палома). В строительстве храма принимал участие наш знаменитый земляк, поэт Павел Александрович Катенин, живший в эти годы неподалеку, в усадьбе Шаево. Эта церковь обслуживала наи-

большее по сравнению с другими храмами количество селений – 37. В начале XX века к нему было приписано 5 тысяч прихожан.

Самый северный кологривский храм – Покровская церковь в селе Понга – построен в 1828 г. на средства унтер-офицера Дементия Евстихьева, помещика

здешних мест. Церковь имела три престола, каменные колокольню и ограду, и обслуживала всего два селения, Копьево и Церковное, а также 4 казенных лесных кордона.

Постройкой сразу двух храмов на севере кологривского уезда был ознаменован 1836 г. В этом году на



Спасская церковь и Богательня Звонова в Кологриве. Фото нач. XX в.



Макарьевская церковь в Кологриве. Фото нач. XX в.

месте старинной деревянной церкви появилась каменная двухэтажная Воскресенская церковь в селе Стан, недалеко от бывшего города Кологрива, только на другом берегу Унжи. Этот храм, стоящий на высокой горе, напоминающий городской Успенский собор, к сожалению, не сохранился.

В том же году появилась Успенская церковь на Пеженге. В фондах кологривского музея сохранились клировые ведомости, содержащие описание этого погоста. Оказывается, в XIX в. на протяжении нескольких десятилетий здесь стояли три церкви – Николаевская и Успенская (деревянные), и построенная в 1836 г. каменная церковь. В середине века храмы обслуживали 7 приходских селений (39 дворов, 267 душ обоего пола), служили в причте священник Георгий Рождественский, дьяк Григорий Постников и пономарь Дионисий Иванов. В настоящее время все пеженгские деревни: Токарево, Таширово, Забелино, Уродово, Тимово, Синяково, Лом – умерли. Лишь Успенская церковь, полуразрушенная, одинокая и запущенная, продолжает стоять среди бескрайних кологривских лесов.

В 1840 году в Кологриве появилась третья каменная церковь – Кладбищенская, во имя всех Святых. Построена она была при городском кладбище на средства Александры Николаевны

Шулепниковой. Своих священнослужителей не имела, отпевали покойников здесь священники из Собора. Этот маленький, изящный храм разобрали в конце 1930-х годов, кирпич пошел на строительство пожарной каланчи. Сейчас от церкви остались лишь красивые каменные ворота и памятный крест в честь всех, кто покоится на бывшем кладбище.

Княжепустынская обитель, запустевшая после смерти своего основателя, постепенно превратилась в погост. Но память об этом «святом месте» продолжала жить в народе, привлекая сюда массу паломников не только из кологривского уезда, но и из соседних уездов и губерний. Не забывали о Княжой пустыни также родственники и потомки Цизарева. Именно на их средства, особенно на деньги Анастасии Степановны Микулиной, рядом с деревянной в 1842 году построена каменная Успенская церковь.

На протяжении всего XIX и начала XX вв. сюда стремились попасть богомольцы. В гору, называвшуюся Святой, нужно было подняться пешком, многие паломники при этом тащили тяжелые камни. Слева от церкви, в логу, находились святые источники, почитавшиеся целебными. На горе росли две огромные липы, изгрызанные зубами тысяч паломников – считалось,

что кора этих деревьев способна избавить от зубной боли (сейчас обрубок одной из святых лип находится в краеведческом музее).

Оба храма сейчас в полуразрушенном состоянии. Но меня почему-то не покидает уверенность, что святое и прекрасное место обязательно возродится, может быть, в виде туристического комплекса, а может быть, здесь снова появится монашеская обитель. Во всяком случае, паломников и туристов с каждым годом становится все больше.

Бывавшие в Княжой пустыни, наверное, навсегда запомнили это удивительно красивое место, овеянное легендами.

В начале XX в. была построена деревянная церковь в деревне Шлыково, правда, церковью ей послужить удалось недолго. Закрытая в 1930 году, она была переоборудована в школу.

Завершим мы перечень кологривских церквей сведениями о городской Спасской церкви. Храм в честь Спаса Нерукотворного на Загородном проспекте построен при богадельне имени Д.М.Звонова в 1911 году кологривским купцом Иваном Васильевичем Козловым. Этому храму повезло больше остальных: разрушение и мерзость запустения коснулись его, к счастью, не в такой степени, как остальные церкви.

Для полноты картины нужно также упомянуть церковь при женской гимназии (ныне здание городской средней школы, где сохранилась глава церкви) и две каменные часовни в Кологриве – одна сооружена на средства уже упоминавшегося купца П.В.Дубровина на месте древней Ануфриевской церкви села Кичина в 1881 г., другая находилась у здания уездного земства (сейчас районная администрация). Кроме того, деревянные часовни имелись почти в каждой деревне, в начале XX в. их насчитывалось несколько сотен.

По разному сложились судьбы кологривских храмов после Октябрьской революции. Закрытые и разграбленные в 1920 – 30-е годы, некоторые из них, как, например, городские – Макарьевская и Кладбищенская церкви или сельские – Архангельская и Воскресенская – были уничтожены. В других храмах разместили МТС (Успенский собор), школы, магазины, склады, пекарни, сельсоветы и дома культуры. Затем вообще бросили на произвол судьбы, и они медленно разрушались. Но время в конце концов все расставляет по своим местам.

В 1988 г., в год тысячелетия крещения Руси, главная кологривская святыня – Успенский собор – была передана общине верующих. С

тех пор идет возрождение церкви, которое, то затухая, то вновь оживляясь, продолжается уже 16 лет. За эти годы сделано немало – восстановлены купола и кресты, отреставрирована красавица-колокольня, приспособлено под службы помещение зимней церкви. Новый импульс реставрационным работам был дан в 2003 году, когда город посетил генеральный прокурор России Владимир Васильевич Устинов. Оказывается, его детство прошло в Кологриве – отец его Василий Сергеевич Устинов работал в первой половине 1950-х гг. районным прокурором. Ностальгические воспоминания о босоном детстве вызвали желание чем-то помочь своей малой родине. И вот в результате поездки высокопо-

ставленного чиновника в наши края одним из благотворительных общественных фондов было выделено 3 миллиона 176 тысяч рублей на восстановление храма.

С августа 2003 г. начались реставрационные работы, и с тех пор Успенский собор совершенно преобразился. Сотрудниками «Костромареставрации» и их местными помощниками выполнен огромный объем работ – восстановлено штукатурное покрытие снаружи и внутри церкви, произведены ремонтные работы на крыше и колокольне, стены собора расколоты (выступающие части, элементы декора остаются белыми, остальная часть храма покрывается золотистой охрой), территорию вокруг храма украсили же-



Церковь в с. Берзнык. Фото 2003 г.



лезная ограда с воротами, резная беседка, клумбы с цветами и деревянная лестница, поднимающаяся на соборную гору из центра города. В ближайшее время реставрационные работы будут завершены и собор, как и прежде, станет главным украшением Кологрива.

В 1990-е годы восстанавливалась и другая кологривская церковь – Спасская на ул. Некрасова (бывший загородный проспект), правда, реставрационные работы до конца доведены не были, и сейчас храм законсервирован. Кроме того, уже в 2000-е годы в городе, в городском сквере, была отреставрирована часовня, построенная П.В.Дубровиным, и установлен памятный камень на месте уничтоженной Макарьевской церкви.

В 1994 г. состоялась первая служба в полуразрушенной Ильинской церкви села Илешева. С тех пор восстановление церкви продолжается постоянно, прежде всего подвижниками усилиями местного жителя, инока Леонида. Сейчас службы здесь проводятся регулярно.

1 ноября 2001 г. архиепископом Костромским и Галичским Александром была освящена новая часовня на городском кладбище, посвященная иконе Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость». Владыка привез с собой этот образ и подарил

его новой часовне. Строители часовню строители местной ПМК при содействии районной администрации, проект разработал священник Успенского собора отец Аркадий (Трашков). Изящная, добротна сработанная деревянная часовня под тесовой крышей, со звонницей и главой-луковицей, крытой лемехом, видная издали, она находится на самом высоком месте в северной части города и, безусловно, украшает его.

В последние годы вновь обзавелась церковью и дер. Высоко-Палом. В 1930-е Дмитриевская церковь этого села была уничтожена. В 1988 г. появилась идея храм восстановить: сначала установили крест на месте будущей церкви, а в начале XXI века приступили к строительству. Душой стройки и главным спонсором стал Яков Владимирович Соколов, научный сотрудник из Москвы, автор и издатель учебников по правоведению. Родом он из этих мест, здесь построил себе красивый, добротный дом. Помогли средствами, техникой, рабочими и пиломатериалами сельская администрация, СПК «Дружба», местные жители и приезжие дачники, а отец Аркадий изготовил иконостас. И вот 23 июля 2002 г. на кологривской земле был открыт и освящен архиепископом Александром еще один деревянный храм – Дмитрия Солунского.

Таким образом, на сегодняшний день на территории кологривского района действуют четыре приходские церкви и две часовни. Все эти здания находятся в ведении настоятеля Успенского собора. Очень хочется верить, что и остальные сохранившиеся церкви – в с.Ильинском, в Княжой пустыни, в Павликове, на Пеженге – не умрут, а еще послужат людям, и мы вновь услышим их малиновый звон на древней кологривской земле.

Эмиль ТИМГАНОВ.

*Фото с открыток
Кологривского уездного
земства. Из коллекции
В.Новикова.*

Библиография:

1. РГАДА, ф. 1209, кн. 45. Дозорная книга по Кологриву, 1616 г.
2. Ведомость о церквях Успенской и Николаевской Кологривского уезда села Пеженги за 1853 г. Фонды Кологривского краеведческого музея.
3. Алфавитный список церквей Костромской епархии. Кострома, 1879.
4. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфентьевым и Чухломою, жилых данных церквей 1628-1710 и 1722-1746. Кострома, 1895.
5. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911.
6. В. и Г. Холмогоровы. Материалы для истории Костромской епархии. Выпуск 2. Кострома, 1898.
7. Справочная книга по церквям Костромской губернии. Кострома, 1913.



ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Костромской епархии города Кологрива
соборной Успенской церкви

Каменный храм в честь Божьей Матери, празднования ее успенья, что ныне Успенский собор, основан тщанием прихожан в июне месяце 1800 г. с благославления преосвященного Евгения, епископа Костромского и Галичского, при протоирее градской Онуфриевской церкви Андронике Невзорове и строителе сего храма титулярном советнике Федоре Левашове.

Возведенный в сем 1800 году, кладкою на полтора аршина, храм сей оставался в таком виде до 1806 г.

Согласно сему договору сей храм в 1807 г. окончательно отстроен и в таком виде снаружи существует донныне.

Сей храм, по благословению преосвященного Сергия, епископа Костромского и Галичского, освящен в 1815 г. присутствующим Костромской духовной консистории протоиереем Иоанном Красовским.

Указом его императорского величества, самодержца Всероссийского Александра I, из Костромской духовной консистории от 23 июня 1817 г. за №1517, дано знать за известие священно-церковнослужителям города Кологрива Онуфриевской церкви и прихожанам, что



сей храм, в честь Божьей Матери празднования ее успенья. По высочайшему повелению государя императора Александра I, вследствие ходатайства о том строителя церковного Федора Левашова в 1817 году наименован соборным. Вместо двух пришедших в ветхость в старом городе Кологриве деревянных церквей, соборной Макарьевской и Никольской, с передачей новому собору всего имущества и земли принадлежавшим означенным двум церквям.

С разрешения преосвященного Платона, епископа Костромского и Галичского в 1862 г. возобновлен, и в некоторых местах переменен иконостас, усердием и

иждивением церковного старосты купца Мины Петрова Звонова. Как изображено в указе Костромской духовной консистории от 13 июня 1862 г. за №8687, чтобы все иконы в иконостасе Успенского храма, числом 32, различной меры и формы, имеющие благопристойную живопись по фону покрыть червонным золотом, на ризах икон сделать позолотную облицовку и покрыть новым чистым лаком.

Успенский собор с приделами и колокольнею имеет снаружи вид четырехугольного креста, покрыты железом. Глав на настоящей церкви пять, покрытых английской жстью. Кресты на главах в 1856 г. сделаны железные, без цепей и всяких надписей и изображений.

В сем храме два придела:

1. На правой стороне в честь преподобного Онуфрия Великого.

2. На левой стороне в честь преподобного Феодосия Тотемского чудотворца.

Приделы сии отстроены и освящены раньше Успенского храма, а именно:

1. Придел во имя преподобного Онуфрия Великого в июне 1808 г.

2. Придел во имя преподобного Феодосия Тотемского чудотворца в 1813 г.

Колокольня каменная, со-единенная с церковью в три разной величины яруса. Шпиль колокольни обит же-стью, а крест на шпиле же-лезный, золоченый, утвер-жденный в небольшой главе или маковке. На колоколах есть надписи и изображения:

1. На большом колоколе изображены в верхней кайме 8 херувимов. Под ними слова «Архангельский голос вопи-ет: ты чистая, радуйся бла-гостная, господь с тобою». В середине колокола изображе-ны Воскресенье Христово, Иоанн Предтеча, Онуфрий и Макарий, Николай Чудотво-рец и Успенье Божьей Ма-тери. В нижней кайме напи-сано: весу 296 пудов 38 фун-тов, 1851 г. вылит, сей коло-кол в Вятской губернии в п. Слободской братьями Болсу-левыми по подряду соборно-го старосты, кологривского купца Ивана Игнатьева, сына Невзорова.

2. На другом колоколе в верхней кайме херувимы и слова «благоволите, день от дней спасения бога нашего» Под ним изображены Бла-говещение, Преображение, Тайная Вечеря и Иоанн Предтеча. На самом краю, кругом колокола написано: весу 113 пудов 32 фунта, в 1848 г лили сей колокол бра-тья Болсулевы.

Успенскому собору при-надлежит храм в память празднования обновления храма Воскресения Христо-ва, каменный на берегу Унжи в торговых рядах, ос-нован в 1777 г.

Указом Светлейшего Правительствующего Си-нода, изображенном в ука-зе Костромской духовной консистории от 23 июня 1817 г. предписано было учредить комплект Собор-ного причта из протоие-рея, двух священников, од-ного диакона, четырех при-четников и двух сторожей. В последствии около 30-х годов с умножением коли-чества прихожан утверж-ден полный комплект при-чта, как и ныне, состоит. Содержания от казны и руки прихожан не имеет.

Усадебной земли у со-бора нет. А после упразд-нения Макарьевского со-бора бывшего города Ко-логрива высочайше пре-доставлено собору 22 де-сятины пахотной и сено-косной земли. По полю-бовному размежеванию 1842 г. там же досталось собору 122 десятины. Пла-ны на сию землю в цер-ковном архиве.

Причт пользуется про-центами с следующих вкладных капиталов:

1. По билету Государ-ственного банка №1448 в 100 рублей, дарованным кологривским помещиком Федором Николаевичем Левашовым.

2. По билету Государ-ственного банка №10740 в 283 рубля.

3. Половиною процентов по билету Государственного банка №17959 в 614 рублей.

4. С 3-х 5% билетов в 100 рублей каждый, положен-

ных в 1868 г. мещанином Мефодием Александрови-чем Невзоровым.

5. С других капиталов общей суммой в 200 рублей.

Ни училища для приходс-ких детей, ни богадельни, ни каких других благотвори-тельных учреждений при соборе нет.

В 1868 г. соборным ста-ростою, купцом 2-й гильдии Миною Петровичем Звано-вым окончательно устрое-ны две ограды: вокруг кладбища на пространстве 241 сажен каменная, другая вокруг собора на 93 саже-ни, каменная с железными воротами, решетками и ка-литками. Употребив на них своей собственности 4944 рубля серебром.

До 1868 г. посещали со-бор и служили в нем епар-хиальные архиереи. В 1840 г. преосвященный Владимир. В 1848 преосвященный Иус-тин. В 1861 и в 1864 годах служил Божественные ли-тургии преосвященный Платон.

До 1868 г. и в продолже-ние сего года в Кологривс-ком Успенском соборе бла-годарение господу не было никаких несчастных случа-ев, как то: похищения, по-жара и т. п.

Благочинный Кологривс-кого Успенского собора, настоятель оногo собора, старший священник Феок-тист Иорданский.

1869 г.

ГАКО, ф. 130, оп. 11 доп., д. 4, л. 1-24. Подлинник.

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Воскресенской, что на торговой площади церкви с приделом преподобного Макария Унженского

... Воскресенский храм ..., основанный в 1777 г., в год преобразования императрицей Екатериною II села Кичина в город Кологрив, и в благословенный для России год рождения государя императора Александра I.

В 1779 году, 12 сентября, новый храм, в честь обновления храма Воскресенья Христова освящен. А 26 января 1780 года освящен и Макарьевский придельный храм – оба при державе государыни императрицы Екатерины II и при ее наследнике благоверном государе Павле Петровиче и супруге его Марии Федоровне. И при великих князьях Александре Павловиче и Константине Павловиче. Благословением Святейшего Правительствующего Синода и преосвященного Сергия, епископа Костромского и Галичского.

При снятии престолов в 1877 г. под престолом Воскресенского храма оказался водруженный деревянный крест с надписью «Освяти, сей храм Господа и Бога и Спасителя Иисуса Христа в храме обновления храма Воскресения Христова при державе и проч.» Под престолом Макарьевского храма медный крест с такой же надписью.

Благословенный император Александр I, в конце своего славного царствования,

13 октября посетил город Кологрив и в храме сем слушал Божественную литургию.

И вот, благочестивые прихожане Кологривского Успенского собора, сокрушась сердцем о запустении древней святыни, современной основанию их города, в ноябре 1855 года обратились с просьбой к преосвященнейшему Филофею, о дозволении им на первый раз из собственных своих пожертвований сделать в той церкви новый деревянный пол, оштукатурить весь храм снаружи и изнутри и устроить в нем две печи. И просили утвердить строителем возобновляемого храма кологривского купца Федора Невзорова, как опытного в постройке и известного своей честностью и усердием к храму Божьему.

Только с 1858 по 1861 гг. употреблено было много средств возобновлению сего храма, но по известным епархиальному начальству обстоятельствам, это дело не только не двинулось дальше, но и будто ускорило опустошение его. Так что в 1871 г. св. антимины вытребованы в Архиерейскую ризницу. Главной причиной запустения была сырость.

На основании высочайшего повеления, изложенного в указе Святейшего Правительствующего Синода от 25 августа 1865 г. №1803, раз-

решить кологривскому купцу Петру Васильевичу Дубровину возобновить и украсить обветлевший и запустевший в городе Кологриве, на торговой площади, каменный храм в честь Воскресения Христова.

Сообщить купцу Дубровину, чтобы восстановление храма и постройка колокольни проводились под наблюдением техника, в принятии коим на себя сей обязанности, должна быть представлена епархиальному начальству до начала работ подписка. Назначить для успешного и правильного производства работ комиссию в лице: от духовенства – протоирея Феоктиста Иорданского, от дворян – помещика Петра Перфильева, от городского общества – купцов Мину Звонова, Василия Козлова, Александра Хохлова и от крестьян – волостного старшину Василия Павлова.

В 17 день октября 1884 г. происходило освящение храма во имя обновления храма Воскресения Христова, что на торговой площади г. Кологрива. Настоятель Кологривского успенского собора протоирей Феокист Иорданский.

1884 г.

ГАКО, ф. 130, оп. 11 доп., д. 3, л. 1-20.
Подлинник.

*Подготовил Алексей
СЕЛИВЁРСТОВ.*



ЛЕГЕНДЫ КНЯЖОЙ ПУСТЫНИ

“Увидеть и познать свой край можно либо своими глазами, либо с помощью книг”, – писал М. Ломоносов.

Книг, правда, про наш медвежий угол не написано, зато всевозможных легенд существует множество, и людская память бережно хранит их. Вот в один из уголков края нашего группа паломников и держит путь. Это богохранимая Пустынь, что расположена в Кологривском районе на высоком холме за поселком Советский – теперь здесь две разрушенные церкви и с десяток нежилых домов.

Если посмотреть с этого холма, – то взору открываются дали неоглядные, красота неопишная. И у самых ног речка с красивым названием Княжая, с очень крутыми берегами. Раньше река была судоходной, по ней возили на плотах грузы, сплавляли лес.

Деревня Пустынь имеет свой возраст более 400 лет. Существует такая легенда, будто бы кологривский помещик Игнатий Фомич Цизарев охотился в здешних лесах. Ему было видение: явилась Успенская Божья Матерь. Он дал зарок: на этом месте построить монастырь. И вот в 1719 г. монастырь был открыт (женский). Сейчас он не сохранился. Говорят, когда умирала его последняя монахиня, она сказа-

ла: “Будут люди ходить по кладу, но никогда его не найдут”. В последствии тут была помещичья усадьба, разоренная во время крестьянских волнений.

В 1762 году по ходатайству верующих в Синод был узаконен здесь православный приход, обслуживающий к тому времени 10 деревень. Церковь была деревянная, памятник этот находится под федеральной охраной, но сильно разрушен.

В 1842 году на средства родственников Цизарева построена трехпрестольная каменная церковь Успенья Пресвятой Богородицы: двухэтажная, главный престол – Успенский, другие – Николы Чудотворца и Александра Невского. К тому времени он был уже причислен к лику святых. Внесла основные средства и руководила строительством Анастасия Микулина – потомок Цизарева. Эти церкви – и деревянная, и каменная – стоят рядом. Между ними и вокруг их была красивая липовая аллея. Посередине раньше стоял липовый пенек. По поверью, надо погрызть этот пенек, чтобы не болели зубы. Сюда приходили верующие, почитающие это место святым. Сейчас легендарный “пенек” находится в Кологривском музее как экспонат.

У алтаря деревянной церкви есть две надгробные

плиты. Вот надпись на одной из них: “Здесь покоится тело крестьянина Луки Васильева, которым принесено распятие Животворящего Креста Господня из обители Свято-Афонской горы в 1867 году, скончавшегося 24 июля 1887 г. 50 лет от роду”. Н.Новгород: 3-д Дурбажева.

На другой плите такая надпись: “Здесь погребено тело заштат. священника Николая Андреевича Троицкого, скончавшегося после продолжительной болезни 4 февраля 1912 г. на 74 г. от рождения, прослужившего при сем храме 16 лет и 10 мес.

Господи, прими дух мой с миром”.

В военные годы и после войны в Пустыни жили крымские татары на том берегу Княжой в пос. Ульча, около 500 человек. Двое из них были австрийцы. Одного увезли сотрудники НКВД, другой умер и похоронен. Много татар похоронено на кладбище возле церкви, по своим обычаям в соответствии с их верой. В храмах были знаменитые иконы. И очень жаль, что и эти церкви не обошла участь погрома. В 1936 году церковь прекратила свою службу. В деревянной – на долгое время поселилась столовая, а в каменной на втором этаже – клуб, на первом – почта, магазин, библиотека. Рядом слева от церкви стояла школа.



Места эти издревле назывались святыми. И вот почему. Из Свята болота берется речка Святица, вместе с речкой Черной образуют они реку Княжую, и вот в петле Княжой получился как бы полуостров – поселок Советский. Надо бы Святский назвать, и всего-то одну букву “о” выпустить, да “е” на “я” заменить. Может раньше так и было, кто знает... Так вот, места эти святы. Люди приходили сюда молиться и приносили из-под горы камни и воду, якобы снимая с себя тем самым грехи. Воду носили из Святого Потока это старый поток (всего их было 3). Второй поток находился на ручье Шумиха. Назывался Новый. И еще был третий.

Вот мы идем к старому потоку. Гора не так крута, но потяжна. Вниз идти легко. Святой поток обнаружить было нетрудно, т. к. лесники из поселка Советский его обустроили. Очень красивая беседка, сход удобный, ступени и поручни. Рядом на столбике – ящик с иконами и свечками. Поклонились, зажгли свечки. А внизу в круге, сделанном из камушков, бьют множество родничков (раньше тут сруб был). Умылись, попили водички. Старожилы рассказывают, что иногда вода эта светится какими-то блестками. Брали ее даже на анализ, якобы обнаружены кристаллы какого-то металла. Видимо, серебра?

Навешают эти места и паломники и, может, кладоискатели. А в прошлом году тут летом жили монахи с Украины. Встречались мы со старожилами, вот они нам и поведали, что сами узнавали когда-то от старших. Что речка Княжой называется, так это потому, что в Монастыре была какая-то княжна.

И о том, как местные крестьяне восстали против феодалов, как в 1670 году на помощь крестьянам прибыл отряд разинцев под предводительством Илейки Пономарева. Это подтверждается в кн. Соловьева “Степан Разин и его время” (стр. 80). Старожилы так же рассказывают, как работали на лесоповале татары. Была деревянная узкоколейная дорога на шпалах (вместо чугунных рельс – деревянные баланы, обструганные как рельсы, чтобы по ним катился состав платформ с лесом).

Жили татары в бараках. Печи устраивали прямо в береге реки. Выкапывали яму и на нее клали плиту, на ней и готовили пищу. Рассказывают, что одна плита, взятая из церкви, излучала какое-то чудное свечение, когда раскалялась докрасна. Всякий раз разные картины посещали тех, кто смотрел на нее и задумывался.

До другой воды, кроме ключей, в Пустыне не добраться, сколько ни копай колодцев. Никогда их тут и не было. Геологи скважины бурили, но до воды не доб-

рались. Воду брали из “Святых Потоков”.

Баня была на берегу реки одна, общая. Пекарня тоже на берегу – муку и дрова к пекарне доставляли по воде, а вот жителям ходить за хлебом – (почти отвесные берега) – было очень трудно.

Наряду с лесопромышленностью в Пустыни было и сельское хозяйство. В годы коллективизации организован колхоз “Трудовик”, председателем его до войны стал Василий Николаевич Чистов, а в войну – его жена Мария Васильевна Чистова. Были в колхозе две мельницы, значит, находилось что молоть. Колхозники жили в этой глуши, ничего не требуя от государства кормили себя сами, работали на оборону, растили детей. Позднее, когда в 1955 году начал строиться поселок Советский, как лесопункт, колхозная жизнь кончилась. Колхозники, наработавшись за трудодни, перебрались в лесопункт, а кто – в Ильинское и Кологрив. Так в деревне Пустынь остались одни нежилые дома, но землю еще и сейчас жители лесоучастка используют для огородов и сенокосов.

Забывать о том, что и здесь когда-то бурлила жизнь, мы не вправе.

*Н.С. ТУРАНОВА,
заведующая библиотекой,
с. Никола Межевского р-на.*

ФЕОКТИСТ ИОРДАНСКИЙ И ЕГО СЕМЕЙСТВО

К числу самых известных исторических деятелей Приунженского края относится настоятель Кологривского Успенского собора в 1861-1903 гг. протоиерей Феоктисст Иоаннович Иорданский. Его жизненный путь – образец служения на поприще сельского пастыря, пример ревностного отношения к народному просвещению и семейному воспитанию. Однако усилиями известного кологривского писателя Л.И.Воробьева и краеведа Д.Ф.Белорукова, у многих читателей сформировался не совсем верный образ этого благочестивого представителя кологривского приходского духовенства. Первый представил Феоктисста Иорданского как «рьяного служителя церкви», использовавшего в своих целях «богобоязненность и покорность» межевских крестьян во время известного бунта 1861 года, второй «приписал» ему участие в революционном кружке Никольского прихода в 1890 году (1).

Иногда молодые краеведы, активно использующие печатные материалы, продолжают писать о Ф.И.Иорданском в том же свете (2). Более того, в новом сборнике «Межевскому району – 75», где некорректно использован исторический материал Белорукова, Феоктиссту Иорданскому вновь приписаны активные «революционные действия». (3) Между тем, архивные документы, служебная карьера, печатные публикации и воспоминания современников представляют о Феоктисста совершенно в другом свете. В этом легко убедиться, ибо многие использованные для данной статьи материалы доступны каждому рядовому читателю.

Феоктисст Иоаннович Иорданский родился в 1821 году в семье священника села Филяй Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне Кинешемский район Ивановской области) (4). Окончил Лухское духовное училище. Затем 4 года служил учителем Покровского приходского училища в Тихоновой слободе Юрьевского уезда (5). По окончании курса Костромской духовной семинарии в 1847 году, (6) шесть лет служил учителем Одовского сельского училища Ветлужского уезда (ныне Шарьинский район Кост-

ромской области). (7) Здесь же обвенчан с дочерью дьякона местной Николаевской церкви Серафимой Платоновной. (8)

В феврале 1853 года Ф. Иорданский рукоположен священники Георгиевской церкви села Верхнемежского Кологривского уезда (ныне село Георгиевское - центр Межевского района Костромской области). Именно здесь произошли события, которые были неверно истолкованы упомянутыми краеведами. В священном сане начинается активная общественная деятельность молодого

пастыря. Первыми шагами о.Феоктисста стали: открытие церковной школы в собственном доме, образцовое совершение богослужений, чтение проповедей, забота о содержании храма. Все это высоко подняло его авторитет среди прихожан.

В 1861 году взбунтовалась группа межевских крестьян, недовольная предложенной правительством реформой и, особенно, действиями местного помещика Фигнера. Духовник округа, бывший свидетелем этого события, вспоминал (9):



«...Подпольными подстрекателями большая часть крестьян Георгиевского прихода была введена в заблуждение и возмущение против помещиков и сельских властей. Полицейские власти не смогли усмирить этого возмущения, которое обратилось затем в бунт; вызваны были губернские власти, в лице штаб-офицера и губернаторских чиновников, но они не смогли ничего сделать. Наконец, для усмирения была вызвана воинская команда. Но штаб-офицер жандармского управления, не желая прибегать пока к крутым мерам, вздумал использовать для усмирения мятежа еще средство – подействовать на крестьян силою убеждения духовного лица, и обратился к настоятелю прихода о командировании для убеждения крестьян священником; и вы, как младший священник были командированы для этой цели. Крестьяне, услышав слова своего любимого пастыря, хотя верили ему вполне, спросили «Правду ли ты, батюшка, говоришь нам?» Когда же, вы, указывая на крест церковный и крест в руках ваших, подтвердили этим правду своих слов, они все в один голос закричали: «Ну, тебе мы верим»; на эти слова вы им сказали: «Если вы мне верите, то вставайте все на колени и говорите, что виноваты», что они беспрекословно

исполнили. Это так поразило и обрадовало всех присутствовавших, что все в восхищении стали благодарить вас, о чем тогда же было донесено властям гражданским и духовным».

Можно критически отнестись к избранному способу изложения очевидца событий, но суть действий о.Феоктиста остается прежней. Сам он в своих воспоминаниях уточняет, что местом действия убедительной проповеди был господский дом Фигнеров, отстоящий от церкви на 4 версты(10). За содействие в усмирении бунта местных крестьян младший священник Георгиевского храма награжден набедренником(11), а в ноябре 1861 года переведен на место настоятеля Успенского собора г.Кологрива. Подобное повышение было бы невозможно при малейшем сомнении епархиального начальства в его благопристойном поведении во время крестьянского бунта.

Феоктист Иорданский оставил заметный след в истории Костромской епархии, города Кологрива и Кологривского уезда. В 1862 году он назначается благочинным Кологривского 3-го округа и законоучителем Кологривского уездного училища, членом тюремного отделения, депутатом от духовного ведомства в земских собраниях (с 1869 г.) и собрани-

ях уполномоченных Кологривской городской Думы.

Необходимо отметить, что в качестве гласного Кологривского уездного собрания, он очень смело критиковал действия местных чиновников и помещиков. Например, в 1884 году первый осудил дороговизну перевозок и многочисленные нарушения унженского паромщика Ф.Е. Крепиша.(12)

На каждом поприще деятельность Ф.Иорданского была заметна. При его ближайшем участии расширен и украшен Успенский собор, восстановлена Воскресенская церковь, спасен от сноса Макарьевский храм. Его назидательные проповеди и поучения считались образцовыми. Ф.Иорданский неоднократно назывался одним из лучших преподавателей Закона Божия в светских школах Костромской епархии.(13) Его усилиями (и в его доме) в январе 1884 года была открыта Кологривская церковноприходская школа, через 12 лет преобразованная в одноклассную женскую церковноприходскую школу.(14)

Высоко ценя памятники древности, Ф.Иорданский представил на суд читателей «Костромских епархиальных ведомостей» редкие историко-краеведческие публикации, до сих пор представляющие большой интерес для потомков. Достаточно упомянуть их на-



звания: «К 50-летнему юбилею освобождения крестьян от крепостной зависимости»(15), «Исторический храм в городе Кологриве»(16), «Исторический очерк Кологривской церковно-приходской школы (1884 - 1909 гг.)»(17) и «Речь на прочтении Высочайшего манифеста в ноябре 1905 года по облегчению положения крестьянского населения»(18). Феоктист Иорданский основал в 1907 году Кологривское церковно-приходское Богородице-Макарьевское братство, призванное заботиться о наиболее бедных лицах духовного звания, учениках церковных школ и помощи бедным других сословий.(19) Размер капитала, внесенный Иорданскими (Феоктистом, Серафимой Платоновной и Валентином Феоктистовичем) на эти цели в 1909 году превышал 3 тысячи рублей.(20) На проценты от этих капиталов были учреждены две стипендии и фонд помощи больным хроническими заболеваниями.(21) Даже капитал знаменитого Кологривского купца Д.Звонова, пожертвованный на деятельность братства составлял только 500 рублей.(22)

За время службы – 60 лет служения в священном сане и 66 лет педагогической деятельности, о.Ф.Иорданский был награжден всеми возможными для приходского пастыря церковными

наградами, начиная с набедренника и заканчивая палицей, а также светскими орденами: Анны III степени (1875 г.), Анны II степени (1886 г.), Владимира IV степени (с ним получил потомственное дворянство – Т.С.) и Владимира III степени (1903 год).(23)

Добросовестно исполнять многочисленные общественные обязанности Ф.Иорданскому было возможным ввиду того, что все домашние обязанности на себя брала его благочестивая супруга Серафима Платоновна. Известно, что в доме имелась прислуга, но большинство «огородных и домашних» дел (посадка овощей, прополка, огребание и т.п.) Серафима Платоновна до глубокой старости делала только сама(24).

До старости Ф.Иорданский сохранял прекрасное здоровье – читал и писал без очков, посещал храмы и ходил пешком по городу без посторонней помощи, сохранял живой интерес к общественной жизни города Кологрива. В одном из отчетов уездный наблюдатель церковноприходских школ писал: «Трогательно было слушать как хор из ста учениц Кологривской женской школы, под управлением старца-законоучителя прот. Иорданского пел «Воскресение Христова» в начале урока(25).

Феоктист Иорданский был отцом большого се-

мейства, состоящего из четырех сыновей и четырех дочерей. Все они получили прекрасное образование и воспитание, постоянно поддерживали теплые отношения с родителями. Старший сын служил учителем минного офицерского класса в Кронштадте, второй сын – инженером-технологом в Нижнем Новгороде(26). Дочь Анна (1860 г.р.) окончила Кологривскую прогимназию, вышла замуж за учителя г.Ряжска Н.Е.Сиверцева, перед 1-й мировой войной проживала в Вятке.

Наиболее известен в Кологриве Иоанн Феоктистович (1862 г.р.). Он окончил Костромскую духовную семинарию и Санкт-Петербургский императорский университет, восемь лет служил ординатором в Вятской земской больнице(27). С 1911 года постоянно проживал в Кологриве. Преподавал в женской и мужской гимназиях до 1918 года. С 1918 года работал врачом в Кологривской земской больнице. Умер 8 мая 1926 года(28).

Ольга Феоктистовна, 1863 г.р., окончила Кологривскую прогимназию с правом сельской учительницы(29). В 1879 году вышла замуж за выпускника Костромской духовной семинарии Иоанна Васильевича Богоявленского, определенного на службу священником в село Николо-Граф (ныне с.Никола Межевского района). В 1882



ИЗ ОТЧЕТА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОЛОГРИВСКОГО ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОГО БРАТСТВА ЗА 1911-1912 гг.

<...> Согласно Устава, Братство заботилось о существующей в гор. Кологриве женской церковно-приходской школе.

Для означенной цели в распоряжении правления имелся капитал в 100 руб., пожертвованный председателем Братства протоиереем Ф.И. Иорданским с тем, чтобы на проценты с него выдавалась Библия в награду на выпускном экзамене, с соответствующею о том надписью, лучшей и наиболее благоправной ученице Кологривской женской церковноприходской школы. В отчетном (1912) году Библию получила Стефанида Клепикова.

Кроме того, в самом начале деятельности Братства, а именно в первом своем заседании 1 ноября 1907 г., правление Братства приняло в свое заведывание капитал имени протоиерея Ф.И. Иорданского в 1000 руб. с специальным назначением, чтобы проценты с него шли на одежду и обувь беднейшим ученицам Кологривской женской церковноприходской школы.

<...> Собственно благотворительная деятельность Братства выразилась прежде всего в выдаче безвозвратных ежемесячных пособий «хроническим больным, лишенным средств к существованию» из процентов с капитала имени Валентина Феокистовича Иорданского - 4 % государственной ренты в 3500 руб.

* * *

Вторым видом благотворительной деятельности Братства была выдача единовременных безвозвратных пособий нуждающимся прихожанам к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи и на неотложные нужды просителей.

Все вышеуказанные единовременные безвозвратные пособия, на сумму 61 руб. 25 коп., выданы из общих братских средств.

В качестве тоже безвозвратного пособия выданы были проценты с капитала имени Людмилы Львовны Иорданской.

Капитал этот, в сумме 200 руб., внесен в апреле 1911 года пожизненным членом И.Ф. Иорданским с тем, чтобы проценты выдавались ежегодно вдовам, оставшимся с малолетними детьми, и чтобы выдавались они одновременно и при том одному лицу, по постановлению совета часовенных старост, утвержденному правлением Братства.

В предыдущие годы правлением Братства сравнительно в широких размерах производились разнообразные пособия как целым группам, так и отдельным крестьянам-домохозяевам, временно нуждающимся в деньгах для обзаведения рабочим скотом, для покупки земли, для посева, для стройки и других хозяйственных целей.

На этот именно предмет Братством предназначен был капитал в 500 рублей, завещанный покойным Д.М. Звоновым - «лицам всякого звания, впавшим в крайнюю нужду, но не нищенствующим».

* * *

Общее собрание Братства 10 июля 1911 года признало весьма желательным устройство братских обедов для нищих прихожан в день Успения Божией Матери и в праздники Рождества Христова и Св. Пасхи на средства, специально для этой цели собираемые членами Братства.

В отчетном году был устроен такой обед только в день Успения Божией Матери. Обедали 94 взрослых нищих и 18 призваемых детей. На обеде израсходовано всего 11 руб. 22 коп.<...>

Отчет Кологривского церковноприходского братства. К. 1913 г.

году он был переведен в Вокресенскую церковь города Кологрива, и семья переехала в Кологрив(30). Глава семьи оставил заметный след на ниве народного просвещения Кологривского уезда, являясь преподавателем Закона Божия в училищах Кологрива и в местной церковноприходской школе. Не случайно его труд отмечен орденом Анны III степени. Богоявленский вошел в историю Костромской епархии, как инициатор покупки и личной обработки земли сельскими пастырями(31). Служил он священником и после 1917 года. Семья Богоявленских проживала в Кологриве. Глава семейства был лишен избирательных прав как служитель культа(32).

Валентин Феокистович, 1867 г.р., окончил Костромскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, служил секретарем духовных консисторий в Курске и Петрозаводске.(33) Будучи тяжело больным, он завещал свой капитал 3500 рублей в пользу Кологривского церковноприходского братства.(34)

София Феокистовна, 1870 г.р., окончила Кологривскую прогимназию, вышла замуж за священника Николаевской церкви села Одоевского Н.А. Лебедева, проживала в упомянутом селе. Вера Феокистовна, 1874 г.р., окончила Кологривскую прогимназию, вышла замуж за священника Солигаличского уезда Сергея Андреевича Воскресенского. В 1909 году, в



связи с переводом мужа священником Соборной Успенской церкви города Кологрива, семья Воскресенских переехала в Кологрив(35). Здесь они проживали в 2-этажном деревянном доме с большим приусадебным участком. Глава семьи в разные годы преподавал Закон Божий в окрестных сельских училищах (Вонюхском, Вокшеевском и Суховерховском), а также в Кологривской второклассной школе и Чижовском сельскохозяйственном училище.(36)

Феоктист Иоаннович Иорданский умер 14 июня 1914 года,(37) пережив двух своих старших сыновей. Большинство его потомков в двадцатые и тридцатые годы покинули пределы Кологривского уезда, за исключением детей и внуков Веры Феоктистовны Воскресенской. В памяти старожилов Кологрива, Мантурова, Неи еще остались их имена, носивших фамилии Воскресенских, Богоявленских, Румянцевых и многих других.

*Сергей ТОРОПОВ, краевед,
директор Мантуровского
краеведческого музея.*

Примечания:

1. ВОРОБЬЕВ Л.И. Разбуженная рамень. - Кострома, 1960. - С. 28-30.
БЕЛОРУКОВ Д.Ф. Деревни, города и села Костромского края. - Кострома, 2000.
2. Например. ГОЛУБЕВА Н. Страницы истории села Никола.// Новая жизнь № 8 от 10.01.
3. Межевскому району - 75. - Кострома; 2004. - С.4.

4. ГАКО (Государственный архив Костромской области), ф.130, оп.9, д.1897, л.5 об.

5. Пятидесятилетний юбилей священнического служения протоиерея Феоктиста Иорданского, настоятеля Кологривского Успенского собора.// Костромские епархиальные ведомости, №9, 1903. С.216.

6. Там же.

7.ГАКО, ф.130, оп.9, д.1873, л.5 об.

8.«Памяти доброй матушки». - Костромские епархиальные ведомости. №9-10, 1907. - С.369.

9. Редкий юбилей. - Кострома, 1913. - С.4.

10. Костромские епархиальные ведомости № 10 от 15 мая 1911 г. С.288-289.

11. Пятидесятилетний юбилей священнического служения протоиерея Феоктиста Иорданского, настоятеля Кологривского Успенского собора.// Костромские епархиальные ведомости №7 от 1 апреля 1903 г. - С.216.

12. Отчет о деятельности Кологривской уездной земской управы за 1884 год. - Кострома, 1885.

13. Редкий юбилей. - Кострома, 1913 - С.5

14. ИОРДАНСКИЙ Ф. Исторический очерк Кологривской церковноприходской женской школы в 25-летие её существования. - Костромские епархиальные ведомости № 1-2 от 15 января 1909 г. С.28-29.

15. Костромские епархиальные ведомости № 10 от 15 мая 1911 г. - С.288-289.

16. Костромские епархиальные ведомости № 9 от 1 мая 1911 г.- С.267 - 269.

17. Костромские епархиальные ведомости № 1-2 от 15 января 1909 г. - С.26.

18. Костромские епархиальные ведомости № 1 от 1 января 1906 г.- С.26.

19. Редкий юбилей. - Кострома, 1913. - С.19.

20. Второй год действия Кологривского церковноприходского братства. - Костромские епархиальные ведомости № 16 от 16 августа 1909 года. - С.529.

21. Второй год действия Кологривского церковноприходского братства. - Костромские епархиальные ведомости № 16 от 16 августа 1909 года. - С.529.

22. Второй год действия Кологривского церковноприходского братства. - Костромские епархиальные ведомости № 17 от 1 сентября 1909 года. - С.580.

23. ГАКО, ф.130, оп.9, д.1873, л. 6, об - 7.

24. «Памяти доброй матушки» - Костромские епархиальные ведомости №9-10, 1907 г - С.369.

25. Цит. Бердова О.В. Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XX - начала XX века. - Кострома, 2002. - С.117.

26. Памяти доброй матушки.//Костромские епархиальные ведомости № 9-10 1907 год. С.369.

27. ГАКО, ф.130, оп.9, д.1766, л.5 об.

28. Крестьянская правда № 38 от 12 мая 1926 года.

29. ГАКО, ф.130, оп.9, д. 1766 л., 10 об.

30. Там же.

31. БОГОЯВЛЕНСКИЙ И. К вопросу о церковных землях.//Костромские епархиальные ведомости № 21 за 1905 год. - С.663

32. Список лиц, лишенных избирательных прав по городу Кологриву. Крестьянская правда № 20 от 11 марта 1925 года.

33. Костромские епархиальные ведомости № 19 за 1898 г. - С.603.

Костромские епархиальные ведомости № 16 за 1909 год. - С.592.

34. Второй год действия Кологривского церковноприходского братства. - Костромские епархиальные ведомости № 16 от 16 августа 1909 года. - С.529.

35. ГАКО, ф.130, оп.9, д.1904, л. 8 об - 9.

36. Там же.

37. Костромские епархиальные ведомости № 13 от 1 июля 1914 года. - С.452

Имеет сообщит



Журнал иллюстрирован снимками с открыток Кологривского земства нач. XX в. из коллекции В.Новикова, а также фото из фондов Кологривского филиала ГУК КОИАМЗ "Ипатьевский монастырь", частных коллекций: В.Игнатьева, З.Осиповой, Р.Обухова, Э.Тимганова; фото В.Осипова, В.Яблокова, И.Шефченко, Т.Большаковой.

Всем сердечное спасибо!

ПЯТКИНЫ – КРЕСТНЫЕ ДЕТИ П.А. КАТЕНИНА

Пяткины – кологривские соседи по имению поэта и драматурга Павла Александровича Катенина, но если о других костромских его соседях: Толстых, Апухтиных или Жоховых – можно найти какую-либо информацию в печатных источниках, то о Пяткиных нет ни одной опубликованной страницы. Спрашивается: как же тогда мы вообще узнали о существовании представителей этого рода и их связях с поэтом? Отвечаем: из небольшого в пол-листа письменного свидетельства некоего Глеба Владимировича Пяткина, написавшего несколько десятилетий назад по просьбе сотрудников кологривского краеведческого музея свои лаконичные воспоминания. Приведем их полностью:

«Мой прадед Федор Пяткин, владелец Паломской волости, проживал в с. Паломе, был хорошо знаком с Катениным. Сын его, а мой дед, Вячеслав Федорович Пяткин, был крестником Катенина, который, по словам деда, его очень любил, и дед часто приезжал к нему в Шаево из Кологрива, где служил мировым посредником, а потом первым членом дворянской опеки. То, что мне рассказывал мой дед о Катенине,



Федор Михайлович Пяткин

я, к сожалению, не записывал. После смерти деда в 1908 году из его архива письма я передал в Пушкинское общество при Академии Наук – переплетенные письма Пушкина к Катенину, но они оказались копиями, а не подлинниками. Остальную часть архива разобрать мне не удалось, так как отпуска в 1013 году я не получил, а летом 1914 года был мобилизован на юго-западный фронт против австрийской армии. С 19-21 сентября находился на гражданской войне и, прибыв в Кологрив в 1921 году по демобилизации, в своем родном доме никаких остатков писем (архива) уже не нашел. Очень хорошо помню рассказ деда, как больной Катенин вызвал его в Шаево

и 23 мая 1853 года скончался у него на руках со словами: «Хорошо, Славушка, умирать весной...» (1).

Мы, сотрудники Костромского музея-заповедника, познакомились с этим документом во время катенинской экспедиции 1992 года и, конечно, заинтересовались автором. К сожалению, его уже не было в живых, а рассказы его земляков были скупы и отрывочны: пенсионер, прежде работал учителем рисования в школе, жил один, потомства не оставил, умер в 1970-х годах.

Спустя несколько лет в Государственном архиве Костромской области мне попало несколько архивных документов, связанных с родом кологривских дворян Пяткиных, проливших свет на судьбы некоторых представителей этой фамилии. Дел этих немного, поэтому полученная картина истории рода неполна и требует доработки, тем не менее, вставленная в контекст катенинской биографии, она может кое-что подсказать исследователю или, по крайней мере, направить на дальнейшие разыскания.

Дворянский род Пяткиных был официально оформлен в конце XVIII века,

хотя проситель – прапорщик Михайло Гаврилов сын Пяткин в прошении своем прописывал, что предки его были дворяне и правом дворянским пользовались, но доказывать об оном не желал. Вступая в 1781 году в военную службу, он дослужился в оной до обер-офицерского чина и по определению дворянского собрания, состоявшегося 24 января 1793 года, внесен во вторую часть дворянской родословной книги кологривской губернии по кологривской округе. После отставки Михаил Гаврилович Пяткин осел в своей усадьбе Княжево и, к большому удивлению, а местами и возмущению соседей-помещиков, взял в жены крестьянскую девку Авдотью Ивонтьеву, предварительно дав ей вольную. Бог подарил им семерых детей – двух дочерей и семерых сыновей, из которых нам наиболее интересен старший – Федор Михайлович, поскольку именно о нем писал в начале воспоминаний Глеб Владимирович Пяткин: «Мой прадед Федор Пяткин, владелец Паломской волости, проживал в с. Паломе и был хорошо знаком с Катениным...»

Оказывается, Федор Михайлович Пяткин родился в 1794 году (то есть был на два года моложе поэта). С детства состоял в военной службе: сперва в дворянском полку кадетом, а позднее в составе симбирско-

го пехотного полка. Участвовал в войне 1812 года и в заграничных походах. В 1813 году восемнадцатилетним прапорщиком был при осаде и взятии крепости Модлин. Известно, что наполеоновские войска при отступлении за р. Рейн завладели рядом крепостей в Герцогстве Варшавском и в Германии. Кстати, в их числе была и небезызвестная костромичам крепость Глогау. Модлин являлась сильнейшей крепостью и находилась в Мазовецкой губернии Царства Польского. Ее гарнизон составлял 6000 человек: французов, поляков и литовцев. В ней царил голод и поварные болезни, поскольку большой запас провизии, заготовленной еще в 1812 году, от небрежного присмотра пришел в негодность. Осаду держал блокадный корпус Паскевича и часть войск Бенигсена, позднее отбывшие в Богемии и замененные девяти тысячным ополчением под начальством генерал-лейтенанта Клейнмихеля. Ему и сдался комендант Модлина с оставшимся в живых трех тысячным гарнизоном. Это произошло 1-го декабря 1813 года.

После этих событий Федор Михайлович Пяткин еще три года прослужил в полку и затем уволился со службы поручиком 27 января 1817 года.

Возвратясь на родину, он женился на Прасковье Алексеевне (девичью фами-

лию которой пока установить не удалось) и поступил на штатскую службу в кологривский уездный суд – дворянским заседателем. (2)

В 1821 году в кологривский уезд приезжает отставной полковник П.А. Катенин для ввода в имение Шаево, доставшееся по разделу с братом после смерти их матери – Доротеи Андреевны Катениной, урожденной Пурпур, гречанки по национальности.

Павлу Александровичу отошла усадьба Шаево с рядом деревень и с винным заводом.хлопоты по оформлению наследства требовали контактов со многими уездными чиновниками, а этикет – представления всем соседям, кологривским помещикам. К этому времени, вероятно, следует отнести знакомство Катенина с дворянским заседателем Федором Михайловичем Пяткиным, хотя прямого упоминания об этом в письмах поэта мы не находим. Тем не менее есть косвенные свидетельства о кологривских знакомствах молодого отставного гвардейского офицера. В письме к другу Н.И. Бахтину Катенин пишет:

«Не думаете ли Вы, что кологривский городничий, исправник и т.д. были забавны, а я с ними обязан... проводить время». (3) В этих строках явно присутствуют нотки снобизма.

«Страх хочется возвратиться в Петербург, – жалуется он приятелю в другом

послании, – но прежде заключения винных контрактов мне нельзя в путь пуститься, а когда они будут, бог весть, да Виц-Губернатор». (4)

Действительно, по законодательству «винокурение на заводе могло быть производимо токмо... когда заводчик заключит в Казенной палате контракт на поставку спирта или хлебного вина в казенные магазины», иначе винокуренный завод опечатывается казенными печатями так, чтобы на оном не могло быть винокурения». (5)

Надо сказать, что Павел Александрович принял винодельческую эстафету от своих родителей. В областном костромском архиве хранится дело с просьбой г. Катенина о возвращении винных бочек от откупщика Верховского, датированное 1803 годом. В нем Александр Федорович Катенин (отец поэта) жалуется костромскому губернатору: «По заключенному контракту в костромской казенной палате поставляю я в г. Соль Галицкую вино в казну. Доставя в прошлом году все должное количество в бочках, требовал оных обратно, но не получил в возврат». (6)

После смерти Александра Федоровича, пришедшейся на 1808 год, шаевской заводчицей стала его вдова Дарья Андреевна, которая имела даже неприятности в 1814 году из-за недодачи

спиртного в казну. А после ее кончины шаевским винным заводчиком становится ее сын Павел.

После 1822 года, будучи высланным из столицы и пребывая два с половиной года в Кологривском имении, он уже всерьез занимается хозяйством, что, впрочем, не приносит ему большого удовлетворения:

«Я не в пору прошлым летом вздумал купить имение, – информирует он Бахтина письмом от 6 декабря 1823 года, – надеясь осенью получить выгодную поставку вина; вместо того новый министр финансов поставил такую цену, что и брать в убыток». (7) Зато во время многочисленных праздников хозяин не испытывал затруднений с напитками. «В день моих именин 29 июня, – пишет он Бахтину, – было в моем приходе освящение новой церкви, дом мой захлебнулся гостями, все они прожили у меня дня четыре, потом я должен был их провожать». (8) Как видим, поэт нашел общий язык с местным населением, и Федор Михайлович Пяткин наверняка уже попал в число приятелей Павла Александровича, поскольку в этом же 1824 году поэт становится крестным отцом старшего сына Федора Михайловича – Александра Федоровича Пяткина. Это предполагало духовное родство, которое невозможно между малознакомыми людьми. Сближению Кате-

нина и Пяткина способствовало то, что оба они были ровесниками и офицерами, а также соседями-помещиками, что давало достаточный выбор тем при общении. Брак Федора Михайловича Пяткина с Прасковьей Алексеевной, судя по дате рождения первенца, был совершен в 1823 году, и не исключено присутствие поэта на брачной церемонии, поскольку, судя по хронике его жизни, он почти весь этот год провел в Кологривском уезде и лишь в конце его уехал к князю Голицыну в Ростов.

Близость усадеб также содействовала их частым встречам. Жена Федора Михайловича владела древней Куликово Паломской волости, у самого Пяткина было Княжево, дошедшее к нему от родителей, и до катенинского Шаева было рукой подать.

Но с 1825 по 1827 год поэт пребывал в Петербурге, где пытался поставить на театральной сцене свою новую трагедию «Андромаха». Это предприятие он осуществил, хотя пьеса успеха не имела. После прощальной вечеринки в кругу друзей, на которой присутствовал и А.С. Пушкин, Павел Александрович выехал на родину. Возвратившись в Кологрив, где перед отъездом он выстроил себе дом, он застал Федора Пяткина уже в новом качестве – на должности кологривского винного



пристава. Иметь своего человека на этом месте для Катенина, частного винного заводчика, не всегда умещавшегося в жесткие рамки закона, было очень удобно, ведь винный пристав осуществлял строгий надзор над работой частных винокуров, ища беспорядки и злоупотребления, о которых должен был доносить казенной палате, что было чревато последствиями. Свой же человек не заложит, сделает послабление...

О положении винодельческих дел поэта мы узнаем из его письма Бахтину от 10 сентября 1827 года: «Дела мои все в плохом положении, хотя уже есть надежда к поправлению: на 1829 год взяли мне поставки в казну 14000 ведер вина по 2 р. 10 коп., но поскольку они не выдают трети денег, то намерен я с ними еще поторговаться. Завод мой обветшал, надобно строить новый». (9)

На скорое исполнение этого плана подтолкнули Катенина неприятности, происшедшие на его заводе, о которых он сообщал Бахтину 9 января 1828 года: «Настали вдруг такие морозы, что подумать страшно... дым вверх не шел, и все работники половину тела ознобили, а другую обожгли: о жизнь человеческая!» (10)

Инцидент этот по понятным причинам последствий не имел.

Однако у Павла Александровича появились и другие неприятности, которым он пока не придавал значения, – это все растущая зависимость его организма от спиртного, очень заметная со стороны и обыгранная Пушкиным в его ответе П.А. Катенину на присылку стихотворения «Старая быль», кончавшемся словами:

*Останься ты в строях
Парнаса,
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья
пожинай...*

Между тем Катенин, не замечая опасности, делал ей навстречу новые шаги: «Строю новую винокурню, – сообщает он Бахтину 16 октября 1829 года, – работы что при осаде крепости, и все конца не вижу, а весь конец, что буду курить вино по семи ведер с четверти ржи и что я могу получить несколько тысяч рублей барыша».

По окончании же строительства винного завода, проводя набор новых работников, поэт философски замечает: «Рабочие нанимаются на винокурню по 20-ти рублей бумажками, сверх харчей. Вопрос: чем же они в состоянии заплатить подати и налоги свои?» (11)

Хлопоты по строительству завода, вопросы по новому режиму его работы, условия нового контракта с

казной могли ли состояться без участия кологривского винного пристава? И вполне закономерно, что при рождении очередного ребенка – сына Вячеслава – в 1830 году П.А. Катенин вновь приглашен Федором Михайловичем Пяткиным на роль крестного отца.

С 1832 года П.А. Катенин почти на шесть лет покидает Костромские края и вместе с Эриванским карабинерным полком пребывает на Кавказе до 1836 года, после чего назначается комендантом крепости Кизляр, места, славящегося своими виноградными садами и превосходными винами.

После военных трудов, на досуге, когда гарнизон отдыхал, комендант занимался поэзией или встречал дорогих гостей. К нему в Кизляр приезжали двоюродный брат Александр Андреевич Катенин, свояк Михаил Юрьевич Лермонтов, брат А.С. Пушкина – Лев Сергеевич Пушкин, от которого Катенин узнал о трагической дуэли и гибели своего друга поэта А.С. Пушкина.

Погибшему другу посвятил П.А. Катенин написанную в Кизляре поэму «Сафо». В ней ясно видятся греческие реминисценции и опоэтизирование праздничных обрядов древних эллинов, украшавших пиршественные чаши виноградными лозами:



*Но Сафы дом шумит
от пира:
Толпы усердные рабов
Разносят брашна вокруг
столов;
Звонит кимвал, играет
лира,
Две плясеи в венках из роз
Бьют в землю мерными
стопами;
Сок благовонный
кипрских лоз
Из чаши серебряной ковшами
В золотые кубки девы льют
И, потчужа гостей, поют:*

*Гости! Увейте
Чаши свои,
Весело пейте
Жизни струи.*

*Мир скоротечный
Неги пиров
Радости вечной
Равен богов!*

Земной рай в Кизляре, сочетая музы и вино, и пытался создать поэт. Разумеется, это смущало начальство, и, по энергичному выражению А.Ф. Писемского, «ему дали генерал-майора и в отставку прогнали».

О последних годах Катенина, проведенных в Костромской губернии, мы узнаем из романа Писемского «Люди сороковых годов» и «Моих семидесятилетних воспоминаний» Н.П. Макарова. Последний писал о Катенине:

«...кончил этот гений красноречия в неизвестности, в глуши, забытый всеми и даже под конец своей

жизни потерявший к себе уважение у своих деревенских соседей: он сделался пьяницей, впал в сальности, в грязь и в такие цинические эксцентричности, что его все стали обегать, как зачумленного или одержимого опасною манией. Тем более трогательна забота 23-летнего крестного сына поэта – Вячеслава Федоровича Пяткина, ухаживающего за разбившимся на лошадях после очередного праздничного загула и умиравшего Катенина: «Хорошо, Славушка, умирать весной...» (12).

И отец Вячеслава – Федор Михайлович Пяткин – ненадолго пережил приятеля. Точная дата его смерти пока неизвестна, но уже в 1855 году кологривским винным приставом числится не он, а его сын Вячеслав Федорович, а в ревизских сказках за 1858 год Федор Михайлович уже значится покойным.

Еще при жизни крестного отца, в 1851 году, Вячеслав Пяткин женился на Прасковье Васильевне Ладыженской и впоследствии от нее имел детей: Владимира, Веру, Николая и Надежду... Карьера его была достаточно скромной: он дослужился лишь до чина коллежского асессора и, как свидетельствовал его внук, стал мировым посредником, а затем служил в дворянской опеке, где в 1870-х годах служил и его старший сын Владимир Вячеславо-

вич Пяткин – отец Глеба, переехавший позднее в Петербург вместе с семьей: женой Софьей Платоновной и детьми: Глебом, Борисом, Всеволодом и Евгением. Глеб родился в Петербурге, а учился в Гатчинском императора Николая I-го институте. (13) О дальнейшей судьбе его документы не сообщают, но часть сведений заключена в уже цитируемых воспоминаниях. Как учитель рисования, Глеб Владимирович должен был оставить художественное наследство, и действительно, в Кологривском музее есть несколько живописных работ художника.

*Е.В. САПРЫГИНА,
краевед.*

Примечания:

1. Воспоминания Г.В. Пяткина могли быть заказаны ему кологривским обществом краеведения, в котором автор записки состоял в 20-х годах XX века (См. Отчет кологривского общества краеведения за 1927 год).
2. ГАКО. Ф. 122. Оп. 2. Д. 8. С. 86.
3. «Русская старина». 1910. № 4. С. 129.
4. Там же. С. 181.
5. Свод законов Российской империи. СПб. 1827. С. 443.
6. ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 2161. Л. 1.
7. «Русская старина» 1910. № 10. С. 73.
8. «Русская старина» 1911. Т. 146. Ч. 2. С. 169.
9. Там же. С. 602.
10. П.А. Катенин. Размышления и разборы. М. 1981. С. 273.
11. «Русская старина». 1911. Т. 147. С. 155.
12. Н.П. Макаров. Мои семидесятилетние воспоминания. Ч. 1. СПб. 1881.
13. ГАКО. Ф. 121. Т. 2. Д. 8331.



ПРОФЕССОР ЕШЕВСКИЙ

В ревизских сказках середины XIX века по Кологривскому уезду Костромской губернии встречаются имена супругов Ешевских, и сразу на ум приходит известный дореволюционный историк Степан Васильевич Ешевский, преподаватель древней и средней истории в Казанском и Московском университетах, автор ряда исторических трудов. Однофамильцы они или родственники? Попробуем разобраться в этом вопросе.

В ревизской сказке от 24 октября 1850 года говорится, что коллежский ассессор Василий Иванович Ешевский владел в Костромской губернии Кологривского уезда сельцом Шоргутово с шестью мужского и пятью женского пола душами дворовых и крестьян.

По списку населенных мест Костромской губернии деревня Шоргутово располагается при речке Черной, в десяти верстах от уездного города Кологрива (ныне входит в состав Ильинского сельсовета Кологривского района).

Владелец Шоргутова, Василий Иванович Ешевский, происходил из приказных Московской губернии. Дворянство получил благодаря военной службе, в которой состоял с 1814 по 1826 год. С 1815 года он служил в татар-



ском уланском полку, последовательно получая чины: в 1813 году – поручика, в 1823 – старшего адъютанта первой драгунской дивизии, в 1826 году – капитана.

Еще будучи адъютантом, он женился на дворянке Александре Васильевне Перфильевой, кологривской помещице и получил в приданое за нею сельцо Шоргутово. В 1823 году у Ешевских рождается первый ребенок – дочь Наталья, но Василий Иванович не бросает службу, и лишь в 1826 году, когда его жена ждала уже второго ребенка, он выходит в отставку в чине капитана, решив посвятить себя семье и требующей заботы недвижимости.

Жена его к тому времени получила от своих родите-

лей деревню Малышино с девятью мужского пола и пятью женского пола душами (ныне входит в состав Чежемского сельсовета Кологривского района), и оба имения требовали присутствия хозяина. А семья понемногу разрасталась: наконец 6-го февраля 1829 года рождается долгожданный сын Степан – будущий историк, крестным отцом которого становится Г.И. Невельской.

Шли годы... Ешевский обзавелся широким кругом знакомств, и окружающие его дворяне, оценив трудолюбие и честность Василия Ивановича, в 1832 году избрали его кологривским уездным судьей. Эта должность была очень ответ-

ственна, ведь часто от судьбы зависело не только решение дворянских проблем, но порой и сама их жизнь. Семья Ешевского к тому времени значительно разрослась: в 1837 году родился сын Василий, в 1842 - дочь Варвара, в 1846 - Сергей.

Александра Васильевна усердно занималась их воспитанием. Старшие заметно подросли. Степан после окончания Кологривского уездного училища поступает в Костромскую мужскую гимназию, но, успешно проучившись в ней два года, переводится в Нижегородскую гимназию, там жили родственники отца. Он приехал в Нижний Новгород на тринадцатом году жизни, и на этом костромской период его жизни окончился. Далее юноша учится в

Казанском, а затем в Московском университетах, где слушает лучших профессоров того времени: Кудрявцева, Грановского и Соловьева. А позднее сам преподает в них древнюю и среднюю историю. В 1858 году министерство образования утвердило его профессором Московского университета. А на следующий год пришло его трехлетняя поездка по Европе: Ешевский посетил Германию, Италию, Швейцарию, Францию, слушая лекции в университетах, повышая свое образование.

Однако здоровье молодого профессора серьезно беспокоило его самого и его близких. Летом 1862 года Ешевского постиг первый удар паралича; едва оправившись, он опять едет за границу, но срочно

возвращается и 25 мая 1865 года умирает на тридцать шестом году жизни. Сочинения его изданы в 1870 году посмертно, с прибавлением его биографии.

Кологривская земля должна гордиться своим уроженцем, оставившим заметный след в отечественной истории.

А вышеуказанные поместья его родителей перешли к его братьям, а затем и детям братьев, принадлежа фамилии Ешевских до самой революции.

Е.В. САПРЫГИНА

Примечания

1. ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 645. Л. 89.
2. ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 126. Л. 56 об.
3. ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 645. Л. 96.
4. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон. Биографии. Т. 5. М. 1994. С. 95.

Ешевский Степан Васильевич (1829-65) - русский ученый-историк, профессор всеобщей истории Казанского (1855-57), затем Московского (1858-65) университетов. Ученик и преемник Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева по кафедре всеобщей истории Московского университета. Наряду с изучением поздней римской истории и раннего средневековья Ешевский занимался русской историей, археологией и этнографией. Рабо-

ты Ешевского отличались широким привлечением первоисточников, данных археологии, этнографии и антропологии, ясной и живой формой изложения. По инициативе Ешевского были созданы этнографические музеи в Казани и Москве. Ешевский не вышел из рамок идеалистической трактовки истории, но тем не менее выступал против реакционных шовинистических теорий зарубежных ученых. Основные работы Ешевского: «Аполлина-

рий Синодий» (1855, магистерская диссертация), «Центр Римского мира и его провинции» (1866, посмертно), «Эпоха переселения народов и Каролинги», «Очерк царствования Елизаветы Петровны» (1857) и др.

Соч.: Е.: Сочинения, ч. 1-3. М. 1870; Сочинения по русской истории. М. 1900.

БСЭ. Изд. II, т. 15, стр. 570.

«КОРОЛЬ АКВАРЕЛИ»

Уездный город Кологрив называли в свое время городом учебных заведений. Здесь была не только приходская школа, но и уездное земское училище, высшее начальное училище, старейшее в губернии сельскохозяйственное техническое училище имени Ф.В. Чижиова, мужская и женская гимназии. После революции прибавились педагогический техникум, фельдшерское училище, межрайонная школа глухонемых, несколько общеобразовательных школ, библиотеки, музыкальная школа. Во время войны сюда был эвакуирован Московский институт землеустройства.

Но главная ценность - это единственное тогда в Союзе и теперь в России собрание картин «короля акварели», выпускника Петербургской Академии художеств, основателя Кологривского музея Геннадия Александровича Ладыженского.

2003 год - это 150-летний юбилей знаменитого художника. Родился он 23 января (по старому стилю) 1853 года в Кологриве, в семье мелкого отставного чиновника Александра Никаноровича Ладыженского.

Ладыженские - старинный дворянский род, известный в России с XIV века и ведущий свое происхождение от шведского дворя-



Портрет художника Г.А.Ладыженского. Худ. Н.Д.Кузнецов.
Из фондов музея.

нина Облашни (по некоторым источникам Облагини). Этот Облагиня, приехавший в Московское княжество в 1375 году и поступивший на службу к Дмитрию Донскому, стал родоначальником дворянского рода Ладыженских.

Ладыженские разъехались по всей России, образовав самостоятельные ветви в Калужской, Саратовской, Тамбовской, Тверской, Нижегородской, Тульской, Ярославской, Костромской, Псковской, Рязанской, Астраханской губерниях. Костромские Ладыженские впервые упоминаются в связи с нашими землями в середине XVII века. Тогда они получили в вотчину

Парфентьевскую волость, затем вотчины в Судайской, Кадынской, Унженской осядах.

Первое упоминание о кологривских Ладыженских относится к 70-м годам XVIII века, когда среди кологривских землевладельцев упоминается Александр Иванович Ладыженский (владелец д. Бакшеево) и Наталья Ивановна Ладыженская (д. Бажин Починок). Упоминается Пелагея Ивановна Ладыженская, вдова копииста из дворян, которая в 1882 году купила 6 душ крестьян из усадьбы Логутиха и перевела их в деревню Бураково (между с. Архангельским и д. Черменино). В 1840 году эти крестьяне были проданы помещице Ларионовой. У Пелагеи Ивановны был сын, губернский секретарь Петр Ладыженский. Были ли это родственники или предки Геннадия Александровича - пока неясно. Его дед Никанор Ладыженский служил канцеляристом в казенном учреждении, бабушка Олимпиада Федоровна происходила из дворян Солигаличского уезда. Земли в Архангельской волости, куда входила дер. Бураково, принадлежали Ладыженским вплоть до 1917 года. Отец Геннадия Александровича Александр Никанорович, по воспоминаниям Петра Ни-



колаевича Смирнова, был волостным писарем в Архангельской волости (село Михаила Архангела около Черменина). В 60-е годы в бывшем здании волостного управления располагался интернат Черменинской школы. А Ольга Александровна Ладыженская вспоминает, что он был и губернским секретарем.

Впоследствии Александр Никанорович занялся коммерческой деятельностью, все последние годы занимался торговлей. И жену взял не из дворян, а из семьи кологривских купцов, породнившись с богатым и многочисленным купеческим родом Невзоровых. Супругой его была Екатерина Мефодьевна Невзорова. У них было трое детей: Иван, Елена и Геннадий.

Многие знают портрет Геннадия Александровича кисти И. Крамского. Когда он приехал в Петербург, ему было восемнадцать. Бледное лицо, взлохмаченные волосы, светлая бородка, упрямо сжатый рот и пристальный взгляд - это юный Ладыженский. Таким он поступил вначале вольноприходящим учеником по архитектуре, а потом попросил совет Академии о разрешении держать экзамены для поступления в ученики. Он писал: «Вольнослушателем быть не могу, потому что не имею средств внести плату за годовое обучение». Отец Геннадия, человек крутого характера, был не-

доволен выбором сына и потому оставил его без средств. В 1871 году Геннадий жалуется, что находится в «страшно крайнем положении» и «должен теперь почти что умереть с голоду», а в январе 1872 года снова пишет о своем «безвыходном положении» и о том, что он «существует впроголодь». Его товарищ по Академии Г. Сластьон вспоминает, что Ладыженский жил вместе с ним в так называемой «литейно-дворской казенке» и спал на холодном грязном полу, а «с ним спала для теплоты его собачка Дианка». Трудные были годы...

Но Геннадий Ладыженский вынес все житейские испытания и с отличием

закончил Академию художеств. Все его последующие годы были заполнены работой, иступленной, неистовой, вдохновенной. Он создал сотни картин, воспитал десятки учеников, среди которых в первую очередь можно назвать известных живописцев Бродского и Грекова. Большую роль в становлении его как художника сыграли знаменитые Шишкин, Крамской, Клодт, Костанди и многие другие художники, а также личные знакомства с академическими профессорами, частые беседы в среде художников с известными литераторами Д. Григоровичем, Д. Стахеевым, театральными деятелями, со многими из них у него за-



Сестры Ладыженские. Фото 1934 г.

вязалась дружеская переписка. Не оставлял без внимания и поэзию, ему полюбили стихи украинского кобзаря Тараса Шевченко. За 10 лет, проведенных в Петербурге, Ладыженский стал профессиональным художником. Уже тогда у него зародилась страсть к собирательству. Но осуществить свою мечту он смог только тогда, когда жил и работал в Одессе. По ходатайству Академии наук он получил назначение на должность преподавателя рисования в Одесское реальное училище и в начале 1882 года переехал на юг, и с тех пор его жизнь и творчество надолго оказались связанными с судьбами украинского изобразительного искусства. Геннадий Александрович не ограничивал свою деятельность только уроками. Все свои силы он отдавал любимому искусству. В 1899 году он организовал выставку своих картин в Одесской гимназии с тем, чтобы доход от нее пошел в пользу нуждающихся учеников.

Помимо местных выставок изредка экспонировал свои картины в Петербурге: то в Академии, то в обществе русских акварелистов, то в Товариществе художников. Потом был большой перерыв. Возможно, много времени отнимало у него воспитание племянников, которых одинокий художник взял к себе в Одессу после смерти старшего брата. Как

раз в эти годы у него сильно развилась страсть к коллекционированию. В свободные от работы часы он посещал антикварные лавки, бывал на знаменитых одесских базарах, приобретал картины и рисунки выдающихся художников, пополнял все растущую коллекцию сабель, мечей, пороховниц, ружей, монет, пищалей, мушкетов и вообще всякой старины: ваз, кувшинов, самоваров, ендов, музыкальных инструментов, платков, ковров. Геннадий Александрович не однажды предлагал местным властям, чтобы они построили специальное помещение для размещения его сокровищ, чтобы их могли видеть все. Но при жизни никто не заинтересовался его собранием.

В 1909 году в Одессе было организовано чествование Г.А. Ладыженского в связи с 25-летием его художественно-педагогической деятельности. А в следующем году ему было присвоено Почетное звание академика.

В 1914 году вышел в отставку и вернулся в родной Кологрив. Из своей богатой коллекции исторических и художественных памятников он ничего не оставил ни художественному училищу, где проработал около 30 лет, ни городскому музею изящных искусств, в устройстве которого принимал деятельное участие. На родине он намеревался продолжить художественную деятельность,

организовать музей. Но обстоятельства складывались неблагоприятно. Началась мировая война. Это произвело на него гнетущее впечатление. Большую свою коллекцию и многочисленные собственные произведения Геннадий Александрович разместил в специально для этого купленном здании в центре Кологрива. Это бывшее здание райпо, которое сгорело то ли от небрежности, то ли по чьему-то злему умыслу. В советское время на здании была мемориальная доска с текстом: «В этом доме провел последние годы жизни (1914-1916 гг.) художник-академик Геннадий Александрович Ладыженский (1853-1916 гг.)». А в музее долгое время в экспозиции стояло кресло, в котором умер художник.

Перед своей кончиной он написал завещание о передаче коллекции и картин родному городу. После смерти его коллекция послужила основанием для создания Кологривского краеведческого музея с большим и ценным художественным отделом. Большую роль в создании музея сыграли брат Геннадия Александровича Иван Александрович, который помогал пополнять коллекцию, купил ему дом в Кологриве, и его сын Николай Иванович, ставший первым директором музея.

Представители этой фамилии внесли немалый вклад



в развитие культуры России. Среди них были писатели, художники, музыканты. Эстафету приняла дочь Александра Ивановича, учителя математики, внучатая племянница академика Ладыженского Ольга Александровна. Она доктор физико-математических наук, много лет возглавляла лабораторию математической физики в Ленинградском институте, будучи членом-корреспондентом Академии, с 1991 года - академик Российской Академии наук, а также Академий Германии, Италии, США. Несмотря на свой солидный возраст, разменяв девятый десяток, она продолжала ежегодно выезжать в научные команди-

ровки в другие страны. Например, в Америку, где посетила научные центры и выступила с докладами. Несмотря на загруженность, поддерживала всегда связь с родиной до самой смерти.

В одном из писем Ольга Александровна сообщает, что ее сестры, Мария и Татьяна, живы, их дети и внуки трудятся. Одна из внучек Марии Александровны вышла замуж за шведа, родился правнук Илья, причем в Швеции, откуда ведет свое начало род Ладыженских.

* * *

С портрета на нас смотрит уже зрелый Геннадий Александрович (работа кисти Н.Д. Кузнецова), ему 41 год. Сильная лич-



Книга О.А.Ладыженской.

ность. Чувствуется внутреннее напряжение. Крупная голова, большой лоб, говорящий о недюжинном уме, и тот же пристальный, зоркий, всепроникающий взгляд.

Г.А. Ладыженский - это символ Кологрива. И будет правильно, если наш музей будет носить его имя. Такую задумку имеет глава районной администрации И.Т. Шевченко.

Во дворе музея покоится прах прекрасного живописца, «короля акварели», коллекционера Геннадия Александровича Ладыженского. Поклонимся этой могиле. И вспомним, что он оставил нам истинные сокровища.

*З.И. ОСИПОВА,
краевед.*



На излучине Унжи. О.А.Ладыженская, внучатая племянница художника, и А.Г.Громов. Фото 1979 г.



ЛЕДОВЫЙ КАПИТАН

*Не званье возвышает человека,
а званье возвышает человек.*

Джами

28 лет из 30, которые ходил по арктическим морям атомный ледокол «Ленин», на капитанском мостике стоял наш замечательный земляк Соколов Борис Макарович. А вообще-то он на атомоходе с первого дня его эксплуатации: первые два года ходил дублером прославленного полярного капитана Павла Пономарева, именем которого был назван мощный дизель-электроход.

Первый в мире атомоход «Ленин» был сдан в эксплуатацию в декабре 1959 года, а с 1961 года Соколов Б.М. - бессменный его капитан. Этот мощный атомоход, первенец атомной энергетики на морском транспорте СССР, имел 44 тыс. лошадиных сил. До него максимальная мощность ледокола была 10 тыс. л. с. Если обычный ледокол потреблял в сутки 200 т топлива, то атомоход «Ленин» - 240 граммов. За 30 лет - 26 навигаций. Проведено огромное количество судов, доставлены сотни тысяч тонн грузов. Он был своеобразным полигоном, где испытывалась всевозможная техника, решались научно-практические работы, связанные с эксплуатацией атом-

ных установок. Это открыло новую эпоху в судостроении и судоводительстве, явилось таким событием, которое в корне изменило взгляд на возможности северного мореплавания и освоение необозримого и безмерного русского Севера. Началась новая эра использования энергии атома в мирных целях. Аналогов этому атомоходу тогда еще не было в мире.

Первая арктическая экспедиция началась 19 августа 1960 года. Она длилась 3 месяца и 10 дней. За это время в тяжелых ледовых условиях атомоход провел через льды Карского моря и моря Лаптевых 92 судна. На

ледоколе были созданы все условия для работы и отдыха. Моряки жили в одноместных и двухместных комфортабельных каютах. В их распоряжении - столовая, салоны отдыха, библиотека с читальным залом, спортивный зал, сауна с бассейном. На вертолетной площадке можно было играть в настольный теннис и волейбол. Оборудованы прекрасные медицинские кабинеты, операционная комната, аптека.

Кологривская земля дала России полярного первопроходца, возглавившего большой коллектив ученых и моряков, которым впервые в истории довелось



Встреча с капитаном атомохода «Ленин» Б.М.Соколовым. Фото 1975 г.

прокладывать новые и еще небывалые дороги в русской Арктике.

Суда, как и люди, имеют свою судьбу. Атомоход “Ленин” был надежным и незаменимым судном для плавания в тяжелых арктических льдах, в условиях крутого и непредсказуемого климата Заполярья, в условиях полярной ночи.

Все 30 лет он неустанно крушил тяжелые льды, прокладывал дорогу другим судам. И при этом ни одного радиационно опасного инцидента, ни единого раза не допущено вреда людям и окружающей среде, ни один человек не заболел по профессиональному признаку. Капитан Соколов сумел сплотить и воспитать грамотный, высокоответственный коллектив. Экипаж постоянно обновлялся, опытные кадры десятками передавались на каждый новый атомный ледокол. Несмотря на это, сбоев в работе не было. В апреле 1974 года ледокол награжден орденом Ленина. Почетный работник морского флота, Почетный полярник Б.М. Соколов награжден орденами Ленина и Октябрьской революции, многими медалями. Ему присвоено звание “Лучший капитан морского флота”, а в 1981 году – звание Героя Социалистического Труда.

В декабре 1989 года в Мурманске проходили торжества в связи с тридцати-

летием атомного ледокола “Ленин”. Несмотря на то, что он полностью исправен и способен выйти в рейс, было решено дальше его не эксплуатировать, так как он отслужил свое и вышел на пенсию вместе со своим капитаном.

Бориса Макаровича возвышало не только его руководящее положение, но и его высокие моральные качества: простота, душевность, умение общаться с людьми, его открытость.

Я познакомилась с ним в 1967 году, когда он приезжал на родину. До сих пор бережно храню книгу “Мурманск” с его дарственной надписью и несколько открыток. От встреч с ним остались неизгладимые впечатления. Он притягивал к себе людей: высокий, статный, красивый, истинный россиянин по духу и внешнему виду, умный и строгий, он всегда был в центре внимания. Я бы сказала, что это личность высокой человеческой пробы.

Наши земляки, которым посчастливилось видеть, слышать Бориса Макаровича и общаться со знаменитым капитаном во время его приезда на родину в июле 1975 года, никогда не забудут эти встречи, где он рассказывал о любимой работе на атомоходе.

Родился Борис Макарович в д. Большая Каменка Ильинского сельсовета. У матери, Натальи Яковлев-

ны, был там хороший дом, где и появились на свет дочь Настя и сын Борис. Отец его, Макар Иванович, был хорошим плотником, краснодеревщиком, работал на отходных промыслах в Ленинграде, куда он и увез свою семью, когда Борис учился во 2 классе. В Ленинграде он окончил 6 классов. Началась Отечественная война. Вместе с матерью пришлось эвакуироваться на родину, жили они в д. Слеповское всю войну. Учился в Княжечереченской (Ильинской) школе, закончил Кологривскую среднюю школу.

Вспоминал, как каждое лето вместе с одноклассниками работал в колхозе: боронил, возил в поля навоз, рвал лен, сушил снопы. “А больше всех запомнилось, как на бычках мы возили зерно в кологривскую контору “Заготзерно”, - рассказывал он. – Вот идет, идет бык, вдруг ляжет посреди дороги. Такой упрямый! Мы его и хлещем, и уговариваем, и кричим, и плачем, а ему, будь он не ладен, все нипочем. Столько времени потеряем, а ведь надо вовремя приехать с зерном да еще домой вернуться”.

Вспоминал, как строили с мальчишками плоты и гоняли по Княжой. Родная Унжа и речка Княжая, затем Ленинград зародили мечту о море.

Поступил в Ленинградское Высшее Арктическое

морское училище имени адмирала Макарова на судоводительский факультет. Окончил в 1951 году и всю свою жизнь связал с морем.

В октябре 1999 года в связи со 115-м юбилеем Ильинской средней школы, где учился Соколов Б.М., в Мурманск, порт приписки атомохода, ездила Елена Федоровна Лебедева, работавшая тогда заведующей Кологривской библиотекой. Ее тепло принял наш прославленный зем-

ляк. Она пять дней жила в отдельной каюте, познакомилась с капитаном, воочию увидела ледокол, побывала на выставке, посвященной его истории. Был снят видеофильм, который вместе с альбомом о славном пути ледокола и его капитана подарен коллективу Ильинской школы.

Долгие годы работала на атомоходе Соколова Дина Васильевна, племянница Бориса Макаровича, ныне проживающая в Ко-

логриве. Ей есть о чем рассказать и вспомнить.

Много документальных материалов, фотографий, вещественных экспонатов хранится в нашем музее. В настоящее время атомный ледокол "Ленин" - музей, а Б.М. Соколов - его директор.

З.И. ОСИПОВА.



Кологривское уездное земское собрание. 21 сентября 1910 г.

ПАВЛОВЫ

Родом я из Вонюха, где в 30-е годы был колхоз “Догнать и перегнать”. На фоне колхозов имени Ленина, им. Сталина, им. Молотова, им. Жданова, им. Кирова, им. Чкалова, им. Орджоникидзе название колхоза выглядело так же (интересно, кто был автором этого названия?), как и название нашей деревни. Оба невольно вызывают улыбку, а у некоторых смех, в лучшем случае, недоумение.

Но что есть, то есть. Жила в нашей деревне трудолюбивая крестьянская семья Павловых. Глава ее, Григорий Васильевич, супруга Екатерина Степановна и их дети: Дмитрий и Мария. Дмитрий стал профессиональным военным. В 1914 году воевал с Германией, в 1920 г. сражался с бандами Махно на Южном фронте, в 1923 году – Туркестанский фронт, в 1929 г. участвовал в военном конфликте на КВЖД в Китае, в 1936-37 гг. воевал с фашистами в Испании, в 1939-40 гг. участвовал в войне против Финляндии. Награжден многими правительственными наградами: двумя орденами Красного Знамени, грамотой ВЦИК и золотыми часами, двумя орденами Ленина, 21 июня 1937 г. ему присвоили высокое звание Героя Советского Союза, 12 декабря 1937 года он был

избран депутатом Верховного Совета СССР, а в марте 1939 года – кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Вот тогда, когда Д.Г. Павлов был в зените славы, колхозники написали ходатайство о переименовании деревни и колхоза. Осенью 1937 г. колхоз “Догнать и перегнать” был переименован в колхоз им. Павлова Д.Г., а название деревни оставили без изменения, т.к. только что прошла всеюжная перепись.

А как же сложилась судьба его семьи? Об этом мы знаем очень мало. Родственники не афишировали свое родство с Павловыми, помалкивали об этом, а некоторые уничтожали те немногие фотографии, где они были, или замазывали их лица. Боялись. Даже колхоз, у которого отобрали имя Павлова в 1941 г., почти не упоминается в печати, в разных рапортах о достижениях колхозников в годы Великой Отечественной войны, о их беспримерном трудовом подвиге в тылу.

А рассказать и вспомнить есть о чем.

Мать героя, Екатерина Степановна Павлова, была звеньевой льноводческого звена, которое работало не за страх, а за совесть, добивалось высоких урожаев льносемена и сдавало лен

самым высоким номером. Я училась в Вонюховской начальной школе и помню, как мы собирали для этого звена золу, куриный помет, как приглашали Екатерину Степановну на свои пионерские сборы и повязывали ей красный галстук.

Да вот и фотография у меня есть, где это звено вместе со звеньевой (в центре) и председателем колхоза Горбачевым Павлом Яковлевичем (это отец Смирновой Нины Павловны).

До начала войны семья Павлова жила в Минске, а как только начались боевые действия, жена Александра Федоровна вместе с сыном Борисом, 12-летней дочерью Адой и матерью Клавдией Михайловной Кузнецовой были эвакуированы в Кологрив. Здесь они жили по адресу: ул. Трефолева, 8, в двухэтажном доме, что находится рядом с почтой.

Я помню, как дедушка Григорий привел к нам свою внучку Аду, чтобы мы вместе играли, чтобы она была в коллективе своих сверстниц. Мы ходили купаться на Барскую мельницу, собирали там ракушки, чертовы пальцы, а потом собирали цветы, плели венки, бегали по лугам...

А события разворачивались трагически. 30 июня

1941 года Павлов Д.Г. был отстранен от командования Западным особым военным округом. 22 июля 1941 года Военная коллегия Верховного суда приговорила лишить Павлова (а также Климовских, Григорьевых, Коробкова) военных званий и подвергнуть расстрелу с конфискацией всего лично принадлежавшего им имущества. В этот же день приговор был приведен в исполнение во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке.

Родителей Павлова арестовали 20 августа и из Кологрива перевезли в Горький. 1 октября 1941 года

военный трибунал войск НКВД Горьковской области приговорил их к ссылке в Красноярский край сроком на пять лет. Оба старика поселились в д. Денисово Дзержинского района Красноярского края. Тяжелый быт, изнурительное для души подозрение свели их обоих в могилу в чужой земле. Екатерина Степановна умерла в 1943 году, а Григорий Васильевич – в 1944 году. В 1954 году Павловых реабилитировали.

Нельзя равнодушно вспоминать об этом. Какие это враги народа? Малограмотные крестьяне-бедняки, они не могли даже платить

за учебу сына. Дмитрий после двухклассного сельского училища поступил в Спасо-Красногорское лесное училище, но через два месяца был уволен “за невзнос платы за учение и недостачу обмундирования”. Екатерина Степановна нигде не бывала, кроме своей деревни и Кологрива, поезда не видывала, писем не писала, а в приговоре написали, что она знала о готовящейся измене сына.

В день ареста у родителей Павлова конфисковали самовар, чугунок, часы-ходики, сундук, галоши резиновые, кофту ситцевую, 40 кг ржаной муки, 15 пудов



Львоводческое звено им. Д.Г.Павлова. Звеньевая Екатерина Степановна Павлова сидит четвертая в 1-м ряду (слева направо). Фото нач. 40-х гг.

сена, двух кур и т.д. Повезли их на телеге в сопровождении милиционера.

У жены Александры Федоровны изъяли и конфисковали все вещи: часы ручные золотые с золотым браслетом, ружья охотничьи, фотоаппарат, золотые запонки, хрустальную и фарфоровую посуду, мужское меховое пальто, шаль дамскую и другие вещи, всего в описи значится шестьсот с лишним предметов (дело № 973 в архиве Костромского КГП).

В кологривском магазине, где раньше были “Детские товары”, а теперь магазин Гусева, продавцом работал младший брат известного старожилы Качалова Петра Андреевича. Там были торги конфискованного у Павловой А.Ф. имущества. Б.Т. Широков вспоминает, что он запомнил красивый красный патефон английского производства, оцененный в 200 рублей, и пластинки с песнями Петра Лещенко в его исполнении. На патефоне и на пластинках была изображена большая белая собака.

Сын Борис так и не сумел закончить среднюю школу, его “институтом” был лесоповал. Среднее образование он получил уже после реабилитации в вечерней школе, работая в Минске на заводе. Дочь Аду мать сумела отправить к своей сестре в Свердловск, где Ада под чужой фамилией училась в школе и в инсти-

туте, получая “сталинскую стипендию”.

Александра Федоровна вспоминала, что самые трудные и горькие беды были после освобождения из ссылки и до официальной реабилитации 31 июля 1957 года.

“В ссылке-то все были “враги”, все понимали, какие мы “враги народа”, помогали друг другу, поддерживали морально, а вот как освободилась, не могла на работу устроиться. Только устроюсь, узнают, что я жена “врага народа”, обязательно найдут какой-нибудь предлог, чтобы уволить. Очень тяжело было и материально, и главное – морально”.

“А с квартирой помог маршал Конев. Поехали мы с Адой в Москву, разыскали Конева, рассказали ему обо всем, он нам помог получить квартиру в Минске, где мы сейчас и живем”.

Александра Федоровна приезжала в Кологрив, была в нашем музее, ездили мы с ней в деревню Павлово.

11 июля 1966 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР “О переименовании деревень” деревня Вонюх была переименована в деревню Павлово.

В деревне были на зернотоке во время работы. Женщины узнали Александру Федоровну, всплакнули, побывали на месте, где был дом Павловых, прошли по деревне. Я попросила Алек-

сандру Федоровну встретиться со школьниками, с комсомольцами, пионерами, но она деликатно отказалась.

После этой встречи мы с ней переписывались, она поздравляла меня с каждым праздником – Новым годом, 8 Марта, 1 Мая, Октябрьской. Письма были краткие, тем более открытки.

Вот некоторые выдержки из писем:

Январь 1970 года.

“...Не откажите ответить на ряд моих вопросов. Как здравствует Воробьева Галина Ивановна? Я на музей отправила книгу “Под знаменем Испанской республики”, но она не сообщила мне, получила ли она ее. В этом году вышли из печати книги: “Война и революция в Испании 1936-1939 гг.”, том первый, перевод с испанского, где Павлов тоже упоминается и есть его снимок. А еще книга маршала Мерецкова “На службе народу”, издательство политической литературы, где Мерецков очень тепло отзывается о Павлове и даже защищает его от некоторых нападок, стр. 146, 150, 201. И еще он в некоторых местах упоминает Павлова. У меня недавно был переводчик-адъютант Павлова по Испании. Он приезжал сюда в Минск с какой-то иностранной делегацией и, узнав мой адрес, навестил меня и рассказал многое, как Павлов воевал в Испа-

нии, и сообщил, что на испанском языке есть книга, автор Листер, где тоже пишет о Павлове”. Далее она просит сообщить ей о Павлове Николае Петровиче (это двоюродный брат Дмитрия Григорьевича).

В 1972 году она сообщает, что живет в Москве с внучкой (дочерью Ады), которая поступила на I курс консерватории – факультет фортепиано.

В 1976 году Александра Федоровна сообщает, что ей уже 75, жалуется, что сильно болят ноги. В 1977 году: “Ада получила диплом доктора наук. Я вожусь с правнуком”. В 1978 году: “...слепну, плохо вижу, хожу еле-еле..., правнуку 1,5 года”.

Милая Александра Федоровна, столько пережила!

В августе 1988 года мы организовали встречу земляков в д. Вонюх. Приеха-

ло из разных городов и краев 34 человека, и из нашего района было 55 человек. Жена и дети Д.Г. Павлова не сумели приехать, дочь прислала открытку, но некоторые родственники присутствовали, например, Голубева А.В. с сыном и снохой приехали на своей машине из Московской области, из нашего района были Павлов Ю.М. – шофер колхоза им. Ленина, Хорькова В.С. – бывший бригадир колхоза им. Ленина, впоследствии работала в колхозе “Родина” и жила в д. Судилово.

Ада Дмитриевна пишет: Май 1989 года. “...Наверное, у каждого человека есть какие-то огорчения, но от них надо абстрагироваться. В любом случае жизнь сама по себе, даже с ее постоянными бытовыми заботами, ... несравнима по

ценности с сопровождающим нас дискомфортом. Надо оберегать себя от отрицательных эмоций. Желаю Вам постоянной бодрости и молодости духа! Пусть никогда не покидает Вас желание быть красивой, милой женщиной! и т.д.”

Последнее письмо от Ады Дмитриевны было 26 октября 1997 года. “Тяжело обращаться к прошлому,” – пишет она. Прошлое до сих пор отзывается в ее сердце. Сколько терпения, мужества и стойкости надо иметь, чтобы перенести все невзгоды и потрясения, которые тяжелым бременем легли на семью Героя Советского Союза генерала Павлова.

История не вознаграждает тех, кто страдает, и не наказывает тех, кто творит зло.

З.И. ОСИПОВА.

История в документах

ДЕЛО ГЕНЕРАЛА ПАВЛОВА

ПИСЬМО ПАВЛОВА Д. Г. РОДИТЕЛЯМ, НАПИСАННОЕ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ИСПАНИИ

30 июня 1937 г.

Здравствуйте, старики!

Вернулся благополучно. Партия и правительство за проявленное мной героичество присвоили мне звание Героя Советского Союза.

Сейчас, после возвращения с курорта, буду работать на новом месте. Пока

не пишете. Адрес пришлю через месяц. Посылаю карточку для вас и одну для моей сестры Марии.

Будьте здоровы. На курорт еду с семьей. Вступили ли вы в колхоз? Мне не нравится, если не вступили. Если возможность будет, заеду побывать.

Привет всем.

Имю 2 ордена Ленина и 2 орд. Красной Звезды.

Ну, будьте здоровы.

Ваш Дмитрий.

30.6.37.

ЦДНИКО, ф.Р-3656, оп. 2, д. 321, л. 24. Подлинник.

ПИСЬМО ПАВЛОВОЙ А. Ф., ЖЕНЫ ПАВЛОВА Д.Г.

16 августа 1941 г.

Евгения Васильевна!

Что случилось с моим мужем? Я ничего не знаю. Умоляю сообщите, жив он или нет? Но только правду! Лучше горькая правда, чем красивая ложь.

Еще раз прошу. Посылала две телеграммы и не получила ответа. Была удивлена. Еще раз прошу ответить.

С прив. А. Ф.

Адрес прошу так:

г. Кологрив Горьков. обл. Гороно Бухгалтеру Широкову от Зеленской.

Это условный адрес. И Ваш ответ попадет ко мне в руки. Я работаю у него. Только всю правду. А. Ф.

16/VIII-41 г.

ЦДНИКО, ф.Р-3656, оп. 2, д. 321, л. 103. Подлинник.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ УНКВД ПО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА АРЕСТ ПАВЛОВА Г. В.

20 августа 1941 года

(...) Павлов Г. В., зная о готовящейся измене Родине со стороны сына Павлова Дмитрия Григорьевича, не сообщил об этом органам Советской власти, в результате чего Павлов Д. Г. перешел на сторону врага с целью борьбы против Советской власти, тем самым совершил преступление (...), а поэтому (...) Павлова Григория Васильевича подвергнуть аресту и обыску.

Нач. следотделения КРО УНКВД. Подпись.

«Согласен»: начальник КРО УНКВД Горькобл. Подпись.

ЦДНИКО, ф.Р-3656, оп. 2, д. 321, л. 3. Подлинник.

Примечание: Аналогичные постановления были оформлены: на Павлову Екатерину Степановну - мать Павлова Д. Г., его жену Павлову Александру Федоровну, сына Павлова Бориса Дмитриевича и мать жены Кузнецову Клавдию Михайловну.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПАВЛОВОЙ А. Ф.

26 августа 1941 года

(...) Вопрос: Когда Вы последний раз видели своего мужа? Ответ: Последний раз я видела Павлова 3 июля в Москве, где я оставилась при эвакуации из Минска в Кологрив. Виделась я с ним одни сутки, после чего, простившись со мной, он поехал на фронт. С этого момента я больше его не видела.

Протокол записан правильно с моих слов и мне прочитан.

Павлова.

Допрос начат в 14 часов. Окончен в 16ч.

Следователь КРО УНКВД. Подпись.

ЦДНИКО, ф.Р-3656, оп. 2, д. 321, л. 76 об. Подлинник.

ИЗ ПРОТОКОЛА ПОВТОРНОГО ДОПРОСА ПАВЛОВОЙ А. Ф.

11 сентября 1941 года

Вопрос: Вам предъявлено обвинение (...). Признаете себя в этом виновной?

Ответ: В предъявленном мне обвинении виновной себя признаю - я действительно являюсь женой Павлова Дмитрия Григорьевича, с которым проживала вместе с 1923 года. Кроме нас в семье с нами жили моя мать Кузнецова Клавдия Михайловна и двое моих детей: Борис 17 лет и дочь Ада 11 лет (...).

Вопрос: Что Вам было известно об измене, совершенной Вашим мужем Павловым Дм. Григ.?

Ответ: Об этом мне абсолютно ничего не было известно. Что случилось с моим мужем Павловым Д. Г. и как он попал в изменники Родины, я сказать затрудняюсь. У меня никак не укладывается в мыслях, чтобы он совершил что-либо подобное. Я его почти не видела в кругу своей семьи, так как он все свое время отдавал службе. (...) Протокол записан правильно с моих слов и мной прочитан.

Павлова.

Следователь 3-го отдел. КРО УНКВД. Подпись

ЦДНИКО, ф.Р-3656, оп. 2, д. 321, л. 80. Подлинник.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПАВЛОВА Г. В., ПАВЛОВОЙ Е. С., ПАВЛОВОЙ А. Ф., ПАВЛОВА Б. Д., КУЗНЕЦОВОЙ К. М.

15 сентября 1941 года

(...) Управлением НКВД по Горьковской области арестованы 21 августа 1941 г. как члены семьи изменника родины Павлова Дмитрия Григорьевича. - Павлов Г. В., Павлова Е. С., Павлова А.Ф., Павлов Б. Д., Кузнецова К. М.

Расследованием установлено, что все вышеуказанные лица являются близкими родственниками Павлова Дмитрия Григорьевича, а именно:

Павлова Александра Федоровна - жена, Павлов Борис Дмитриевич - сын, Кузнецова Клавдия Михайловна - мать жены. Все находи-

лись на его иждивении и проживали в единой семье.

Павлов Григорий Васильевич и Павлова Екатерина Степановна являются родителями изменника. Проживали отдельно, имели с последним постоянную связь путем переписки и периодического пребывания друг у друга. Кроме того, Павлов Д. Г. своим родителям оказывал материальную помощь (...).

На основании изложенного обвиняются:

Павлов Григорий Васильевич, 1871 г. р., урож. д. Воных Кологривского района Горьк. области, происходит из крестьян-середняков, по социоложению колхозник, русский, б/п, образование низшее, ранее не судим.

До ареста работал лесохранником в колхозе.

Павлова Екатерина Степановна, 1874 г. р., ур. д. Воных Кологривского района Горьковской обл. Происходит из крестьян-бедняков. Русская, б/п, ранее не судима. До ареста работала звеньеводом в колхозе.

Павлова Александра Федоровна, 1901 г. рождения, урож. Ленских приисков - Сибирь, образование среднее, находилась на иждивении мужа.

Павлов Борис Дмитриевич, 1924 г. рождения, урож. г. Семипалатинска Казахской ССР, происходит из семьи военнослужащего, русский, учащийся спецшколы. Находился на иждивении родителей.

Кузнецова Клавдия Михайловна, 1875 г. рождения, урож. г. Тюмень, происходит

из мешан, русская, беспартийная. До ареста нигде не работала, находилась на иждивении зятя.

Все в том, что являлись членами семьи изменника родины Павлова Дмитрия Григорьевича (...).

Дело по обвинению Павлова Григория Васильевича, Павловой Екатерины Степановны, Павловой Александры Федоровны, Павлова Бориса Дмитриевича и Кузнецовой Клавдии Михайловны подлежит передаче прокурору для направления по подследности.

Следователь 3 отд-ния КРО УНКВД. Подпись.

«Согласен»: нач. 3 отд-ния КРО УНКВД. Подпись.

Нач. КРО УНКВД Горьк. области. Подпись.

Справка: обвиняемые Павлова А. Ф., Павлова Е. С., Кузнецова К. М., Павлов Г. В. и Павлов Б. Д. содержатся в Горьктюрьме. (...)

ЦДНИКО, ф. Р-3656, оп. 2, д. 321, лл. 109 - 111. Подлинник.

ИЗ ПРОТОКОЛА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ВОЙСК НКВД ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДЕЛУ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПАВЛОВА Г. В., ПАВЛОВОЙ Е. С., ПАВЛОВОЙ А. Ф., ПАВЛОВА Б. Д., КУЗНЕЦОВОЙ К. М.

1 октября 1941 года
(...) Военный трибунал войск НКВД Горьковской области в закрытом судебном заседании в гор. Горьком в помещении тюрьмы

города Горького (...) рассматривал дело (...) по обвинению граждан: Павлова Григория Васильевича, Павловой Екатерины Степановны, Павловой Александры Федоровны, Павлова Бориса Дмитриевича и Кузнецовой Клавдии Михайловны(...).

Судебное заседание открыто в 11 часов 10 минут.

На судебное заседание явились:

1. Обвиняемые: Павлов Григорий Васильевич, Павлова Екатерина Степановна, Павлова Александра Федоровна, Павлов Борис Дмитриевич и Кузнецова Клавдия Михайловна доставлены под конвоем.

2. Подсудимый Павлов Григорий Васильевич виновным себя (...) не признал.

Подсудимая Павлова Екатерина Степановна виновной себя (...) не признала. (...).

Показали:

(...) Подсудимый Павлов Борис Дмитриевич:

(...) В последний раз видел отца в Москве 2 июля 1941 г., когда он приезжал в командировку с фронта. Он при свидании со мной сказал, что как только попадет на фронт, примет командование танковыми частями и постарается разбить германского генерала Гудериана или он сам будет убит. Больше он ничего мне не говорил. (...)

В 13 часов 35 минут суд удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора.

В 15 часов 25 минут суд возвращается (...). Председательствующий огласил приговор (...).

Меру пресечения в отношении осужденных (...) - содержание под стражей - изменить на подписку о невыезде с постоянного места жительства.

В 15 часов 35 минут судебное заседание объявляется закрытым.

Председательствующий. Подпись.

Суд. секретарь. Подпись.

ЦДНИКО, ф.Р-3656, оп. 2, д. 321, лл. 126, 128, 129. Копия.

ИЗ ПРИГОВОРА ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ВОЙСК НКВД ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДЕЛУ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПАВЛОВА Г. В., ПАВЛОВОЙ Е. С., ПАВЛОВОЙ А. Ф., ПАВЛОВА Б. Д., КУЗНЕЦОВОЙ К. М.

1 октября 1941 года

Имнем Союза Советских Социалистических Республик 1941 года октября 1 дня. гор. Горький

Военный трибунал войск НКВД Горьковской области в закрытом судебном заседании, в помещении тюрьмы (...), рассмотрев дело (...) по обвинению семьи изменника родины Павлова Дмитрия Григорьевича (...)

Приговорил:

Павлова Григория Васильевича, Павлову Екатерину Степановну, Павлову Александру Федоровну, Павлова Бориса Дмитриевича и Кузнецову Клавдию Михайловну (...) лишить избирательных прав и выслать в Красноярский край сроком на пять (...)

Председательствующий.- Подпись.

Члены. Две подписи

ЦДНИКО, ф.Р-3656, оп. 2, л. 321, лл. 130, 131. Копия.

ПИСЬМО УНКВД ПО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ НАЧАЛЬНИКУ КОЛОГРИВСКОГО РАЙОННОГО ОТДЕЛА НКВД ОБ ОСУЖДЕНИИ ПАВЛОВЫХ И КУЗНЕЦОВОЙ К. М.

Приговором Военного трибунала войск НКВД по Горьковской области от 1 октября 1941 года (...) жители г. Кологрива и района Павлов Григорий Васильевич, Павлова Екатерина Степановна, Павлова Александра Федоровна, Павлов Борис Дмитриевич и Кузнецова Клавдия Михайловна как члены семьи изменника родины осуждены к лишению избирательных прав и высылке в Красноярский край сроком на 5 лет.

С получением сего отбегите у перечисленных лиц паспорта, выдайте им прилагаемые при сем удостоверения и предложите немедленно выехать из Кологривского р-на к месту ссылки в гор. Красноярск с явкой там в Управление НКВД, обязав их подписками о выезде.(...)

Начальник 1 спецотдела УНКВД Г/О. Подпись.

Начальник 2 отд. 1 спецотдела. Подпись.

ЦДНИКО, ф.Р-3656, оп. 2, д. 321, л. 161. Копия.

ПОДПИСКА ПАВЛОВОЙ А. Ф. ОБ УБЫТИИ К МЕСТУ ССЫЛКИ

22 декабря 1941 года

Я, нижеподписавшаяся, Павлова Александра Федоровна, 1901 г. рожд., проживающая: пос. Звоновка, 2 линия, д. 25, г. Кологрив, обязуюсь согласно объявленному мне приговору Военного трибунала войск НКВД Горьковской области от 1 октября 1941 г. выехать не позже 27 декабря 1941 г. к избранному мною месту жительства в гор. Красноярск, не позже 27 января 1942 года явиться для регистрации в 1 спецотдел УНКВД по Красноярскому краю. К месту ссылки обязуюсь следовать без остановок в пути. Об ответственности за нарушение настоящей подписки по ст. 82 УК РСФСР мне объявлено.

Личная подпись. Павлова

22 декабря 1941 г.

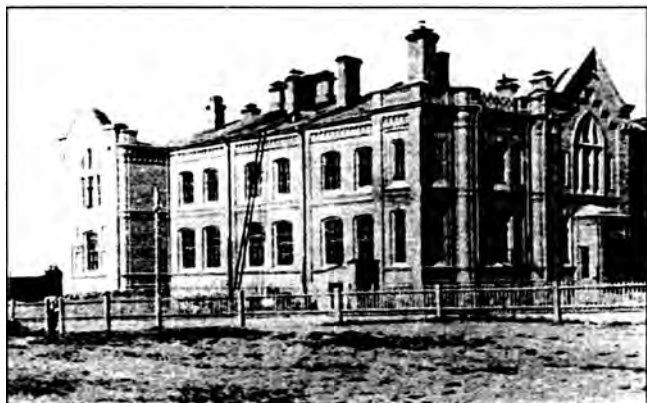
Подписку отобрал нач. Кологривского РО НКВД. Подпись.

Примечание: аналогичные подписки дали Павлов Г. В., Павлова Е. С., Павлов Б. Д., Кузнецова К. М.

ЦДНИКО, ф.Р-3656, оп. 2, д. 321, л. 168. Подлинник.

«Взгляд в прошлое». Сборник документов. Кострома. 2000.





Чижевское сельскохозяйственное училище. Нач. XX в.

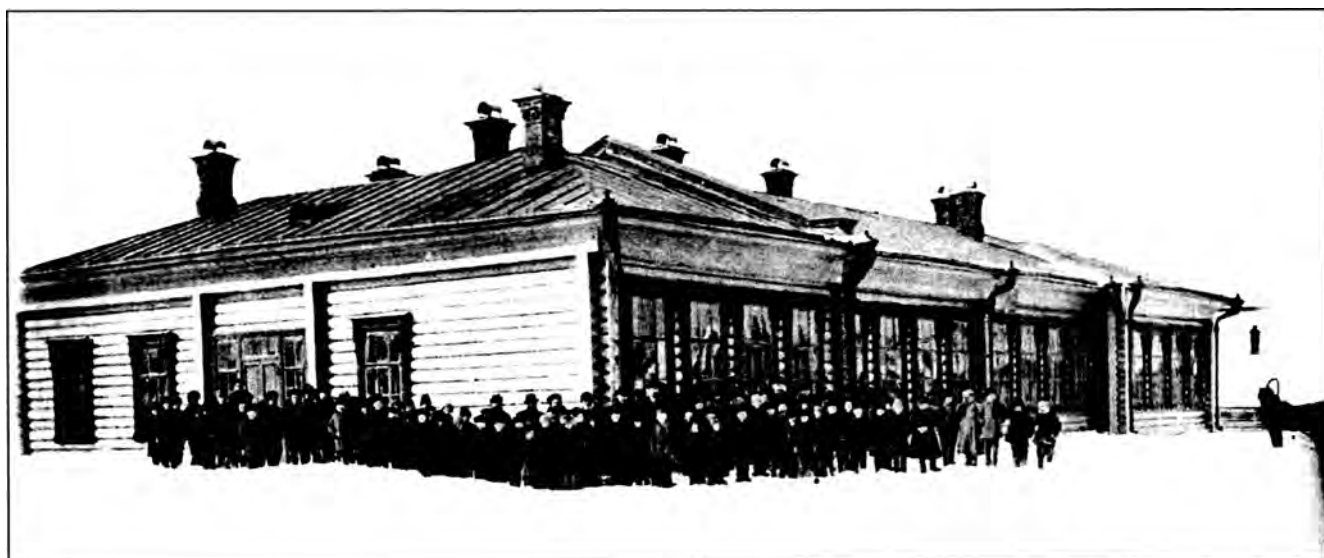
Общежитие мужской гимназии в Кологриве. Нач. XX в.



Ивановское училище. Нач. XX в.

Чежемское училище. Нач. XX в.

Уромское училище. Нач. XX в.



Мужское приходское училище. Нач. XX в.

В КОЛОТРИВСКОМ УЕЗДЕ



Мужская гимназия в Кологриве. Нач. XX в.



Вид на женскую гимназию. Нач. XX в.



Выпуск женской гимназии. Кологрив. Фото 1891 г.

Из фондов кологривского городничего

В Кологривское городничество кологривского соляного пристава поручика Венедиктова

объявление.

При приеме мною заслуженного жалования из Кологривского уездного казначейства, одного казначейства господином казначеем, секунд-майором Гарановым не отдано, незнаемо почему, денег двадцать четыре рубля сорок копеек. Необъявля законной причины.

А как единственное, оно происходит к личной моей обиде. По нижайшему прошу следовать закону, и доложить куда следует.

17 октября 1790 г.

Соляной пристав подпоручик Иван Венедиктов.

ГАКО, ф. 44, оп. 1, д. 5, л. 51. Подлинник.

В Кологривское городничество кологривского винного пристава подпоручика Салкова

объяснение.

Против поданной на меня, в оное городничество, от кологривского соляного пристава подпоручика Венедиктова. Якобы во взятии моем, самовольно, лошади его. В объяснение представить имею следующее. Лошадь его, Венедиктова я взял не самовольно, а с его слов. За взятие у меня им, Венедиктовым, миновавшего августа 25 числа

сего года в квартире уездного казначея Борисова, при Борисове и при поручике Якове Хлебникове, денег десяти рублей.

Того ради, Кологривское городничество прошу сие мое объяснение принять, и приобрести к оной просьбе.

18 октября 1790 г.

ГАКО, ф. 44, оп. 1, д. 5, л. 134. Подлинник.

Города Кологрива городничему из Кологривского нижнего суда.

сообщение.

Благоволите, ваше высокоблагородие, по причине учинившегося ныне в Кологривской округе, в селениях от Кологрива к городу Макарьеву вниз по реке Унже дороги. От Кологрива в 70 верстах скотского и конского падежа, взять надлежащую предосторожность. Для того чтоб никто на лошадях туда и оттуда не приезжал.

28 июня 1790 г.

Дворянский заседатель Василий Спадков.

ГАКО, ф. 44, оп. 1, д. 5, л. 69. Подлинник.

В Кологривское городничество кологривского уездного казначейства, канцеляриста Акинфа Попова, жены Марьи Степановой дочери.

покорнейшее объяснение.

Сего июля 7 числа, после полудни часу в пятом. я. именнованная, вместе с Кологрив-

ского казначейства присяжного Захара Дмитриева женой Анисьей Ивановой дочерью, сержантской вдовы Анисьи Григорьевой с дочерью Кимсковой пошла в поле, коров здешнего питейного дома, из коего вышла с имеющимся в руках дойником, того дома владельца, чухломского мещанина Василия Симановского, жена Марфа Тимофеевна, сказав мне чтоб я остановилась. А как подошла ко мне ближе, говорила: за что якобы я часто молоко у коровы их выдаиваю, и для того ее на двор свой загоняю. Этого де, добрая женщина не делает. И делая мне притом, своими словами, немалое поношение, а именно вышеописанный владелец Василий Симановский, а также из питейного того дома вышло почти пол улицы, и с превеликой азартностью закричав на меня, при частом употреблении всякой брани говорила. "Если бы де я тебя под оной коровой застала, то бы руки и ноги сломала начисто". Видя их на меня наглость, с кротостью им говорила, в причитании оной, "что я вашей коровы не токмо не доить, но и какая она не знаю". Они же не только в оное не верили, но еще свирепее на меня закричали.

И тем они меня безвинно оклеветали и обесчестили. В чем свидетельствует вышеописанная присяжного Дмитриева жена, Анисья Ивановна, как она остановясь со мной

же стояла, и все видела и слышала. Того ради, Кологривское городничество сим объявление покорнейше прошу, чтоб соблюдено было о вышеописанной мне обиде сделать законное удовольствие.

16 июня 1789 г.

ГАКО, ф. 44, оп. 1, д. 5, л. 128. Подлинник.

Правящему должность Кологривского городничего, дворянскому заседателю Пяткину.

По секрету. Из Кологривского уездного казначейства

сообщение.

На сообщение ваше от сего числа, присланное за №8, казначейство сие дает знать, что прописанная в нем ассигнация десяти рублевого достоинства за №46764-1825 года, в приходе в сие казначейство поступила сего марта 7 числа. Из вотчины господина князя Василия Петровича Голицына, от крестьянина деревни Жуево Григория Кириллова, в чем есть представ-

ленная за получение 320 рублей, во взносе коей он Кириллов своеручно расписался.

Казначей Грудчев.

ГАКО, ф. 44, оп. 2, д. 1, л. 25. Подлинник.

Протокол допроса

В присутствии Кологривского городнического правления, присланный из Кологривского Земского суда, Кологривской округи, вотчины господина князя Голицына, крестьянин деревни Жуево Григорий Кириллов. В следующем спрашиван и показал:

От роду имею 42 года, грамоту знаю, в штрафах и под судом не был.

Прошлого 1831 году, марта 7, числа действительно я в Кологривское уездное казначейство деньги в 320 рублей вносил, и во взносе оных своеручно расписался. И была ли в числе оных, 10 рублевого достоинства фальшивая ассигнация за №46764 от 1825 году, я по своей простоте не знаю. А если она подлинно была, то от кого из вотчины нашей ко

мне поступила, я за долго прошедшем временем припомнить не могу. Сам я, делать таковых ассигнаций не умею.

2 января 1832 г.

ГАКО, ф. 44, оп. 2, д. 1, л. 39. Подлинник.

Его превосходительству Костромскому гражданскому губернатору.

От Кологривского городничего.

Рапорт

Согласно вашего превосходительства ординару от апреля 16 числа за №2138, в коем предписано чтобы убедить вдову губернского секретаря Варвару Петрову, чтобы согласилась взять за квартиру в ее доме, предложенную под земский суд предложенную цену в 140 руб., вместо выпрошенных ныне 175 руб. А в противном случае поискать другую, удобную для помещения Кологривского земского суда. В исполнение предписания вашего превосходительства, убеждал я оную Петрову за прежнюю цену. Но она только сделала уступку в 10 руб. и согласилась взять 165 руб. А более здесь удобной квартиры для помещения земского суда, у желающих за означенную цену не оказалось. О чем вашему превосходительству доношу.

18 апреля 1821 г.

ГАКО, ф. 133, оп. 2, д. 1395, л. 5. Подлинник.

Подготовил Алексей
СЕЛИВЁРСТОВ



Центральная площадь г.Кологрива.



Сергиевская ярмарка

Сергиевская ярмарка ныне прошла в тихом настроении. Приезжих торговцев и покупателей было очень мало. По сообщениям местных торговцев, торговля была тихая; большее внимание покупатели уделяли предметам первой необходимости. Цены на все товары стояли крайне высокие; ржаная мука расценивалась от 3 руб. 60 коп. до 3 руб. 75 коп.; овес от 2 руб. 20 коп. до 2 руб. 40 коп. за пуд; коровье мясо – 45 коп., скоромное масло от 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 60 коп., масло постное 50 коп. за фунт, яйца по 55-65 коп. за десяток; капуста местного привоза по 20-30 коп. за кочан; курица от 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 60 коп. за штуку; сушеные грибы от 2 руб. до 4 руб. за фунт.

На конской ярмарке было приведено для продажи до 30 лошадей; цены на них копировались следующие: слабая рабочая лошадь 100-140 руб., средняя рабочая лошадь от 175 до 250 руб.

"Приунженский вестник", 1916.
28 сентября.

С возу вылетел баул

Село Солтаново. Частенько слышишь про "благосостояние" дорог в Кологривском уезде, а особенно славятся Ивановский волок и Николо-Поломский тракт, но наша дорога от

станции Неи до г. Унжи едва ли не побьет рекорд, где отважившийся ехать седок ничем не гарантирован от ушибов, вывихов и увечий.

На днях при перевозке почты со станции Неи в г. Унжу в одной из канав с возу вылетел кожаный баул средней величины (к счастью, пустой). Почтальон и ящик не заметили потери и продолжили свое ныряние из болотца в грязь.

Когда же баула хватились, то ящик поехал искать его, но баул исчез бесследно. Баул по приблизительной расценке стоит около 45 руб., и бедному почтальону придется сидеть целый месяц голодным вместе со своей семьей.

Сосед.
"Приунженский вестник", 1916,
12 октября.

Цены держатся высокие

Кологрив. Погода стоит сухая, холодная. Снегу нет. Рубка дров в лесах идет успешно, многие артели рабочих уже заканчивают рубку дров, выработав с излишками против договорных условий. Так же успешно идут в лесах и барочные работы по заготовке материалов для постройки судов. Вывозка лесных материалов на речные пристани идет вяло, причина этому – нет хорошего санного пути.

Настроение с лесными товарами весьма твердое. Спрос на лесные дачи со стороны иногородних покупателей продолжается беспрерывно. Цены растут с каждым днем. За последнее время усилился подвоз дров на базары для местного потребления, но цены пока держатся высокие: в розницу березовые дрова длиной 13-14 вершин продают по 18-20 руб. за сажень, возами 5 руб. – 5 руб. 50 коп.; смешанные продают по 14-16 руб. за сажень, 4 руб. 25 коп. – 5 руб. за воз.

П.С. Яговкиным продано Казанским лесопромышленникам, Сафронову и Орлову, одна барка-гусяна, длиной 40 саженей, шириной 21 аршин, постройки 1916-1917 годов за цену 7000 руб., со сдачею на воде с открытием навигации; пакля и гвозди со счета покупателей.

"Приунженский вестник", 1916,
7 декабря.

Собрание лесопромышленников и судовладельцев

Вследствие призыва к лесопромышленникам и судовладельцам в местном органе "Приунженский вестник" об организации в лесопромышленной деятельности Унженского района 26 февраля сего года в помещении земской управы состоялось предварительное собрание

лесопромышленников и судовладельцев Унженского края.

Н.И. Лебединский, открывая собрание, сказал следующую вступительную речь: “Прежде всего я должен сказать, что “в единении сила”. У нас в лесном деле назрел вопрос, и нам, господа лесопромышленники и судовладельцы, необходимо сговориться, объединиться, организовать, дабы сообща обсудить меры к упорядочению сплава судов и лесов, найма рабочих, о проездах и складах под лесные материалы, о взаимоотношениях с рабочими и пр., чтобы этим самым предотвратить все случайности и бедствия в лесопромышленной деятельности Унженского края, которые у нас встречаются на каждом шагу, а особенно за последнее время. Для нас всех, господа, памятен 1913 г., когда многие из нас, лесопромышленников, понесли громадные убытки вследствие нашей несплоченности и неорганизованности. В нынешнем году на Унже заготавливается значительное кол-во леса, дров и судов; правда, если взять более ранние довоенные года, то тогда заготавливалось лесных материалов и строилось судов более, но примите, господа, во внимание ту разницу, что в то время мы обладали значительным штатом

рабочих людей и не испытывали недостатка в рабочих руках, а в настоящее время с отливом массы рабочих людей на войну все же наша лесопромышленная деятельность сократилась против того времени в незначительных размерах, а что касается против прошлого года, то она даже значительно увеличилась...

<...> Н.И. Лебединский и др. высказываются за необходимость учредить в Кологриве свой союз лесопромышленников. Все собравшиеся высказываются за учреждение союза в Кологриве, и при том дополнили, что желательно, чтобы при Союзе была устроена и примирительная камера.

“Приунженский вестник”, 1917,
1 марта.

Об устройстве телефона и телеграфа

Докладчик Назаров обрисовал положение телеграфного и телефонного дел в уезде и указал, что на очереди стоит постройка телефонной линии из Кологрива в Парфеньев и Николо-Полому, а во вторую очередь из Кологрива на Межу.

По окончании прений принята следующая резолюция: 1) признать проведение

телефона необходимым во все волостные комитеты и приступить теперь же к проведению телефона по линии Кологрив – Парфеньев – Николо-Полома.

Принимая во внимание, что Межевской район идет навстречу проведению телефона материальными и денежными средствами, признать необходимым проведение телефона и на Межу.

По заявлениям волостных комитетов произвести пересмотр абонементов телефона и изменение телефонных станций в смысле их центральности.

2) По отношению костромского комиссара от 17 апреля с. г. № 1487 об открытии телеграфа в некоторых пунктах уезда принята резолюция: самым настоятельным образом поддерживать ходатайства о проведению телеграфа, в первую очередь в Крутец-Кологривский и Мантурово.

Принимая во внимание, что население Ильинско-Кологривского района Матвеевской волости идет навстречу материальными и денежными средствами, признать необходимым проведение телеграфа и в Ильинское.

“Приунженский вестник”, 1917,
30 апреля.

Подготовила
Марина
НЕДОМАРАЦКАЯ.

СПИСОК ДВОРЯН-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ КОЛОГРИВСКОГО УЕЗДА

1914 г.

Аншельсон Александр Аполлонович, кандидат прав.

Акимов Александр Алексеевич, пот. двор. – С.-Петербург.

Базилевский Дмитрий Александрович, пот. дворянин.

Бобринская Софья Алексеевна, графиня г. Тула.

Брант Василий Эммануилович, п. поч. гражд. – С.-Петербург, Мойка, 84.

Беляев Иван Антонович, личн. поч. гражд. – дер. Евдокимово.

Бышевский Петр Антонович, пот. дворянин – г. Макарьев.

Вознесенский Геннадий Васильевич, тит. советн. – г. Кологрив.

Волженская Екатерина Петровна, вдова подпоруч., пот. дворянка – г. Москва.

Годнева Вера Ивановна, жена ст. сов.

Григорьев Николай Николаевич, д. ст. сов. – г. Кологрив.

Долгоруков Павел Дмитриевич, князь.

Жемчужникова Ольга Михайловна, вдова надв. сов. – г. Кологрив.

Жемчужников Петр Петрович, надв. совет. – г. С.-Петербург.

Жохова Анна Михайловна, жена д. ст. сов. – г. Кострома.

Жохова Зинаида Васильевна, жена дворянина – г. Кологрив.

Жохов Леонид Гаврилович, дворян. – г. Кологрив.

Захарьин Владимир Александрович, пот. двор. – С.-Петербург.

Коленский Василий Николаевич, кол. советн. – г. Москва.

Корибут-Кубитович Павел Георгиевич, губ. секр. – г. Кологрив.

Ладыженская Екатерина Мефодьевна, вдова губ. секр. наслед. – г. Кологрив.

Ладыженский Геннадий Александрович, ст. сов. – г. Одесса.

Ладыженская Марья Николаевна, жена губ. секрет. – г. Кологрив.

Лебединский Николай Иванович, доктор философии, колл. ассес. – г. Кологрив.

Лебединская Варвара Алексеевна, дворянка – ус. Шевяки.

Левашев Михаил Николаевич, губерн. секр. – г. Кологрив.

Львов Георгий Евгеньевич, князь – гор. Тула.

Майер Павел Юлианович, ст. сов. – г. С.-Петербург.

Михайлов Николай Васильевич, потом. двор. – г. Ярославль.

Мукомольное т-во ст. сов. Якова Емельяновича Башкирова в Н.-Новгороде.

Облеухов Антон Дмитриевич, потом. двор. – г. Малоярославец.

Перфильева Марья Николаевна, вдова д. с.с. – г. Кологрив.

Постников Анатолий Дмитриевич, двор. ус. Безино.

Прутченко Сергей Михайлович, потом. двор. – г. С.-Петербург.

Прутченко Николай Михайлович, потом. двор. – г. Рига.

Поливанова Александра Константиновна, действ. ст. сов. наследн. – г. Кологрив.

Перфильев Николай Павлович, двор. – г. Кологрив.

Ратьков Геннадий Викторович, кол. ассесор – гор. Галич.

Радзишевская Александра Викторовна, дворянка – ус. Шаево, Паломской вол.

Свинцев Анатолий Иванович, д. ст. сов.

Троицкий Петр Иванович, ст. сов. – гор. Кинешма.

Флиге Николай Николаевич, ст. сов. – ус. Безнега, Ветлужск. у.

Фон-Ольдерогге Виктор Васильевич, ст. сов.

Фон-Реймерс Владимир Арнальдович, воен. инж., капит.

Шаховская-Глебова Стрешнева Евгения Федоровна, княгиня – г. Воронеж.

Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 г. - Кострома. 1914 г.



Ефим ЧЕСТНЯКОВ

КАК УЛЕТЕЛА ДЕРЕВНЯ

В "Губернском доме" уже печаталась глава из рукописного романа-сказки Ефима Честнякова "Стафий – король Тетеревиный", где рассказывалось о главном герое и его изобретении –

летучем корабле. Публикуем еще одну главу (16), которая навеивает грустные мысли о судьбе так называемых неперспективных, "улетевших" деревень. (Авторские орфография и пунктуация сохранены, примечания Р.Е. Обухова, старшего научного сотрудника Костромского художественного музея, исследователя творчества Е.В.Честнякова).

лечения Р.Е. Обухова, старшего научного сотрудника Костромского художественного музея, исследователя творчества Е.В.Честнякова).

Жила-была небольшая деревня... далеко от населенных мест... в лесу. Никто про нее не знал... и названья не имела. А мы назовем – Вискориха (от слова "выскорь" – пласт земли с корнями сваленного ветром дерева).

Никаких просеков около той деревни не было... и никто в ней не бывал. Так далеко в лес ни пешком не ходили, ни на лошади не ездили.

Не только дорог... и тропы из жила туда не было. Летом – всякие болота, зимой – глубокие снега.

И только немногие из Вискорихи, и редко, бывали в жиле. Они по заметкам проходили на лыжах и настом, и в жиле о своей деревне не сказывали. Да и в Вискорихе про жило не брякали. Они жилых, может, побаивались...

По преданию от старины их предки укрылись сюда от грабежей и разбоев, ког-

да была над Русью татарская власть, или в смутные времена.

И Вискориха хранила предания, обычаи, сказки и песни от старины и с прибавлением в духовную сокровищницу своего самобытного творчества, почитала их за святое.

И те, которые бывали в жиле и знали о городах, мало о том в Вискорихе разговаривали. Они оберегали родное от пороков и книжников, подобно как птица гнездышко.

Все необходимое в Вискорихе делали сами. У них вырабатывалась своя культура, изобретательность, оригинальная красота в вещах и словесности.

Близ деревни – соляной ключик. И соль вываривали сами. Деревня при речке.

В берегах – вроде железной руды красные комья земли с небольшим содержани-

ем железа. Из этой руды научились получать железо и выделяли необходимые вещи: сошники, топоры, косы, кочерги, хвататы.

Превосходно из глины обжигали горшки и всякую нужную посуду... И делали из дерева ковши, чашки, ведра, корыта. Из бересты и лыка – бураки, лапти, ступни. Из овечьей шерсти – валенки и сукно, из кожи – сапоги...

И сами делали даже стекла, толстые, не столь прозрачные, из песку с золой в нарочных глиняных-тиглях. А дров для плавки было достаточно.

На полдневной стороне деревни течет со свежей водой лесная речка. На другой стороне речки – леса: сосна, елка, осина, ольшаник... Деревня резными окошками глядит на полудень.

Избы с дворами... дровеники, погребушки, мякин-

ницы, соломенники, овины, бани... Все покрыто берестом, драницей и соломой... Бревна – толстые, окошки – маленькие, почти все волоковые – без косяков... в них цветные от солнышка стекла... или – пузыри (1)... Лишь в редких избушках слюда, сохранившаяся от первых поселившихся здесь предков.

Избы не все курные. Выскоревцы научились хорошо делать кирпичи и класть белые печи.

По склону речки разбросаны бани... они почти все без труб – курные, черные. В них по два маленьких окошечка: одно пониже – световое, другое повыше – дымовое... и затычка из худого тряпья торчит из окошечка или валяется на земле. У стены около баней – соломенный дрян и опарки-веники(2)...

Коло изб – черемухи, рябины, яблони... ягодные кусты малины, смородины... и угородцы по склону горы к речке, чтобы поливать было близко. В угородях растет: капуста, галань, лук, картофель, горох, лен...

* * *

В этот год лето было хорошее. Дождички перепали, и солнышко пригревало... И урожай был на все. Скоро с полей убрали и рано перелопатили и носили грибов-ягод.

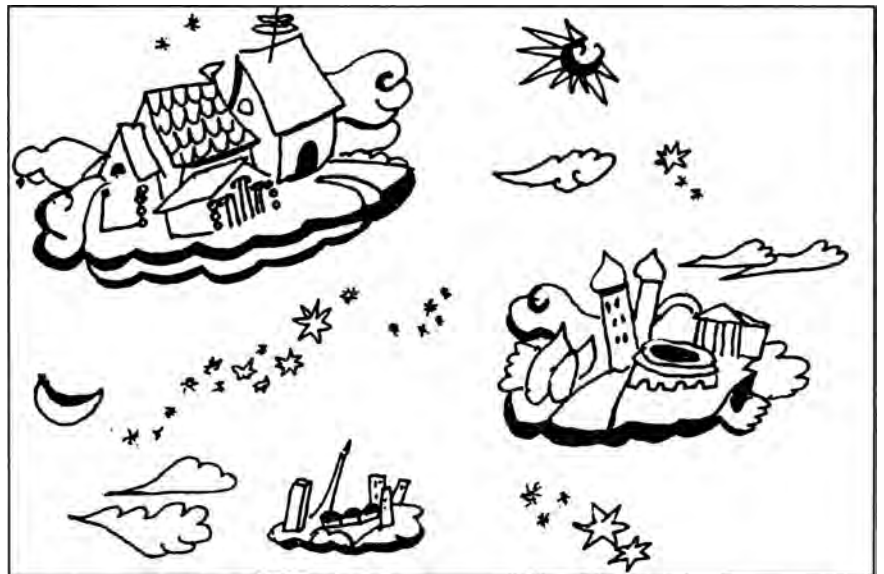
А впереди была еще целая осень... бабье лето.

Солнышко красит и пригревает, дождичек мочит... грибы растут... близехонько носят, солят и сушат, чтобы вдосталь вполне было... Стояла погода тихая теплая... ясные дни... Деревья наряжались... прощались с летом...

Но вот в один день случилось нечто необыкновенное. Слышат жители какие-то музыки и напевы... и не знают откуда. Всем казалось, это на небесах поют и играют... и не слышные явственно, но громко совсем, наполняют воздух звуки всяких музык и голосов.

И видят: летит... невдалеке от деревни... немного повыше лесу... похож на дом... гораздо больше избы с сараем... в разноцветных украшениях... в сияниях каких-то... и во сне такого не видали.

Пролетает дом дальше... и будто опускается на кулигах версты за три-четыре от деревни... или пролетел дальше...



Не могли выскоревцы решить то достоверно... Все стояли, как зачарованные, и долго не могли опомниться. Наконец, стали переговариваться, что это такое-де?

В деревне больше половины народу не было дома – ушли по грибы все, которые мало-малю справлялись с пестерем и лукошком.

Время идет... свечерело... и ночь... а грибников нет... не приходят.

На другой день рано утром пришли бабы, у которых дома были грудные детки... без грибов... безо всего... и в цветных нарядах... И сами стали ровно не такие... веселые какие-то... ровно в царстве каком побывали.

Взяли своих ребят и говорят: мы-де опять пойдем туды...

- Летучий дом остановился на наших кулигах... Пойдемте и вы... все равно не дождетесь, мотрите, своих... Всех там забавляют и

кормят хорошей едой... Варят и наши грибы... А нарядов наложены целые палаты.

Пошли эти бабы, и за ними часть народу отправились – няньки и мамки с детками малыми...

- Мотрите... не подвох ли какой? – говорили, которые постарше.

- Полно те... тут у них все позабудешь... Кабы ни наши ребята, и мы не пришли бы... Забыли мы все равно и не было дому...

И ушли. Долго поджидали их те, что остались дома, и, наконец, решились и сами идти.

Во всей деревне осталась только одна молодая девушка, невеста уже по летам. Она была хвора и выздоравливала... но едва ходила.

Приходят деревенские на кулиги...

Слышат – поют и играют чудные музыки. И видят: стоит среди луговины чудесный дом, а вокруг него, как табор цыган, выскоревский народ... сидят, разговаривают... и люди невиданные в красивых нарядах гуляют... с народом разговаривают... И народ ходит в ихний дом, осматривают, примеривают платья, наряды, любитесь устройством...

Подходят эти, которые после пришли... Их приветливо встречают, свои и приезжие... все рассказывают и показывают, что к чему... потчуют кушаньями.

И вот приглашают всех в дом занять места... Будет де

вроде как красный стол (3)... Входят, разговаривают... Столованье начинается. Кушанья как хороши! Поют, играют музыки так очаровательно, что забыли совсем про свое прежнее жило: больше-де нам ничего и не требуется... здесь бы и жить оставаться.

Тогда летучий дом поднимается и летит... И все в восторге...

Глядят сверху на свои кулиги... И полетели над лесом дальше и видят места пошли новые, незнакомые... Прощай, Выскорево!

Летучий дом был из такой богатой заморской страны, что самый бедный жил там, как царь все равно... во дворцах... И было у него всякое имение...

Населения было очень людно, но все ж не хватало для новых городов... Там города стоят так часто, как

наши деревни. А самые большие города сплошь покрывали землю верст на сто садами, купальнями, оранжереями... Да и в воздухе над городом висающие сады...

Когда прилетел летучий дом с выскоревцами в свою страну, там поселили их в новый город... И стали они жить в прекрасных домах во всем хорошем.

Вспомнили, что в деревне осталась хвора Одаря... Да ничего не поделаешь – далеко... Да и она поправлялась-де, говорят между собой, верно уж совсем оздоровела, а у нас там и хлеба, и добра всякого ей хватит надолго...

1. Пузыри – бычьи и коровьи желудки, растянутые до прозрачности.
2. Опарки-веники – банные веники, уже использованные в парилке.
3. Красный стол – праздничный стол.



Открытие детского культурно-просветительского центра имени Е.В.Честнякова в Костроме. Фото 2000 г.



«... И ВОСКРЕСИ ПУТИ В ИЗБАХ»

Главы о жизни шабловского праведника Ефима Честнякова.

Публикуется впервые

В мир Честнякова Ефима Васильевича каждый человек приходит в свое время или еще придет... Моя встреча состоялась позднее других, когда уже казалось, что на земных путях все важные встречи состоялись и осталось только «итожить то, что прожил, и рыться в днях, ярчайший где?».

Однако открылся вдруг заповедный честняковский мир. И на входах в него стояли люди разные, они не охраняли входы и не были

завывалами, но делали эти входы видимыми зрячим сердцам.

Это были люди крупные и знаменитые, как Виктор Игнатьев, Вячеслав Шапошников, Савва Ямщиков, и незаметные; так, например, у калитки в поэтический сад Ефима Честнякова совершал свои бдения скромный философ Владимир Поваров.

Но самый путь в этот новый для меня мир начинался не в Костроме и не в Москве, а в Кологриве, в городке, который вот уж как

пять веков пристроился в русской северной стороне «коло грив» и до сих пор не имеет железнодорожной станции.

В этом городке есть вход в мир Ефима Честнякова: дом Зои Ивановны Осиповой. Много поучительного встретилось в кологривском доме супругов Осиповых. Хозяевами и приходящими к ним людьми здесь на протяжении тридцати лет создавалась «практическая ефимология».

I

О ТОМ, КАК КЛЮЧИК ЕФИМОВЫМ СТАЛ

Каждый, кто начинает знакомиться с миром Ефима Честнякова, обязательно совершает паломничество в три места памяти этого человека: к памятному камню в деревне Шаблово, к могиле художника на Илешевском кладбище и к Ефимову ключу в глубоком овраге под Шабловским холмом. А с 2004 г. – приезжают и в дом-музей Е.В.Честнякова в д.Шаблово.

Ключ этот прославился целительными свойствами воды.

Люди, местные и издалека, приходят к нему пешком,

приезжают на автомобилях, умываются, обливаются -



Ефимов ключик - место паломничества за целебной водой. 2003 г.

кто с молитвой, кто без молитвы, но всегда с памятью о Ефиме-праведнике...

Заготавливают воду Ефимова Ключа впрок.

В бутылках и пластмассовой посуде она может простоять без порчи многие недели и месяцы. Помогает ключевая вода и взрослым, и детям; лечит желудочные расстройства, заболевания кожных покровов, снимает нервное утомление и вообще возвращает телу на длительный срок ту самую радость, которая является залогом здоровья. Многие кологривчане имеют тради-

цию целыми семьями со своими друзьями приезжать на Ефимов ключ в праздник Крещения Христова.

В жгучие морозы голышом тоекратно с молитвой обливаются из ведра... и не чувят холода - только тепло и радость!

Обо всем этом рассказывают и те, и другие - это уже как азбука местной жизни. Ефимов Ключ для людей осознанно религиозных - источник Божьей Благодати, для других - место проявления чудесных сил природы. И так, и по-другому - это место славы и красоты.

Я у многих спрашивал, с каких пор этот ключ почитается святым и как его святость увязывается с именем Ефима Честнякова. Как правило, спрошенный как бы удивлялся самой постановке вопроса и отвечал односложно:

- А кто это знает, давно уж так было...

Однако было... Как-то летом 2000-го года Веселова Александра Александровна, жительница деревни Бурдово, угостила меня козьим молоком с пшеничным пирогом и рассказала такую бьль:

- Знала я Ефима Васильевича с детства, к нам в деревню с куклами приходил. Но об этом уж я вам рассказывала. А про ключик этот помню вот что.

Была у нас почтальонка, девка молодая, крепкая,

почитай, всю войну почту носила здись по деревням. И к Ефиму ходила, от сестры заключенной письма носила, газеты там, журналы, много он читал, может, что еще... А он с ней на почту сестре-то Александре когда деньги передавал, когда крупку в посылках, что там еще...жалел сестру...

А было это, с ключиком-то, ужo позже... незадолго до смерти Ефима.

- Александра Александровна, а что значит «незадолго до смерти»?

- А не помню, чтоб враз сказать, стара уж, а после смерти мужа совсем не та стала, год прошел, а совсем не та, не та! Как вы сейчас об этом говорите-то?

- Ну, к примеру, в конце пятидесятых годов...

- Так, наверно... одно точно знаю: война, трудно жили, голодные все, а почтальонку-то кто чем, а подкармливали, хлебца там, картошки... А сумища у нее была вот такая, а то две-то - пешком, когда на велосипеде... Крепкая была, успевала везде. Всех в лицо знала, а извещение из военкомата - посидит, поплачет вместе... Ну, так вот было, жили голодно и холодно, а здоровой была, едреной такой, что и говорить, позавидовал кто... что ли?

Жизнь-то наладилась по кругу, и у нее все было по уму, а вот чахнуть на глазах стала и по врачам пошла. А толку чуть...

Что болит-то? А все, говорит, и тут, и тута, и здись, и жить тошно... Забивать пора, как беззубую, дохлячую лошадь, так ведь и шкура не впрок пойдет - вся спина и руки мокнут.

Иди, говорим ей, к Ефиму, он тебя любит, чужим помогает, а тебе поможет уж. Вот и пошла... Что там у них было, не знаю, только на глазах бабенка выправляться стала, как прежде, разукрасилась...

- А что рассказывала?

Александра Александровна сходила на мост и принесла еще литровую банку молока, вынула изпод полотенца пирог с ладонь и пододвинула все это ко мне.

- С картошкой энти, покушай еще... А что рассказывала? Попостись, говорит, три дня, а потом в бане парься, как можешь терпеть. Эти дни ни с кем не разговаривай, только разве: «да» и «нет». Читай с утра и перед сном Иисусову молитву и Матерь Божию о здоровье проси, как можешь своими словами. И будет как раз день первый следующей недели... пойдём мы с тобой утром на восходе солнышка на ключ, которого ты не знаешь, и никто туда еще не ходил. Так рассказывала...

Пошли на ключ энтот в овраге, о котором Вы спрашиваете. Велел Ефим ей раздеться догола, а ведро взять с собой он ей раньше заказал. Читай, говорит,

«Отче наш», прочти раз и облейся из ведра, второй и третий раз так же повтори. Три раза, значит...

А сам отошел чуть в сторону и что-то про себя бормочет.

Ну, сделала она все так, как он велел, оделась потом во все чистое. Он ей и наказывает:

- Всю неделю ходи и делай так же, как сейчас, но уже без меня. По утрам,

семь восходов встретить здись. Говей всю неделю. А я за тебя молиться буду. Так было...

Бабенка-то на глазах у всех справная такая стала. А все это Ефимушко. Еще говорят, что струя ключевая, которая единым ручейком по жёлобу течет, там выше в овраге, на круче, из трех струек слагается. Ефим Васильевич основал этот ключ во имя Святой Троицы.

Такую весть донесла до меня старая женщина из деревни Бурдово, уже умерла она (в 2002 году). И имя почтальонки она назвала, а я как бы позабыл его, чтобы досужие прагматики не вздумали пытаться правду-матку у живых еще ближних Александры Ивановны.

И три истока единого потока я нашел там, в овраге, на круче. Они пульсируют близко друг от друга... через метр-полтора.

Я попытался сфотографировать их в той точке, где они сливаются воедино, но ничего не вышло. На пленке эти кадры засветились, хотя было утро и солнышко стояло у меня за спиной и не могло слепить глаз фотообъектива. Неверным делом, видимо, я занялся тогда, и больше не буду пытаться проявить несовершенными техническими средствами тайну явления святости на земле. Мудрость, очевидно, в том, что святость дается нам в меру нашей чистоты и нашей любви к свету.

(Публикуется в сокращении)



Р.Е.Обухов и В.П.Лебедев, житель д.Шаблово.



Б.К.Коробов и П.Н.Кудельников на открытии детского культурно-просветительского центра имени Е.В.Честнякова в Костроме. В центре - директор Л.Н.Гладких, справа - Р.Е.Обухов. Фото 2000 г.

II ГОСПОДИЙ ЕФИМ

Воспоминания Смирновой Марии Васильевны о своем духовном учителе Ефиме Васильевиче Честнякове - одно из проявлений духовной жизни русского народа, скрытой от наших глаз, как наскальные росписи, замытые дождями времени.

Первую тетрадь воспоминаний своей мамы, Смирновой Марии Васильевны, ее дочь Антонина Васильевна принесла в Костромской художественный музей в конце ноября, следующие три - 24 декабря 2001 года; потом, в первой половине 2002 года, - и другие.

Тетради были прочитаны единым духом раз, потом еще и еще раз. Так же с сердечным вниманием читали их мои друзья и коллеги в Костроме, в Кологриве, словно ждали их... и дождались!

Мария Васильевна Смирнова 1910 г. р., из крестьян, проживает в г. Мантурово Костромской области. Имеет начальное образование, читает на церковно-славянском языке. Профессионального образования не имеет, портниха, разнорабочая. Воспитала трех дочерей и одного сына, имеет одиннад-

цать внуков. В последние годы Мария Васильевна по старости потеряла зрение.

Воспоминания записала со слов Марии Васильевны ее дочь - Анна Васильевна Молчанова.

Оригиналы рукописей «Тетради Смирновой М.В.» с воспоминаниями о Е.В. Честнякове находятся на хранении в научном архиве Костромского государственного объединенного художественного музея.

Руслан ОБУХОВ

В 1942 г. меня и моих детей эвакуировали из г. Ярославля в мою родную деревню Федорково Кологривского района Костромской области, поселилась в доме брата (погиб на фронте).

Я была тяжело больна на протяжении нескольких лет. Болезнь была страшной и странной. Доктора ничем не могли мне помочь. Один из них посоветовал мне уехать в деревню.

Оказавшись в деревне, я стала искать исцеления у знахарей, как и большинство деревенских в то время. В деревне Федорково мне рассказали о старичке из деревни Шаблово, к которому идет много народу, но он не всех принимает.

Одна я к нему идти не могла, так как болезненный

страх, который владел мною, был настолько велик, что я не только не могла куда-либо пойти одна, но даже не могла одна остаться дома.



Смирнова Мария Васильевна.
Фото 2002 г.

Взяв с собой племянницу Тоню, я отправилась в Шаблово.

Дорога была неблизкой. Я шла и думала о своих погибших братьях, о том, какими веселыми были у нас праздники.

В Ильин день, 2 августа, мы с Тоней пришли в Шаблово.

Возле дома Честнякова Ефима Васильевича сели на станок для разделки дров и стали ждать его.

Из огорода вышел высокий, стройный, плечистый старичок без бороды. Одет бедно: жилетик, шарф, старая домотканая рубашка, домотканые штаны, вся одежда в заплатках.

Строго спросил нас: «Откуда вы? Зачем пришли? Не

лечиться ли? Ведь я - не тот, я - художник».

Я ответила:

- Церквей нет. Пришла потрудиться. Отца у меня тоже нет, и к Вам пришла, как к отцу.

Он еще раз строго сказал:

- Смотри, не гадать ли, не лечиться ли пришла? Я - не тот.

Я повторила уже сказанные мною слова:

- Нет, Ефим Васильевич, не гадать, не лечиться. Церквей нет, пустынь тоже закрыта. Пришла потрудиться.

Ефим Васильевич впустил нас в свой дом.

Дом был двухэтажный, но внешне похож на овин: большой, окошечки маленькие. На первом этаже дома находились колеса, соха, сбруя, косуля, плуг, старые сани, тарантас. Наверх поднялись по лестнице, состоящей из двух досок, к которым вместо ступенек были прибиты палочки.

Ефим Васильевич открыл западню.

Мы выбрались наверх и оказались в большой комнате.

На одной стене висели картины.

Вдоль другой стены, во всю ее длину, висела полка, на которой находились вылепленные из глины птицы, животные, люди в городской или деревенской одежде.

На столе, кроме рисунков, на глиняных скамеечках за глиняным столом находились скульптурки людей - глинянки.

У печки отгорожена небольшая комната без двери.

Как только мы оказались в комнате, Ефим Васильевич сказал, обращаясь ко мне:

- Думай ты не о гармонии, не о пении, думай ты о колыбели. Как бы встретить светлый день и качать бы колыбель. Веселье-то будет не такое, а в духовном виде. А то какое это веселье - запоют Стеньку Разина? Тьфу... охальщина.

В довоенное время действительно эту песню часто пели многие на семейных праздниках, пели эту песню и мои братья.

Что значит «веселье в духовном виде», я поняла позднее.

Ефим Васильевич дал Тоне три глиняные куклы: двух девочек и мальчика, а мне показал двух старичков, тоже из обожженной глины и раскрашенных, сидящих на скамеечке и ведущих беседу о знакомой им девушке.

Старички хвалили девоньку:

- Да, я тоже эту девоньку знаю, женишков-то много.

Вот отец-то и говорит:

- Несчастлива наша девонька будет. У одних-то: посватает один, и бывают

счастливы, а мы не знаем, за кого отдавать.

И просватали родители девоньку за летнего женишка.

Ефим Васильевич куклами показал просватки, как смотрели дом жениха.

Матери девоньки дом не понравился:

- Ну, дочь, ходи теперь по коровьим-то лесенкам.

И сделали свадьбу девоньки с зимним женихом.

А потом Ефим Васильевич выставил девоньке соседку - маленького горбатенького старичка с пучком травы за пазухой:

- Что по чужим-то яслям походишь, сенной-то трухой попытаешься, нужно иметь кормок-то свой.

Все это можно было бы принять за кукольный спектакль - сказку, если бы в самой девоньке и других действующих лицах я не узнала себя, своих родителей, близких, знакомых.

В молодости меня считали необыкновенно красивой не только наши деревенские, но и жители других деревень. Ловкой и проворной была на любой работе. Многие сватались, и никто не просил приданого.

Вскоре после свадьбы я тяжело заболела.

Ефим Васильевич видел, что я понимаю его притчи.

И старички Назар и Астафий продолжали хвалить девоньку:

- Как хорошо! Не поспеешь сказать, а уже все по-

нимает. Другим-то говоришь, говоришь, ничего не понимают.

Взял глиняную кукушку, прокуковал три раза, подошел к окну и сказал:

- Закатилось солнышко, скучно без солнышка.

Потом взял три куклы, что давал моей племяннице, и сказал мне:

- Вот, пожалей сироток.

Я поняла, что это дети одного из моих погибших братьев.

Показал половинки (маски) трех мужских голов: старика и двух молодых мужчин:

- Какие хорошие были головы, - сказал.

Я поняла, что речь идет о моем отце и братьях.

Отец умер, а братья погибли: один - под Москвой, другой - под Смоленском.

Ефим Васильевич спросил, как меня зовут, взял куклу и сказал:

- Это Мария Васильевна, раба Пресвятой Богородицы.

Спросил, как зовут мужа, и сказал:

- Это Василий Тимофеевич, раб Пресвятой Богородицы.

Подошел к стене и показал вторую с краю картину, на которой были изображены муж с женой и дети:

- А это их деточки, как ясны звездочки, как цветочки во саду, ровно ягодки цветут.

Я поняла, что эти слова относятся ко мне, моей семье.

Но в тот период у меня было двое детей, а на картине их было больше.

- Тебя мне надо нарисовать, - сказал Ефим Васильевич.

На листе бумаги размером с тетрадный листок он рисовал мой портрет. Без платка, с короткой стрижкой, в розовом платье с оборками. На обратной стороне рисунка Ефим Васильевич что-то написал нерусскими буквами. Портрет отдал мне. Ефим Васильевич часто повторял, имея в виду свои картинки:

- Это у меня все одно к одному, одно без другого жить не может.

От написанного Ефимом Васильевичем моего портрета я получила жизнь, расцвела. Под всякой картиной, игрушкой таится мудрость старца, величайший дар Божий. В течение все-

го летнего дня, что я была у Ефима Васильевича, он несколько раз озабоченно говорил:

- Письмо бы надо отпустить. Вот дурачье-то, на мертвячий голос орут, когда в армию провожают. Вот я уходил. Посмотрел в одну сторону, посмотрел в другую... взял мешочек, прослезился и пошел. И, смотри-ка, счастливо домой пришел.

Смысл этих слов я полностью поняла только тогда, когда, вернувшись из Шаблова в свою деревню, я получила письмо от мужа, в котором он сообщал, что броня снята, он отправляется на фронт.

Во время войны, когда я бывала у Ефима Васильевича, он часто брал в руки куклу, баюкал ее. Однажды, побаявав куклу, дал мне



Вернисаж Е.В.Честнякова в д.Шаблово. 25 сентября 1988 г.



две свистульки-ласточки, но вначале поиграл на них какую-то песенку.

Красненькие веселые птички-свистульки недолго были у моих старших детей (детям было 9 и 10 лет), почти сразу же свистульки украли.

Конечно, не сразу, но смысл подарка я поняла: после войны у меня родились две дочери.

Из бесед с Ефимом Васильевичем я поняла, что он ценил красоту.

Земная красота для людей. Земля не должна быть без красоты. А красота - это и веселый, скромный человек, но веселье - это не охальщина и крики.

Какая Господу неволя подать своего сына на такое истязание?! Да, это пример подавал Господь, какими должны быть люди. Спокойствие, трудолюбие... любить друг друга... без этого нет жизни.

Ефим Васильевич не женщин любил, не соблазн разный, а мир, спокойствие, чтобы все веселые были. Какая природа, такими и мы должны быть.

Учительница Екатерина Владимировна хорошо знала Ефима Васильевича и говорила, что он был интеллигентный, культурный, в нем было что-то особенное, что выделяло его среди других учителей.

Выбор невест у него был, да как он говорил:

- Жениться мне было недосуг.

Благодать в нем была заложена с младенческих лет. Счастье он понимал не так, как мы его понимаем, не мирского счастья он искал.

Рисовал невест, женихов, свадьбы - это все для нас, для нашей жизни - это все доброта, красота.

Чтобы понять смысл жизни Ефима Васильевича, надо начинать с первой его картины и смотреть до последней, смотреть и размышлять. <...>

Я долго размышляла о том, кто такой Ефим Васильевич и как он мог узнать обо мне все.

Он не был похож ни на знахаря, ни на колдуна - ни своим внешним обликом, ни манерой поведения. Не было и намека на роскошь, богатство, гордость.

Я не помню, какими были у Ефима Васильевича глаза.

Как в свое первое посещение, так и в последнее я стеснялась рассматривать его, но обратила внимание, что время от времени во время беседы он на короткое время закрывал глаза.

Я чувствовала, что Ефим Васильевич может мне помочь, и через две недели после первого посещения, взяв с собой девятилетнюю дочь Тоню, пешком отправилась в Шаблово.

Ефим Васильевич впустил нас в свой дом, предложил сесть на стулья.

Кроме нас, в этот день у него были четыре женщины и молодой учитель из деревни Вонюх. Я не принимала участия в их беседе, но очень внимательно слушала все, что говорил Ефим Васильевич. Показывая свои картины, он посетовал на то, что его не понимают:

- Ну вот, что мои-то картины - что кошка и собака понюхают под лавкой, так и они. Никакого понятия. <...>

Весь день я и дочь провели у Ефима Васильевича.

На ночлег он послал нас к Марии и на следующий день велел приходить не рано. Около одиннадцати часов мы пришли к нему. Он показал Тоне картины, а меня пригласил в комнату. Эта каморка находилась справа от небольшой русской печки. Маленькое окошечко, у стены - кровать, небольшой столик, скамеечка. На столе - икона Спасителя-Вседержителя, Евангелие небольшого размера.

Ефим Васильевич провел меня в комнату. Дал читать Евангелие (на русском языке) от Иоана, глава 9 («И проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у него: Равви! Кто согрешил, он или его родители, что он родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители Его, но это для

того, чтобы на нем явились дела Божии». Сама я прочесть не могла, прочитал он.

Смысл прочитанного я тогда не поняла, но запомнила слова Евангелия:

- Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем проявились дела Божии.

Когда я уходила, Ефим Васильевич сказал мне:

- Мариюшка, принеси мне тот рисунок, что я рисовал, я тебя нарисую на полотне. Принеси полотно.

Я обратила внимание на то, что Евангелие лежит уже не на прежнем месте в его каморке, а рядом с окном - недалеко от западни...

И хорошо было видно, что оно открыто на главе 9.

На следующий день, когда я пришла к Ефиму Васильевичу, я опять обратила внимание на то, что Евангелие раскрыто на главе 9.

На полу в рамке стояла картина. Георгий Победоносец был изображен на ней на белом коне, копьем он поражал змея. Картина была высотой не менее 1,3-1,5 м. Увидев, что я обратила внимание на эту работу, он сказал:

- Да, он охраняет невесту.

Больше мне эту картину видеть не приходилось. Со слов Марии я знала, что в ящиках, что стояли у стены в доме старца, хранились написанные им иконы, но самой мне их видеть не пришлось.

Ефим Васильевич намерен был написать мой пор-

tret, но я упросила его, чтобы он нарисовал меня вместе с племянницей Тойней.

Эта работа художника-целителя хранилась у меня до апреля 2000 года.

От времени и частого употребления краски потускнели, потрескались, стерлись. При сильной головной боли я накладывала полотно на больное место, и боль стихала. Я очень сожалею, что не смогла сбересть работу Ефима Васильевича, пренебрегла его советом, как обращаться с полотном.

А еще больше печалюсь о том, что никто не рассказал о нем не как о художнике, а как о старце, обладающем даром пророчества, который скрывал свой дар за причудами и чудачеством, и лишь немногие в то время понимали это. Я чту его как великого чудотворца. <...>

Я и моя сестра Евдокия пришли к Ефиму Васильевичу.

- Хорошо-то делала, не кайся, - сказал он, обращаясь ко мне, и добавил:

- Если ты хорошо-то делала, и для тебя потом будет хорошо.

Я ответила:

- Да, Ефим Васильевич, то ли я для своих свекрови, свекра не делала хорошего...

Он прервал меня и очень жалобным голосом сказал:

- Ой, ой! Какая там деревня, какой там народ!

Когда мы уходили от него, он незаметно положил в мою корзинку кусок мыла, который принесла ему моя сестра Евдокия.

Зимой 1945 года Ефим Васильевич наряду с другими картинами показал мне картину «Мир». Я заплакала. У меня не было сомнений в том, что картина показана не случайно, скоро кончится война.

Я заспешила домой в Ярославль.

Во время войны я не раз просила Ефима Васильевича благословить меня на отъезд, но каждый раз получала отказ.

И в этот раз Ефим Васильевич сказал мне:

- Что у тебя: дом, что ли, свой? Надо держаться родины.

В марте 1945 года я пришла к Ефиму Васильевичу, он сказал мне:

- Повыбирай-ка картошку.

Мы вместе подошли к ящику, но в ящике, кроме ростков от картошки, я ничего не увидела.

- Да тут ничего нет.

Достал мешок, вынул осколки посуды:

- И посуды-то никакой нет, одна битая тарелка, а была бы небитая, и той не было бы. А уж убитая пусть лежит. Затем спросил:

- Река от вас близко? Из окна видно реку и пароходы?

Из окна моей ярославской квартиры не видно было ни реки, ни пароходов на реке.



- Ну, как не видно, окна ведь на реку. Вот и хорошо, что не видно, - сказал он, благословил и добавил:

- Только водись с хорошими людьми.

На мой вопрос, где я их найду, уверенно ответил:

- Найдешь.

Я вернулась с детьми в Ярославль.

Зашли к моей старшей сестре. Я узнала от нее, что в моей квартире побывали воры. Унесли все, что смогли. Она, как могла, успокаивала меня:

- Мариюшка, на иголку не много надо. Проживешь. <...>

Ефим Васильевич советовал мне читать книги.

- Если скучно-то будет, возьми и почитай книжечки. Можно Салтыкова-Щедрина, Тургенева. А уж Пушкина ни с кем не сравнишь.

Говоря о Пушкине, Ефим Васильевич жестом подчеркнул, как близок и дорог ему этот поэт. Назвал еще несколько фамилий, книгу «Принц и нищий». Читать эти книги я сама не могла, по моей просьбе их читали мне дети.

В годы войны Ефим Васильевич прочитал мне рассказ «Жерновки».

Я поняла, что этот рассказ выбран для меня не случайно, он дал надежду на то, что переживем голодное время, будем сыты.

Я научилась читать книги на церковно-славянском языке и уже не мыслила

своей жизни без чтения духовной литературы, без молитвы.

Нередко во время моего посещения Ефим Васильевич ходил по комнате, баюкая куклу. Как-то я сказала ему, что если у меня родится мальчик, то я назову его в честь Ефима Васильевича. Ефим Васильевич сказал мне:

- Да, - и назвал святого Евфимия.

Этот святой - Евфимий Печерский, иеросхимонах в дальних (Феодосиевых) пещерах, покровитель моего внука Ефима (1986 г.р.).

Еще в 1942 году старец часто показывал мне куклу - городская девочка в шляпке.

- У моей души веселая нога, - говорил он, ходил по комнате, баюкая. - Вот дурачье-то, качать ребенка не надо. Баюкать не надо. Тут и душа-то у него хорошая растет. У ребеночка душа бывает в то время хорошая, нежится. <...>

Варвара Александровна, проживающая в деревне Вонюх, рассказала мне, как Ефим Васильевич обличил двух молодых парней, которые видели в нем не святого человека, а дурачка.

Было это так: двое молодых парней из деревни Вонюх решили между собой:

- Пойдем к Ефимушке, что он нам наболтает?

Старец впустил их в свой дом, дал по чайной ложке,

положив в кружки с водой, и сказал:

- Поболтайте! - а сам ушел в свою каморку.

Через некоторое время вернулся и спросил:

- Ну, наболтались? Теперь идите домой...<...>

Беседуя с Марией Петровной, Ефим Васильевич спросил ее, почему она не ходит в церковь.

Мария Петровна ответила, что в церкви нет благодати.

Я поразились, как ответил ей Ефим Васильевич. Не меньше меня была удивлена и Мария Петровна.

- Ну, как узнать благодать? Где она бывает? Вот вас было трое. Вот двое не видели, а одна видела, как благодать летала возле вас. Вот так и в храме. Кто ее видит, а кто нет. Так и не узнаете, на ком она побывала.

Мария Петровна пала к Ефиму Васильевичу в ноги, поняла, что Ефим Васильевич обличил ее.

То, о чем говорил Ефим Васильевич, было в 1947 году.

Мои хорошие подруги в церковь не ходили, считали, что из церкви ушла благодать.

В Крещение, ночью, мы пошли на реку.

Я всю дорогу молилась о том, чтобы мне первой выпало окатиться крещенской водой.

В.И. оградила прорубь в реке крестным знаменем.

Рука ее еще была в воде, как тут же в прорубь уткнулась молния. Мне показалось, что молния должна была обжечь ей руку.

Мне выпало первой принять на себя крещенскую воду. На меня вылили три ведра воды. Я не чувствовала холода, было ощущение тепла во всем теле.

После купания мы набрали по ведру воды и направились домой. Мы сделали всего два шага, как перед нами поперек дороги пролетела яркая молния.

Об увиденном чудесном явлении я рассказала подругам, но они мне тогда не поверили. Другим своим знакомым я об этом ничего не рассказывала.

Ефиму Васильевичу я об этом не рассказывала, знала, что Ефиму Васильевичу известно все.

О том, что Ефим Васильевич прав и что благодать действительно не ушла из храмов, свидетельствует такой факт: в восьмидесятых годах (точно год не помню) 5-го августа я была в храме Воскресенском с. Пищи Мантуровского района. Обедня отошла. Я решила побродить по кладбищу. В это время сторож пришла в храм. Один из памятников привлек мое внимание. Памятник напоминает аналой, на котором лежит раскрытое Евангелие, отлитое из белого металла. Я стала читать... Послы-

шалось чудесное пение. Я подумала, что поют в храме, и поспешила туда. Каково же было мое удивление, когда в храме, кроме сторожа, я никого не увидела, и она не слышала никакого пения.

Об этом я рассказала священнику этого храма отцу Михаилу. <...>

В 1952 году у моего мужа заболел желудок. Три года он состоял на учете.

Улучшения не было. Опухоль увеличивалась.

Лечение в больнице улучшений не приносило. Предстояла операция. Но вскоре операцию отменили, так как делать ее было бесполезно. Врачи предупредили меня, что у мужа рак.

В 1958 году мы приехали к Ефиму Васильевичу.

Ни я, ни муж старцу ничего не говорили о болезни. Слушали то, что говорил он.

Он показал картины, вел разговор кукол:

- Я рано встаю. Пошел за грибами, да вот остановился около этого дома, никакого скверного слова никогда не слышал. Люблю ходить мимо этого дома, хорошая, спокойная семья.

- Да, да, я тоже люблю мимо этого дома ходить, - сказал другой старичок, - всегда останавлиюсь, послушаю.

Домой мы вернулись успокоенные.

Через три месяца, когда муж прошел очередное

обследование, я принесла рентгеновские снимки лечащему врачу мужа Зинаиде Николаевне.

Она, взглянув на них, удивленно воскликнула:

- Господи Иисусе! Куда же опухоль девалась?

С тех пор желудок мужа не болел. <...>

Однажды Ефим Васильевич читал мне Евангелие.

В прочитанной главе Спаситель спрашивал учеников, за кого его принимают. Вдруг Ефим Васильевич повернулся ко мне и спросил:

- А ты за кого меня считаешь?

Я помнила нашу первую встречу, когда Ефим Васильевич сказал мне, что «я не тот, я художник», и теперь я ничего не ответила Ефиму Васильевичу, растерялась.

Не могла сказать, что почитаю его за пророка, целителя, великого старца. На мое молчание Ефим Васильевич не рассердился, а улыбнулся.

Как-то Ефим Васильевич сказал мне:

- Вот теперь, Мариюшка, ты все приобрела, остались одни заплаточки.

- А что мне детки-то скажут, - ответила я.

Ефим Васильевич прикрикнул:

- Ты что, детям подражать будешь? Если душой богато жить, нужно заплаточки любить.

Мои сестры, одна из них моя крестница, нередко ругали меня, называя «безголовая». На это я обычно ничего не отвечала, молчала.

Как-то приехала к Ефиму Васильевичу и услышала:

- Вот безголовая-то! А ведь безголовой-то по старшинству и то бы назвать нельзя, не то - по чему-то другому.

Последний раз я была у Ефима Васильевича в 1960 году.

Он одобрил мое намерение переехать в город Мантурово Костромской области:

- Да, туда, где чугунок-то делают.

Во время этого моего последнего посещения старца он не раз повторил:

- Хорошо бы сделать гроб, хоть из стареньких досок.

Такая, видимо, предстояла нам жизнь. <...>

В одном из своих писем ко мне (письмо не сохранилось) Ефим Васильевич дал понять, что день его кончины будет летом, когда расцветут цветы, поспеет земляника, около Онуфриева дня. Письма ко мне Ефим Васильевич диктовал Варваре Александровне, а она писала.

На похоронах самого близкого, дорогого мне человека я не была. В это время находилась в больнице

с инфарктом. Незадолго до смерти Ефима Васильевича я получила письмо, в котором Варвара Александровна писала, что у нее в гостях Ефим Васильевич и под диктовку она пишет письмо и посылает «Коляду». Коляда, присланная мне, отличается от коляды, напечатанной в одной из книг о Ефиме Васильевиче. Эту он прислал для меня (в письме написано «коледа»), и в ней опять о нашем саде, в котором столько добра для моей семьи и красоты Божьей... сколько в ней скрыто мудрости. После смерти Ефима Васильевича Варвара Александровна переслала мне также его стихи «С друзьями». Она писала:

- Почему не приедешь? Неужели тебе Фимка не жалко? Он столько тебе оставил.

Что оставил для меня Ефим Васильевич, я могу лишь догадываться.

Хорошо помню рассказ Петра Васильевича, проживающего в городе Мантурове. Он поехал навестить Ефима Васильевича, но его в живых уже не застал, приехал туда уже после похорон. Говорил, что ухаживала за Ефимом Васильевичем Авдотья. В день смерти он сказал ей:

- Авдотья, часика три не ходи.

А когда Авдотья пришла, он лежит на лавочке.

На похоронах народу было много.

Варвара Александровна на память о старце подарила Петру Васильевичу рубашку Ефима Васильевича, которую он во время войны разрезал, показывая мне, какими будут мужские рубашки в послевоенное время.

О том, как проводили Ефима Васильевича в последний путь, писала мне Варвара Александровна:

- Похороны были хорошие. Народу было много. Какие были похороны! Сколько летало белых мительков!

Позднее Пospelова Александра, проживающая в городе Кологриве, приходила в Мантурово к Блиновой Шуре. О похоронах сказала так:

- Весь Кологрив похоронял!

<...> Я на всю свою жизнь запомнила слова старца:

- Говорить можно, делать должно.

Я никогда не видела его без дела и следовала его совету.

После своего 70-летия я вынянчила четверых внуков. Напевая им песенки, читая стихи, играя с ними, всегда занималась рукоделием. Годы шли, а я записать свои воспоминания так и не решалась, все сомневалась, поймут ли меня, не навредить бы дорогому старцу.

Мои сомнения продолжались до тех пор, пока в тон-

ком сне он не обличил меня.

Я долго раздумывала над тем, почему Ефим Васильевич прочитал мне строки из четвертого Евангелия:

- Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем проявились дела Божии?

Ведь в каждом Евангелии есть главы на исцеление. А все понятным стало. Пророчество, произнесенное более 50 лет тому назад, сбылось во всей полноте.

Помню все, как крепил душу мою Господий Ефим, как страдал со мной моим крестом.

Вот уже несколько лет, как я потеряла зрение и могу видеть только то, что Господь покажет.

Много раз я намеревалась записать свои воспоминания о старце Ефиме, но все сомневалась, не навредить бы.

В 1999 году, осенью, Ефим Васильевич обличил меня.

Откладывать записки более не могу.

*М.В. СМЕРНОВА
Записи закончены 24
декабря 2001 года.*

* * *

Позднее я получил от Марии Васильевны письмо, фрагменты из которого решил приложить к этим тетрадям Марии Васильевны.

Рассудил при этом так: письмо это адресовано не ко мне только, но ко всем тем, кто когда-либо прикоснется к жизни русского художника Ефима Васильевича Честнякова.

«Руслан Евгеньевич!

В марте 2002 года мои дочери прочитали мне книгу И.А. Серова «Все как в жизни».

Две ночи подряд я не могла уснуть, плакала. Плачу и сейчас.

Меня ужасает то обстоятельство, что автор, зная, какие тяжелые испытания выпали на долю старца, так безрассудно говорит о нем, наносит тяжелую обиду Ефиму Васильевичу и всем тем, кто знал, любил, почитал его.

Третье столетие, как семье Серовых знаком Честняков Е.В., но, если нет любви, уважения к нему, зачем нужно было посещать Шаблово?

Работал много и тяжело: метал стога, сушил овины и другое...

- Ой, ведь он и поработал! Вот, бывало, сколько стогов помечет, а потом побежит в ночь в Илешево, видно, очень тосковал по родителям, - говорила Мария.

Бесспорно, Ефим Васильевич в разные периоды своей жизни мог продавать свои работы, но не те, что составляли единое целое.

Продать что-либо из этого целого было для него все равно, что разрушить семью.

Скорблю об обиде, нанесенной старцу.

Я помню его бескорыстие, нужду и нищету, на которую он сознательно себя обрек.

Как-то к Марии пришла Авдотья:

- Как он может терпеть! Утром принесет горошек сварить, а придет за ним только поздно вечером. Святым духом питается.

Ефим Васильевич взял на себя трудный, тяжелый крест.

Отец Александр (Волков), узнав, что я еду к Ефиму Васильевичу, передал со мной для старца деньги.

Ефим Васильевич с благодарностью взял их, разгладил каждую купюру.

Встал, прижал деньги к груди, провел по ним рукой и передал их мне:

- Спасибо отцу Александру. Пускай подаст тому, у кого семья большая, он знает, кому подать.

Кто мог из старцев или святых похвастаться:

- Я исцелил!

Говорили:

- Господь исцелил.

И от Ефима Васильевича, когда я к нему приходила, я не раз слышала фразу:

- Я не тот, я - художник.

Как-то я была у Ефима Васильевича.

Когда я к нему пришла, одна женщина и стала благодарить его:

- Какое тебе спасибо! Ну, ко, девочка у меня как поправилась!

- Ее благодари. Ее скипидарчик-то, - ответил старец и показал на меня.

Вот как люди берегут и охраняют имя Божее!

Веру и труд надо иметь, чтобы получить исцеление.

Неизлечимо больной Левушка жил в Ярославле на Липовой горе.

Никогда не был у старца, но послал ему гостинец. Ефим Васильевич взял, прижал к груди и отдал мне, чтобы я отвезла Левушке. За крепкую веру, даже без прикосновения старца, Левушка вновь обрел способность ходить. Об этом знаю не только я, но и мои дочери, сноха и многие люди, знавшие этого юношу.

Об этой книге я бы сказала так:

- Что поросенок накопает, все - ничего не найдешь.

Так и эта книга.

Без страха Божия написана она. Дух клеветника писал ее, а не дух разума.

Сам старец говорил о таких людях:

- Ходят, ничего не понимают, и опять идут. Меня мучают и сами время теряют.

Канительщики!

Я называю таких людей канительщиками. Ходят без веры и понятия.

Женщин, не имеющих веры и понятия, Ефим Васильевич называл «стукалками».

Как можно измерить прозорливость?

Все ли мы достойны увидеть ее?

Понимаем ли обличение наших поступков старцем?

Притчи Господнего Ефимия надо понимать так же, как и его картины.

Какие мы сами - такие и сани».

Так защищает Мария Васильевна высокое имя своего Учителя.

(Публикуется в сокращении)



Семья Смирновой Марии Васильевны (в центре с дочерью). Фото 2003 г.

«БАНЬКИ-МЫЛЕНКИ ДЫМИЛИСЬ...»

Ефим Честняков и народное кологривское слово

Е.В.Честняков был знатком народной поунженской речи. И это неудивительно. Ведь он родился и вырос в крестьянской семье и, прожив в своём родном Шаблове почти всю жизнь, умер там же, где и родился. С крестьянами он предпочитал говорить по-народному, но это был грамотный человек: имел среднее образование, учительствовал, знаком был с Репиным, посещал классы Академии художеств, был «своим» в тенишевских мастерских. Честняков прекрасно владел литературным языком, о чем свидетельствуют его дневники, художественные произведения. З.И.Осипова, учитель, одна из самых ярких культурных деятелей кологривского края, вспоминала, что с нею, с её мужем и вообще интеллигентами Ефим Васильевич говорил «правильно», не на диалекте. Однако народная поунженская речь представлена в его произведениях так ярко и выразительно, что создаётся полная иллюзия преобладания в них живого народного слова, тогда как, конечно, яркие «сигналы разговорности» накладываются на крепкую основу литературного языка. Читатель как

бы полностью погружается в атмосферу крестьянского поунженского быта и местного языка, благодаря мастерству писателя в достоверной подаче обильного диалектного материала.

Действительно, трудно найти среди русских писателей такого автора, где говору, повседневной бытовой речи, фольклорному слову уделяется столько внимания, как в творчестве Честнякова. Через слово он проникает в самые глубины народного сознания, бережно, по крупицам любовно воспроизводя все детали материальной и духовной культуры кологривского крестьянина.

К сожалению, при жизни Е.Честнякова мало что было напечатано, да и сейчас напечатано далеко не всё из художественного наследия писателя. Тем не менее из его опубликованных произведений, из рукописей удалось извлечь сотни и даже тысячи диалектных слов и устойчивых оборотов, народно-разговорных собственных имён, местных географических названий, которые вошли в составленный нами словарь народно-разговорного языка писателя «Живое поунженское слово». Это

название свидетельствует о том, что диалектизмы из произведений писателя достоверны и характерны для современных поунженских говоров. И это действительно так, что показали многие экспедиционные исследования по следам Е.Честнякова.

Как кажется, словарь народно-разговорного языка произведений Е.В.Честнякова будет полезен всем, кто интересуется проблемами русского языка и творчества писателя, в двух отношениях.

Первое. Это источник изучения кологривских (поунженских) говоров, в достаточном количестве и системно представленных в словаре того периода (начало XX века), когда они находились в полном расцвете, а не на грани исчезновения, как сейчас.

Второе. Диалектное слово у Честнякова - ключ к разгадке особенностей стилистической манеры писателя, приём создания при помощи диалекта образных героев, а также композиционного развития произведения.

Для иллюстрации выдвинутых положений приведём фрагменты словаря, а также один из источников -

стихотворение Е.Честнякова и пояснения к нему кологривского краеведа-этнографа Е.Ярыгиной.

Записи современной кологривской речи даны автором этих слов в виде своеобразного комментария к стихотворениям Е.Честнякова.

Начнём со стихотворения Е.Честнякова «Баньки-мыленки дымились» из личного архива Г.А.Смирновой, племянницы писателя. Как вступление приведём о нём мнение Елены Ярыгиной: «Нельзя обойти вниманием стихи Е.В.Честнякова. В них автор сохранил для нас картины деревенского быта. Стихотворение «Баньки-мыленки дымились...» знакомит нас со старинной баней, с тем, как нужно её топить. Все предметы в бане названы по-народному. Слог стиха необыкновенно музыкален: при чтении испытываешь умиротворение от описания покойной, благополучной деревенской жизни».

Баньки-мыленки дымились

*Баньки-мыленки дымились,
Трубки чёрные курились,
Печки-глинянки топились,
Ещё камешки калились.*

*К речке девушки ходили,
Воду вёдрами носили,
В кадку воду выливали,
И колоду наполняли,*

*И камня нагревали
Да в колоды опускали.*



*А колода о два жила,
Чтобы пареню служила.*

*То для тёплой отделенье.
И в клещах туда каменья
Раскалённые кладут,
Нагревалось чтобы тут.*

*То холодная вода -
Не кладут камней туда.
О три жила иногда,
То со щёлоком когда.*

*Воду черпают ковшом,
Валовушкой, черпаком.
Живописно хороши
Валовушки и ковши.*

*И стоят с сестрою брат -
Кочерёжка и хват.
И ещё стоит корыто,
Сверх холстиною покрыто.*

*Это пепельна вода.
Щелочена череда.
Ещё веничек шелковый,
И зелёнький, и новый.
Ещё глиняный горшок
Поприставлен на шесток.
Дым приятный поднялся,
И затычка, в саже вся,
У окошечка лежит,
И из трубки дым валит.
Из корытов и колод
Воду черпает народ.
Люди париться придут
И окатываться тут.
Станут мыть себя водой,
Щелочёной чередой.*

* * *

Вот фрагмент словаря «Живое, поунженское слово», где, в частности, толкуются слова из стихотворения:

Коло. Предлог. Около. *И проходит кое-кто тут коло окон.* (Свадьба. Яр.). *У меня коло дому растут всякие ягоды да яблоки.* (Чудесная дудочка. Яр.) *Старая старушка коло печки... лепёшки печёт* (Стафий). *Коло дому...* (Стихи. Позамёрзли стёклышки. Яр.). *А по плотине мост пойдёт... сажены коло ста. А коло изб имеются лужочки... Кустарники растут коло ручьёв... Живут коло реки* (Марк Бесчастный).

- *Где баушка, берёза?*

- *А вот тут, коло лесу* (Сергиюшко). *Ходит коло пенёчков, ягодки забирает* (Там же).

Колобродинцы межие. Междоусобицы, ссоры в результате чересполосного владения землёй... *Лукерья говорит, что он может получить больше и лучше пропитаться с угородца, чем с большого поля... У нас колобродинцы межие... Трудов много, а толк какой?* (Стафий - Король Тетеревиный).

Коловадка. Фата невесты. *Светло личико стыдливо Коловадкой призакрыла* (Стихи. Я избушку отворял. Яр.).

Колода. Лежачее толстое бревно, около воды долблёное, типа корыта. *Пришли к колоде, разложили что было на коромыслах, заткнули рубахой в колоде окошечко, в которое вода вытека-*

ла, и стали полоскать в свежей воде рубахи да сарафаны (Ручеёк)...вынут, положат на широкий обмёрзлый конец колоды и давай колотить гладким вальком по рубахе - только брызги летят... (Там же).

* * *

Автор этих строк в д. Судилово вблизи г. Кологрива в августе 2000 года беседует с супругами Забродиными, Надеждой Фёдоровной, 1922 г.р., и Александром Николаевичем, 1919 г.р., смолоду знавшими Ефима Васильевича. «Честнякова увидели после войны на Монзе, за рекой Унжей, 17 км это от Кологрива. На пароме переезжали, на реке. Он в оборванном весь, сумка на нём висела, плашш брезентовый. Никто над ним не смеялся...». Александр Николаевич поясняет слова и выражения из стихотворений Е.Честнякова: *«Баньки-мыленки дымилась, Трубки чёрные курились, Печки-глинянки топились. Ещё камешки калились»*. Бани топились по-чёрному, трубы у них закопчённые. У самой печи трубы не было. Дым прямо в баню шёл. Сама трубка деревянная, а в трубе дыра пропилена, потом её тряпкой затыкают. Кирпича-то не было. Там камней наложено, на кутенке. Печи делали не из кирпича, из глины. Сначала из досок делают остов и опалубку и набивают туда глину, её бьют деревянным пестом. Потом

сушат, затопляют. Она закалится, от жару опалубка сгорит внутри-то, а наружную потом уберут. *«И колоду наполняли, И камень нагревали Да в колоду опускали. А колода о два жила...о три жила...»*. Колода, из дерева долблённая, с двумя или тремя отделениями для холодной воды, горячей (камни раскалённые бросали) и для воды со щёлоком. Мыла-то не было, золу сыпали в воду, щёлок делали. *«У деревни на краю Стара житница стояла»*. Житница — амбар, куда зерно сыпали. И ничево боле. Разные сусеки были: для ржи, для овса, для льянова семя. Для гороха отдельно. *«Этот так - ни то, ни сё. Ни на ступни, ни на шоптанники, ни на новые берестяники»*. Ступни из береста плели, навроде лаптя, как галоши надевались, с носком. Шоптанники - изо льна плели верёвочки, это лапти, они мягкие. Батько крючком плёл. Берестяники - это лапти, надо с портянкой обувать, с онуцям. Лапоть боле ступня. *«Позамёрзли стёклышки, Призакрыли окнышки. Это с воли из соломы На жердинках коло дому От холодного морозка Поприставлены рогозки»*. Рогозки, рогожи плели из прямой соломы. На их спали - «соломенная рогоза». Рукам вязали. У ковоесь матрас, соломой напёхано - на ем спали. А нет - на соломенной рогозе или подстилу бросят. Как половик, навроде, портяная (по-

достила), сами ткали в две полосы. Рогозки приставляли к окнам, которые закрывались досками не полностью, потом омялье напехают. Это самые бедные, у богатых двойные рамы были. Кто роботал с прохладцем - у тово рамы с воли приколачивали или жердям рогозки прижимали. *«В железной вилашечке Лучина воткнуточка. Милки да милашечки Беседуют туточка»*. Светили в избе лучиной. Было корытечко с водой на полу, на ножках, как скамейка. Намертво стоечка вделана. На стоечке железна вилашечка, в ей воткнута лучина».

Н.С. ГАНЦОВСКАЯ,
профессор КГУ,
г. Кострома.

Примечания

1. Сказки. Приводятся в тексте по полным заглавиям: Ручеёк, Чудесное яблоко // В.Игнатъев, Е.Трофимов. Мир Ефима Честнякова. М., 1988.
2. Е.В.Честняков. Марк Бесчастный // Деревенские летописи: Повести и рассказы русских писателей к. XIX н. XX вв. / Сост., автор вступит. статьи и примеч. Ю.В.Лебедев. М., 1990.
3. Об. - Ефим Честняков. Поэзия / Сост., вступит. статья Р.Е.Обухова. М., 1999.
4. Стафий - Король Тетеревиный: Роман-сказка. Рукопись / Сост. Р.Е.Обухов. Хранится в Костром. гос. объедин. художествен. музее.
5. Яр. - Е.В.Честняков. Сказки, сценки, стихи, пьесы. Рукопись / Сост. Е.В. Ярыгина. Хранится в Костромском областном доме народного творчества.

«ОРИНКЕ, МАРИЙКЕ, МАТРЕНКЕ...»

Личные имена в произведениях Ефима Честнякова

Сказки, стихи, поэмы, пьесы Е.В. Честнякова содержат более 300 личных имён. За исключением небольшого числа оригинальных авторских наименований (Яя, Чивилюшко и др.), это те имена, которые давали крестьянам по святцам священники в деревенской церкви с. Илешева, где сейчас и похоронен Е.В. Честняков. Во многих его произведениях заметно желание автора показать всё многообразие имён, бытовавших в русской деревне начала XX века. Женские и мужские имена представлены в полных официальных формах крестильных имён и их диалектных вариантах, просторечных и разговорных формах. Наиболее частотны у Е. Честнякова мужские имена: Афанасей, Бориска, Вавило, Вахромий, Вахрашка, Гаренька, Данила, Денис, Дорофей, Евгращ, Елисей, Елизар, Емельян, Енаха и др. Женские имена используются чаще в уменьшительно-ласкательных формах, обладающих большей выразительностью, способностью передавать разнообразную гамму чувств, эмоций и субъективных оце-



нок в тех или иных ситуациях. Ими изобилуют стихотворения Е. Честнякова: «Смотрины в хороводе», «Девочки», «Цветики», «Считалочка», «Красны девушки сидят», «Девоньке Оринке» и др.

*Девоньке Оринке
Дарю бусеринку,
Девушке Ксенечке -
Колечко маленечко,
Девушке Марийке -
Пресленёк маленький,
Матрёнке девоньке -
Игрушечку гармонику,
Девушке Настеньке -
Гребешок частенький,
Девоньке Ульяненьке -
Маленькую балалайку,
Девушке Алёнке -
Цветочек аленький,
Девоньке Марфушеньке -
Малую куколку (Яр.).*

В этом стихотворении Е.В. Честняков выдвигает на первый план образы лирических героинь, рифмуя 8 женских имен. Половина из них дошла до

наших дней: Ксенечка, Марийка, Настенька, Алёнка. Остальные имена даны в словарях русских личных имён с пометой «редкое» или «устаревшее»: Оринка, Матрёнка, Ульяненька, Марфушенька. Имена Матрёнка и Марфушенька уже вышли из употребления. Имена же Оринка и Ульяненька являются народно-разговорными формами имен Иринка и Юленька и встречаются редко. Все женские имена в стихотворении образованы с помощью эмоционально-оценочных суффиксов -к, -еньк, наиболее продуктивных в произведениях Е. Честнякова. В данном случае эти формы связаны с образами крестьянских девочек, получающих небольшие подарки. Автор трепетно относится к детям и употребляет в своём стихотворении только уменьшительно-ласкательные формы имен существительных: бусеринка, колечко, пресленёк, игрушечка и др.

Как известно, в живой разговорной речи полные крестильные имена употреблялись мало. Официальный характер полной формы крестильного име-

ни способствовал его ограниченному употреблению в крестьянской среде, описываемой Е.В. Честняковым. Например, женское имя Ульяна в стихотворениях писателя чаще встречается в производных народно-разговорных формах с суффиксами -ушк, -еньк, -я: «Дома ли душа Ульянушка? Шёл мимо Улиного двора (Сватовство. Об.); Девоньке Ульяненьке <дарю> балалайку маленькую» (Яр.). Имя Анастасия, греч. по происхождению, употреблено у Честнякова в народном варианте Настасья только в пьесе «Чудесная дудочка»:

«Матрёна и Настасья стали что-то туманные» (Яр.). В остальных случаях оно встречается с суффиксами -еньк, -к в еще более разговорной форме: «Девушке Настеньке

<дарю> гребешок частенький; Выруби дубинку на Наскину спинку» (Яр.).

Личные имена произведений писателя как часть севернорусского диалекта, реалистически точно отраженного на страницах литературного наследия писателя, включены в словарь народно-разговорного языка писателя «Живое поунженское слово». Приведём несколько примеров словарных статей.

Аким, м. А дядька Аким с делом таким: Одарью ли ограбили? (Рёва лютая. Об.). /От Иаким, греч./

Аким Акимович, м. Разве гворил с Акимом Акимовичем. (Стафий). См. Аким. **Аким Нефёдов**, м. Аким Нефёдов, кажись, постарше. (Стафий). См. Аким. **Алёнка**, ж. Девушке Алёнке дарю цветочек

аленький. (Девоньке Оринке. Яр.). /От Елена, греч./

Ана, ж. Он и вся его семья: Марья, Дарья и Ана. (Титко. Об.). См. Анна.

Анна, ж. Бабушка Анна - Ая, девонька Фарася - Яя, дедушка Яков - Ж. (Стафий). /От Анна, греч./

Антон, м. Продвигался ли он, мне скажи-ка ты, Антон. (Федорок. Об.). /От Антон, греч./

Анюта, ж. Мимо прытко шла Анюта-я и вышла на минуто. (Свадьба. Яр.). См. Анна. **Анютка**, ж. Ты, Анютка, рано встала. (Тихо девонька сидела. Об.). См. Анна.

Ольга ОБРАЗЦОВА .

Примечания

1. Об. - Ефим Честняков. Пoesия / Сост., вступит. статья Р.Е. Обухова. М., 1999.

2. Стафий - король тетеревиный. Рукопись / Сост. Р.Е. Обухов. Хранится в Костром. гос. объедин. художествен. музее.

3. Яр. - Е.В. Честняков. Сказки, сценки, стихи, пьесы. Рукопись / Сост. Е.В. Ярыгина.

Хранится в Костромском областном доме народного творчества.



Закладка памятного камня в д.Шаблово. Фото 1988 г.

О ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ

История создания Кологривской библиотеки неразрывно связана с историей города. Земские собрания, состоявшиеся 14 и 19 марта 1875 года, постановили открыть земскую библиотеку. Началось приобретение книг. 1 октября библиотека при управе приняла первых посетителей. Быстрым открытием библиотека обязана трудам кологривского предводителя дворянства господина М.И. Катенина. Он лично вошел в соглашение с московским книготорговцем господином Соловьевым. Этот книготорговец взял на себя труд доставлять в библиотеку уже переплетенные книги и делал 10 процентов уступки. К открытию библиотеки в ней было 171 издание в 332 томах. Затем М.И. Катенин пожертвовал из своей библиотеки 137 отдельных изданий.

В то время литература в библиотеке делилась на четыре отдела: богословский, исторический, естественный и беллетристики. При открытии были составлены правила пользования книгами и вместе с отпечатанным каталогом разосланы по подписчикам.

Желающих пользоваться книгами по 1 января 1876 года с платой по 1 рублю было 45 человек, так что в самое короткое время биб-



Р.П. Граблева

блиотека уже не в состоянии была удовлетворить всех требований публики, ввиду этого экстренное земское собрание по заявлениям господ предводителя дворянства М.И. Катенина и заведующего библиотекой председателя управы С.В. Ешевского ассигновало на усиление средств библиотеки еще 500 рублей. И уже в 1876 году земская библиотека имела 66 подписчиков. За несвоевременное возвращение книг согласно правилам взимался штраф 10 копеек, а за задержку журналов - 20 копеек.

В отчете земской управы за 1876 год записано: «Число подписчиков в этом году возросло против прошедшего на 21 человек. Это доказывает, что земское собрание, открывая библиотеку, удовлетворяло действительно существующую и посто-

янно развивающуюся в обществе потребность чтения и саморазвития, эта потребность настолько велика, что при настоящих средствах библиотека не может вполне удовлетворить ее, не остановится на начатом им деле общественного развития и даст средства на пополнение библиотеки новыми изданиями».

В 20-х годах XX века в Кологривском уезде совсем не было сельских библиотек. Были избы-читальни, куда комплектовались передвижные библиотечки. Это было суровое время, но читатели буквально рвались к книгам, за ними стояли в очередь, за день библиотеку посещало около 100-150 человек взрослых и более того детей.

В 30-е годы в библиотеке работали такие энтузиасты библиотечного дела, как: Уткина В.А., Смирнова Н.П., Оленева Н.И. Много сил и энергии вложили они в развитие библиотечного дела района.

Сегодня центральная библиотека объединяет вокруг себя централизованную библиотечную сеть, в которую входят детское отделение и 11 сельских филиалов. Фонд библиотечной сети насчитывает 212 790 экземпляров печатных изданий. Ее фондами

пользуется 5 276 жителей Кологривского района. В отделах, обслуживающих читателей, есть все условия для работы с книгой и периодическими изданиями.

Наша задача-помочь людям сохранить свою культуру, пробудить интерес к историческому прошлому кологривской земли.

Уже стали традицией вечера встреч с местными поэтами земли кологривской, где звучат стихи поэтов, имеющих стаж писательского мастерства, и тех, кто делает первые шаги в поэзии.

Постоянно в библиотеке проводятся уроки исторического краеведения, премьеры книг местных авторов, вечера «От всей души», посвященные труженикам района.

Каждое мероприятие ориентировано на пропаганду литературы и творчества наших писателей-земляков, литераторов, для кого кологривская земля стала источником вдохновения. Это те, кто заложил богатые литературные традиции края: Ефим Честняков, Сергей Максимов, Леонид Воробьев, Иван Касаткин и многие другие литераторы, писавшие о кологривской земле.

Р.П.ГРАБЛЕВА,
директор ЦБС.

Михаил ШАРОВ

Творчество

«ВЫРОС ГОРОД МОЙ СЛАВНЫЙ...»

Михаил Сергеевич Шаров родился в Парфеньевском районе в 1940 году. После службы в армии поступил в Караваевский институт. После его окончания работал в Кологривском зоотехникуме преподавателем.

Волею судьбы пришлось очутиться в Ярославской области в селе Великое.

Но, полюбив кологривские места, семья Шаровых вернулась сюда и живет теперь в д. Шоргутово Кологривского района.

Михаил Сергеевич очень любит природу, лес, рыбалку. На стихи этого автора есть прекрасные песни. Одну из них мы предлагаем вашему вниманию.

ПЕСНЯ О КОЛОГРИВЕ Муз. и слова М.Шарова

*В хвойном царстве
за тысячу рек и болот,
Там, где Унжа хрустальные
 воды несет,
На высоких холмах
да на звонких ручьях
Вырос город мой славный
в резных теремах.*

*Кологрив, Кологрив, Кологрив,
Ты крестьянской
 красою красив.
Над твоею резной,
 золотою избой
Вечно вейся дымок голубой.*

*Над рекою плывет
 белогривый туман,
Блеск чужих городов -
 суета и обман.
Отряхну серый прах
с обессилевших ног,
Головой упаду на родимый
 порог.*

*Кологрив, Кологрив, Кологрив,
Ты крестьянской красою
 красив.*

*Над твоею резной,
 золотою избой
Вечно вейся дымок голубой.*

*Здесь крестьянствуя,
 вольные предки мои,
Отлюбив, отстрадав,
 с миром в землю легли.
И, печалась о них
 и живущих любя,
Я вовек не покину,
 мой город, тебя.*

*Кологрив, Кологрив, Кологрив,
Ты крестьянской красою
 красив.
Над твоею резной,
 золотою избой
Вечно вейся дымок голубой.*

*В хвойном царстве
за тысячу рек и болот,
Там, где Унжа хрустальные
 воды несет,
На высоких холмах
да на звонких ручьях
Вырос город мой славный
в резных теремах.*

«В ДУШЕ БОЛЬШОЕ ЧУВСТВО - ГОДЫ»



Николай Иванович Чумичев родился в д. Овсянниково Кологривского района в 1944 году. После окончания Кологривской средней школы учился в Костромском педагогическом институте им. Некрасова. Свой трудовой путь начал в 1967 году в Солигаличском районе. В 1968 году вернулся в родной район, где

до 2003 года преподавал в школах.

Стихи начал писать еще в юности. Их знают и любят многие поклонники его творчества. Его стихи помогают читателю осознать свою неразрывную связь с миром и таким образом обрести душевное равновесие.

В КРАЮ ГЛУХОМ

*Еще начало октября,
Повсюду золота избыток,
И загорается заря
В глубинах заводей открытых.
Еще далеко холода,
За морем долгое ненастье,
И листья смело по водам
Плывут, похожие на счастье.
Людского шума не слышать,
Забылся ветер непослушный,
Тяжелый, с проседью, глухарь
Клюет бруснику на опушке.
Откинув на спину рога,
На битву зверь спешит
в осинник...
Как жизнь в лесу нам дорога,
Где так вольготно и красиво!
Деревьев чуткость,
чуткость трав,
В душе большое
чувство-годы.
Я в лес вхожу, как входят
в храм,
Волшебный храм
святой природы!
Как тихо здесь,
в краю глухом,
Зверьем и птицей обжитом!*

*Листок кружится
за листком,
И огонек за огоньком,
Пылая, на тропу ложится.*

ГУСИ

*Над городом, над древней
колокольней,
Над бором, над деревней
и над полем,
Над всей тоскливой
матушкой Русью
Летают растревоженные
гуси.
Кричат переполошенные стаи
Над негостеприимными
местами.
Из горла - горе, смертные
обиды
На самые родные в мире
виды.
Внизу блеснуло озеро лесное -
Примета изобилья и покоя.
Но гибель прижилась
на водах чистых:*

*Раскатится широко
громом выстрел,
И огласит просторы крик
печальный.
Прощальный круг перед
дорогой дальней -
В холодный край летят
на поиск счастья.
А где оно? И в чьей же
это власти?*

У БЕРЕЗЫ

*Еще не все постыло в мире
этом:
Как хороша береза над
холмом!
Ее душа, зажженная
рассветом,
Горит необжигающим огнем.
Здесь, у огня, коротким
нашим днем
Погреемся, протягивая руки,
Вдохнем тепла на радости
и муки
И дальше - до заката -
побредем.*

«ДАСТ БОГ - РОДНИК НЕ ПРОПАДЕТ...»



Родился Борис Дроздов в 1957 году в маленькой деревеньке Комарой Курской области в семье геолога. Именно профессия отца определила в детстве его жизнь, почти что кочевую. Кемеровская, Новосибирская области, Алтай...

В Кологриве семья Дроздовых оказалась потому,

что хотелось жить в маленьком районном центре с красивой природой. Открыта карта бывшего СССР, написан не один десяток запросов, не меньше поступило и предложений. Так появился в его жизни Кологрив, где он работает врачом-хирургом и пишет свои лирические стихи.

У РОДНИКА

Одним - и странен, и убог,
Другим - целитель и пророк,
А мне - неважно!

Был интересен человек.
Как мы, ходил в двадцатый
век,

На Время совершив набег
Отважно.

Ефим Васильич Честняков...
Привет тебе! И будь здоров
В любом обличье...

Пусть думают, что далеко.
А до тебя подать рукой -
Ты «здесь» и «там»
презрел покой

Величья.

Эстетов и доньине тьма:
В холсты вгрызаются,
в слова.

(Ну что ж, на то и голова -
Не мышь в харчевне...)

А сердце тает у огня,
Где в каждой сказке
ребятня,

Где на картинах - ребятня
И быт деревни.

Наскажут: жил не вкривь,
так вкось...

Не знаю! - знать не довелось.
Вот Время с ним разобралось,
И то - отрада!

Не всем нисходит благодать
Его понять, себя понять...
Но хаять иль обожествлять
Не надо.

День за день да за годом год...
Даст бог - родник

не пропадет,
И в жажду жаждущий
народ

Воды напьется.
А мы давайте помолчим,
Подумаем... И пусть Ефим
Нам отзовется...

* * *

Писать о том, что снег
зимой
До крыш, а летом душит
зной,

Что лес за Унжсей
синь-стеной,
Конечно, надо.

Но вряд ли этим удивить
Москву, Лас-Вегас и Париж -
Вокруг своих красот
и крыш...

Не хватит взгляда!

И ладно... Дел невпроворот.
С природой бьюсь, как весь
народ:

Погода, цены, огород,
Зигзаги власти...

Нечерноземный древний край -
Полгода ад, но месяц рай.
Какой? - Попробуй угадай
И... будешь счастлив.

А повезет - так и счастлив.
Смеется город Кологрив!
С рожденья стар и говорлив,
И недоверчив...

А что ему? Век в манус, в плюс -
Он вдаль уйдет, а я уймусь.
Как ни обидно, наш союз
Недолговечен.

Кто виноват? Я жизнь люблю.
Я всякий день благодарю.
А засытая, говорю:
- До завтра, город...

Пусть новый век вперед
спешит,
В глубинах костромской
глуши

Ты - радость встречи и
души,
и разговора.

«...И РОЖДАЕТСЯ НАБЕЛО СТИХ»



Ирина Валентиновна Дроздова родилась в 1960 году в д. Батурино Томской области. С раннего возраста жила в Новосибирске, там же окончила медицинское училище, работала операционной сестрой. Затем в течение 10 лет жила и работала корреспондентом

районной газеты в Северном районе Новосибирской области. С 1992 года живет в г. Кологриве Костромской области. Девять лет отдано преподаванию в средней школе. Из них четыре - детской литературной студии.

КОЛОГРИВСКИЕ ЭТЮДЫ

I

Отрешенно, медленно,
словно бы в бреду,
Я от лета к осени нехотя
бреду.
На печаль, на радость ли
или на беду
золото прощальное
плавится в пруду.
Стоны колокольные думы
бередят.
Скоро вслед за ветрами
утки улетят.
И в осиротевшее зеркало
пруда
вмерзнет беспробудная
облаков гряда.
Кологрив нахмурится.
Сердце заболит,
Но дождями смоемся
скопище обид.
Выгорят до капельки
листья и тоска.
Спрячет нрав напористый
подо льдом река...
Утрдем тихим, ласковым
успокоит всех
безмятежный, матовый,
розоватый снег.

II

Серебристая полночь.
По улицам
тихо бродят поэты и сны.
Да дома под снегами
сутулятся,
да последние тают дымы.
Опускаясь, искрится,
ласкается
снег декабрьский к
холодной щеке...
Еле видная тропка
спускается
с крутизны к присмирившей
реке.
Все живое укрыто заносами,
Одурев от сквозной тишины,
фонари изогнулись
вопросами -
отбивают дорогу у тьмы.
Кологрив ледяной,
запорошенный,
Околдованный сказкой зимы,
ранен в сердце тоскою
непрошеной.
Загрустили бессонно и мы.

Как пустынно в твоих
закоулочках...
Ветер всхлипнул и снова
затих.
Бродят сны и поэты по
улочкам,
И рождается набело стих.
Как следы на крыльце
припорошенном,
на бумаге останется
пусть
все, что было когда-то
хорошего,
серебристая полночь... и
грусть.



Кологривский след «снежного человека»

К многочисленным публикациям о «снежном человеке» большинство ученых-антропологов относится снисходительно. Однако даже школьные российские учебники по дарвинизму и биологии в разделе «атавизмы» приводят пример человека, сходного с упомянутыми.

Солидное энциклопедическое издание Брокгауза и Эфрона приводит всего три примера общей волосатости, составляющей «загадку для врачей и антропологов»: Юлия Пастрана, Андриан Евтихеев и мальчик Федор. (1) По утверждению автора, внешний вид этих людей настолько приближал их к звериному облику, что их прозвали людьми-собаками (Hundmenschen) или лесными людьми (Waldmenschen).

Отсутствие серьезных научных исследований по предложенной теме породило немало легенд, особенно на родине Андриана Евтихеева и Федора Петрова. Оба родились в соседних деревнях Спасской волости Кологривского уезда Костромской губернии (ныне - Мантуровский район). Это обстоятельство позднее использовал их антрепренер (т.е. продюсер, по-нашему), представляя их как отца и сына.

По данным антропологического отдела Московского университета, где впервые обследовался Андриан Евти-

хеев, он родился в 1818 году в деревне Коровино Спасской волости в семье солдата. (2) Внешний вид Андриана стал причиной несогласия и раздоров с односельчанами, которые всегда смеялись над ним. В таких случаях он уходил в лес и питался большей частью кореньями. (3) Андриан был женат, имел двоих детей - мальчика и девочку, умерших в раннем детстве. О мальчике сведений нет, а девочка, по преданиям, была похожа на отца. В 1873 году необычная внешность костромича привлекла внимание ученых Московского университета. Однако сохранилось лишь более позднее описание Андриана Евтихеева, составленное немецким ученым Брандтом, лично встречавшимся с обоими волосатыми россиянами. Он писал: «Представьте себе терьера, - собаку-крысоловку ростом с человека, наряженную в шелковую русскую рубаху, плисовые шаровары и сапоги, и перед нами живо воскреснет образ Андриана по первому впечатлению на посетителя ... Все лицо Евтихеева, не исключая век и ушей, было покрыто мохнатою, тонкою, шелковисто-мягкою шерстью светло-пепельного цвета, длиною в полпальца и более. Заметной разницы в волосатости различных частей тела не было; ни бо-

роды, ни усов, в обыкновенном смысле, т.е. состоящих из более грубых и длинных волос, решительно не было. Сослы волосы без всякой границы переходили на черепную покрывку, где, насколько помню, были менее мягки и слегка удлинены... Туловище и конечности Евтихеева обросли волосами не столь густо, как лицо: напротив, довольно волосатые участки чередовались тут с покрытыми лишь редкими волосами. Но свойства волос были те же, что и на лице. Шея и спина, по степени оброслости, составляли переходную область от головы к телу». В верхней челюсти у Андриана был один лишь левый клык, в нижней же все зубы были налицо, но представле-



А. Евтихеев. Фото конца XIX в.

ны неправильными, деформированными ...».

Описание немецкого ученого несколько отличается от представлений русских умельцев, изготовивших макет Евтихеева, но эти различия не носят принципиального характера.

В 1876 году, по предложению неизвестного антрепренера, Андриан Евтихеев и Федор Петров путешествовали по крупным городам России, появляясь на известных ярмарках. По видимому, к этому времени и относится знакомство с волосатыми людьми Н.А.Ферстера. После недолгих переговоров возникла идея показа Андриана и Федора за границей, представляя их как отца и сына.

В 1883 году они были обследованы в Берлинском паноптикуме, а затем объехали почти всю Европу. Уже первые публичные показы принесли антрепренеру неплохие доходы, и он часто шел навстречу капризам и пожеланиям Федора и Андриана. По словам профессора Рудольфа Вирхова, во время путешествия по Европе Андриан питался только кислой капустой и водкой.

После заграничного путешествия Андриан Евтихеев возвратился на родину, сильно запил и вскоре умер.

В судьбе второго волосатого человека - Федора Петрова - немало таинственного и неизвестного. Родился он в 1870 году в деревне Березники Кологривского уезда Кос-

тромской губернии в семье Петра Иванова и Мавры. Уже в трехлетнем возрасте необычная внешность привлекла внимание ученых Московского университета, которые обследовали его вместе с другим волосатым человеком земляком Андрианом Евтихеевым. К сожалению, документов обследования этого времени пока в архивах не обнаружено.

Более педантичный немецкий зоолог Брандт позднее оставил такое описание: «Федор имел на лице и туловище лишь редкий, совсем светлый пушок, на черепе же сравнительно длинные волосы; во рту у мальчика находилось всего 4 резца. Когда Федору было 13 лет, его показывали в Берлинском паноптикуме. В течение 9 лет у него выросло только два новых зуба, а именно два клыка в верхней челюсти, а в нижней выпал один резец. Волосы на голове у него были темно-русые, на лбу светло-рыжеватые, а в нижней части лица бледно-желто-серые. На туловище и конечностях, за исключением кистей, ступней, шеи и внутренней поверхности рук, волосы были почти бесцветны, густы, длиной до 6 сантиметров».

После упомянутых гастролей по российским городам и Европе Федор Петров оказался в Америке. Его антрепренер Николай Алексеевич Ферстер проявлял о своем «питомце» большую заботу, ибо показ необычного волосатого мальчика по-

прежнему приносил хорошие доходы. Однако тоска по родине Федора Петрова оказалась сильнее устремлений Ферстера заработать на его внешности.

В августе 1888 года в Березниковское сельское общество Спасской волости Кологривского уезда пришло странное письмо из Нью-Йорка следующего содержания:

«Федор Петров достиг 18-летнего возраста и хотел бы иметь соответствующие права и обязанности... ему сведения по следующим вопросам:

I. Числятся ли за ним, Федором Петровым, недоимки или какие-либо взыскания за время его отсутствия из дому (с 1883 года), а если есть, то сколько таковых.

II. При отъезде из дому у Федора Петрова осталась мать его (по имени Мавра и по его описанию слепая), адреса которой он не знает и от которой в течении последних шести лет не имеет никаких известий, - а потому он убедительно просит Правление навести справку - жива ли она и если возможно узнать место жительства - так как он желает позаботиться о ее средствах к жизни.

III. За время путешествия по Европе и в настоящее время по Америке, он Петров, довольствовался заграничным паспортом, выданным ему по паспорту Волостного правления от 7 января 1883 года, - теперь же, намереваясь в непродолжительное время возвратиться в Россию, а следовательно и домой, он желал



бы получить [свежий] паспорт с обозначением настоящих его лет, для явки его у здешнего Российского Консульства и для свободного возвращения в Россию.

При сем прилагается фотография Федора Петрова.

На основании вышеизложенного Федор Петров почтительно просит:

Выслать новый паспорт и счет на недоимки, если таковые имеются и каковы они готов немедленно уплатить в здешнем Российском Консульстве или как укажет правление, - и сведения, о которых просит выше. Все расходы по таковым он принимает на себя....

Сие заявление по поручению приписанного к Березниковскому крестьянскому обществу Федора Петрова писал и собственноручно подписал

Дворянин Николай Алексеев Ферстер.

Город Нью-Йорк

Июля 13/25 1888 года.

Ответ общества Федор Петров просит адресовать на Российское Генеральное Консульство в Америке для передачи ему или писавшему».

(Данное письмо хранится в Кологривском музее).

Под письмом стояла подпись российского консула Александра Грегера и печать Генконсульства России в Нью-Йорке.

Березниковское сельское общество отправило Н.Ферстеру необходимые сведения 26 августа 1888 года, о чем свидетельствует надпись в левом углу письма.

Письмо и фотографию, приложенную к письму, оставил «на память» местный помещик, в усадьбе которого они и были обнаружены в двадцатые годы директором Кологривского отделения Костромского научного общества по изучению местного края В.П.Чистяковым и вместе с предметами старины были вывезены на хранение в Кологривский музей.

Именно фотография и странные надписи под ней привлекли внимание мантуровского краеведа М.М.Сорвина. Надписи были сделаны на английском языке «The Original And Only Living Man With a Dog s Head. About 17 years out» (Оригинальный и единственный живущий человек с собачьей головой. В возрасте около 18 лет) и «Age Harri Pose Indianapolis». Он обратился с просьбой о помощи к известному антропологу научному сотруднику музея



Ф.Петров. Фото конца XIX в.

антропологии Московского университета М. Ф.Нестурху, который выслал известные ему сведения о «волосатых костромичах».(5)

По сведениям Г.А.Минакова и М.Ф.Нестурха, еще в 1898 году Федор Петров был жив и разъезжал с гастролями по миру. Сообщений о возвращении его в Россию нет. Вероятно, он умер на чужбине.

На малой родине «волосатиков» ходило немало легенд, которые слышал автор этого материала. После показа фрагмента о волосатых людях по каналу «Россия» пришло письмо с утверждением, что волосатого человека видели на территории Мантуровского района в 1947 году. Несколько подобных утверждений удалось выслушать и по телефону, после публикаций в местной прессе.

С.Н. ТОРОПОВ,
директор краеведческого
музея г. Мантурово

Примечания

1. Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. - Санкт-Петербург, 1890-1904, т.13 - С.85.

2. Справка о волосатых костромичах./ Письмо профессора института антропологии М.Ф.Нестурха краеведу М.М.Сорвину от 20 октября 1969 года.

3. МИНАКОВ П.А. Ненормальная волосатость./ Труды Антропологического отдела любителей естествознания, антропологии и этнографии Московского университета. Т.ХІХ - Москва, 1899 - С.40-41.

4. Там же.

5. Справка о волосатых костромичах./ Письмо М.Ф.Нестурха краеведу М.М.Сорвину от 20 октября 1969 года.

О КОЛОГРИВСКИХ РЕКРУТАХ

Обряд проводов в армию в Кологривском районе Костромской области включает в себя несколько элементов: «жеребей», «беседки», «посещение родственников», «вечерина», «елочка»,

«прощание с родными», «за-ломы».

От получения повестки до ухода в армию проходит от трех дней до двух недель. Призывники гуляли шумно, весело. Служить в армии было почетно, и де-

ревенские жители уважали призывников, гордились ими.

Отличительные особенности обряда, записанные со слов жителей Кологривского района, приведены на диалекте.

В армию забирали девятнадцатидвадцати лет один раз в год в осенне-зимнее время. Служили от четырех до семи лет. А после установления Советской власти призывы были два раза - весной и осенью, служба сократилась до трех-четырёх лет.

«У моего отца было два брата. У одного брата была жена и трое детей, у другого - детей не было и мать благословила, и он опять пошел в армию. Отслужил восемь лет за себя и за брата. Вот такое послушание матери было». (1)

До революции солдат, пришедших из армии, ждала нелегкая судьба:

«Объявился у нас в деревне старый солдат, отслуживший в армии двадцать пять лет (это было в 1915-1916 гг.). Земли у него не было, а кормиться надо было чем-то. И он стал учить детей грамоте и математике. Родители расплачивались с ним едой. А

дядя мой закончил церковно-приходское училище, и его отправили не в солдаты, а в военную школу, и служил он семь лет». (2)

Жеребей

Если в семье было несколько сыновей и им пора было идти в армию, то тянули «жеребей».

«У моего деда было одиннадцать сыновей и дочь. Тянули жеребей: свертывали бумажки, на них написано «да», «нет». В армию шел тот, кому выпала бумажка со словом «да». После революции жеребей не ташыли. У ково было много робят - в армию не брали». (3)

Беседки

Парней, призванных в армию, звали «некрута», их уважали, гордились ими:

«Раньше некрута были... некрута! Их уважали». (4)

«Раньше некрута гуляли по две недели. Уш на земельке не работали». (5)

«Фсе призывники из нашей округи гуляли вместе. Сидели по очереди у каждого некрута в его деревне. Ходили по деревням, прощались с родной стороной». (6)

«Шчо насбирают по деревне - яиць целую корзину... фсево тут у их... и концествуют (празднуют - прим. автора). Седни в одной деревне, зафтра в другой, послезафтра - в третьей - по очереди у каждого некрута. И дефки с им в бесетках гуляют. Угощзения им нанесут. Так по две недели гуляют». (7)

Собравшись в ватаги, длинными шеренгами, с гармониями и балалайками некрута ночи напролет гуляли по деревням.

«Человек тридцать, срок и пятьдесят (и из других деревень) в два ряда через всю улицу, шаг широкий, тальянка рвет! А

парни враз гаркнут! Нет, не горланят - поют! И очень музыкально, но сильно так, что невозможно выразить.» (8)

*Во солдатушки погонят
кологривским бережком.
Наши дролечки заплачут
заунывным голоском.
Во солдатушки ребятушкам
дорожка широка.
Эх, погуляйте, девки-
матушки, годков до сорока.*

*Неужели-неужель надену
серую шинель,
Шапочку-ушаночку?
Велят забыть духанечку.*

*Допризывнички катаются
на паре воронной.
Они катаются-прощаются
с родимой стороной. (9)*

Вечерина

«За стол садились и по чарочке самогоночки выпьют, которая с собой принесут». (10)

«Раньше до войны были вечерины. Собирались родственники в доме у некрута. Пели песни, плясали под гармони. Угощение было с вином:

*Некрута наши гуляют,
Они водочку пьют, -
Скоро в армию пойдут... (11)*

«Песни на вечерине у нас в деревне запевали те, кто уходили в армию». (12)

Любимой песней, исполнявшейся на вечеринах, была песня «Последний нонешной денечек». (13)

Пели «некрутские» частушки под «Барыню» или



«Приговорки», которые исполняли на гармонии или балалайке. Пение «некрутских» частушек сопровождали пляской вдвоем («некрут» с «некрутом») или вчетвером (два «некрута» и их невесты). Пляска вчетвером звалась «Четверка».

*Я духанечку свою
На поруки отдаю.
На поруки - брату в руки,
Сам в солдатушки иду.*

*Кологривскую приемну -
Кто бы строил да сожжёт.
Пока новенькую строят,
Погулял бы я годок. (14)*

На вечерине давали напутствие. По старшинству! В первую очередь отец и мать «некрута»: «Отслужи, не посрамись». Затем старшие, уже отслужившие ребята. И только потом друзья и другие родственники. Не служившие в армии парни подвергались позору. С ними девушки не гуляли, и они часто оставались бобылями. Звали их «килун» или «браковка».

*Не тужи, моя милашка,
Что я призываюся.
Я килун - меня не возьмут,
Никуды деваюся (никуда не
денусь - прим. автора). (15)*

Проводы

Деревенские жители верят в силу родительского благословения и до сих пор следуют этому старинному обычаю.

«Я своего мнука благословляла Иисусовой молитвой в горенке на сарае. Нонешния робята стыдяцца, - вот я и увела ево, шчоб другия не видали». (16)

«Пресвятая Боговорица, спаси и помилуй. Слушайся ангеля господнева и начальникоф. Коуда есь святая вода, и воденкой умоюща обязательно». (17)

В армию «некрутам» с собой дарили кисеты, носовые платки, портсигары, бумажники с фотографиями родственников. (При этом говорили: «На хоть меня помяни»). Все подаренные вещи из родного дома должны были оберегать солдат в армии и приносить удачу. В некоторых деревнях «некрутам» давали с собой «ладанку» (кожаный мешочек с землей).

«Щепотку брали испот печки, щепоть испот камня у дома и третью на краю деревни за исгородью («исгородь» - ограждение от скотины из кольев и жердей вокруг всей деревни - прим. автора). Землю складывали в ладанку, которую носили на груди под крестом, или могли положить в баночку». (18)

Громко не плакали, лишь тихо «выли» - открыто демонстрировать свои чувства было не принято:

«Али будём орать вофсто!». (19)

В деревнях были женщины, которых приглашали выть на проводах. От их причёта, как свидетельствуют жители Кологривского р-на, «морос пробегал по коже». Последней из семьи прощалась бабушка «некрута». Она наказывала:

*Это полё проежжаёш,
На нас ты не оглядывайся,
Постарайся выдержать.*
(20)

В Кологривском районе бытовало поверье, что если «некрут» оглянется раньше, чем перейдет поле за деревней, то его ждет беда и даже гибель.

Елочка

«Утром перед отпраткой дефки-подроски приносили маленькую елочку из лесу. Украшали ее тряпочкам фсякоським».

(Девушки украшали елочку разноцветными лентами, цветами из бумаги, бумажками от конфет). Наряженную елочку приколачивали в красном углу над иконой. Другую елочку приколачивал сам «некрут» на угол дома. Елочку могли приколотить под конек дома на уровне чердачного окна со стороны улицы. Сколько бы



не пробыл парень в армии, елочку не убрали. (Она осыпалась, ленты выцветали, но стояла до прихода солдата из армии). <...>

Если парень с девушкой дружили, то, прощаясь перед уходом парня в армию, клялись друг другу в верности. Девушка обещала дожидаться парня из армии и выйти за него «взамуш», а парень «не подхватить на другой стороне кралю».

«А шчтобы клятва-ти верой и правдой была, клали на тимя зимлю». (21)

Девушка, давшая «некруту» клятву дожидаться его из армии и выйти за него «взамуш», должна была вести себя скромно. На праздничные беседки ей ходить не разрешалось, нельзя было водить дружбу с другими парнями.

Заломы

Родители и родственники «некрутов» оставались дома, а парни, девушки, невесты «некрутов» шли провожать их за деревню, где в лесу или в роще делали «заломки». У молодых елочек или березок заламывали верхушки в память о себе. Девушки на это дерево навязывали цветные ленты. Заломив макушку у деревца, ее могли обвить «вьюном» вокруг ствола. В наши дни «заломки» перестали делать, а залезали на высокое дерево и на самой макушке или на верхних ветках (чтобы издали

было видно) парень навязывал алую ленту.

* * *

Время изменило рекрутский обряд в Кологривском районе, и сегодня он уже не тот, что в начале века.

Не тянут «жеребей», не ходят вдоль улиц с «походными» частушками. Но в деревнях еще можно увидеть наряженные елочки или деревья с заломленными верхушками, украшенные ленточками.

Надо сказать, что обряды, которые бытовали в народе испокон веков, еще долго будут соблюдаться, если и не в полном объеме, то в той их части, которая наиболее соответствует характеру и душевному настрою жителей нашей северной стороны. Это показывает сегодняшняя жизнь.

*Елена ЯРЫГИНА.
Запись 1998 г.*

По воспоминаниям жителей
Кологривского р-на

1. Лобанова Н.А. 1922 г. р., ур. д. Починок.
2. Звонов Н.Я. 1911 г. р., ур. д. Б.Горка.
3. Поливанов А.П. 1921 г. р., ур. д. Ивтино.
4. Смирнова И.М. 1918 г. р., ур. д. М.Чезма.
5. Смирнова А.С. 1918 г. р., ур. д. Крутец.
6. Муравьева А.И. 1917 г. р., ур. д. Б.Горка.
7. Смирнова В.И. 1919 г. р., ур. д. Ложково.
8. Звонов Н.Я. 1911 г. р., ур. с. Ильинское.
9. Лебедев Н.М. 1919 г. р., ур. д. Хлебородово.
10. Лебедев Н.М. 1919 г. р., ур. д. Хлебородово.
11. Поливанов А.П. 1921 г. р., ур. д. Ивтино.
12. Иванова Е.В. 1910 г. р., ур. д. Б.Горка.
13. Звонов Н.Я. 1911 г. р., ур. с. Б.Горка.
14. Нестерова Н.Ф. 1913 г. р., ур. д. Токарево.
15. Смирнова В.И. 1919 г. р., ур. д. Ложково.
16. Зуйкова К.О. 1914 г. р., ур. д. Починок.
17. Хробостов А.В. 1926 г. р., ур. д. Дербин.
18. Зуйкова К.О. 1914 г. р., ур. д. Починок.
19. Зуйкова К.О. 1914 г. р., ур. д. Починок.
20. Муравьева А.И. 1917 г. р., ур. д. Б.Горка.
21. Лебедев Н.М. 1919 г. р., ур. д. Хлебородово.

ИГРА И ДЕТСТВО

Горелки

Это азартная игра молодых парней и девиц. Причем она не просто живая физическая игра, а и тонко психологическая, моментом задевающая сердечную глубину любой тяготеющей друг к другу пары. Это игра на весенних вольных припеках. Становятся колонной пара за парой – пар 10 и более. Становятся вольно и девица с девицей, кто как хочет. Впереди колонны встает ведущий или ведущая, спиной ко всем. Начало игры: ведущий, назад не глядя, кричит: “Задняя пара – наперед”. Стоявшие в задней паре бросаются, обегают с разных сторон всю колонну и ведущего, стараются там, где-то впереди, соединиться. А ведущий бросается за ними, стараясь кого-то поймать. Соединившаяся пара или новая пара становятся впереди всех. Старый ведущий или новый, “обгоревший”, встает впереди, игра продолжается. Привлекательность ее вот в чем. Например, парень просто так не посмеет подойти к девице. А тут ему свобода ее схватить. А может, она и сама постарается к нему попасть.

“Хороняли золото”

Все играли, сидя на лавке. Двое ведущих. Один ве-

душый “хоронит золото” – незаметно от второго ведущего кладет кому-либо в ладошки или в передник какую-нибудь маленькую вещицу: колечко, носовой платочек или еще что. Все поют приплясывая.

*Хороняла золото,
Хороняла чистое,
Я охороняла,
Я обороняла,
В чисто поле едуци,
Косу русу плетучи,
Лентой увиваючи,
Шелком оплетаючи.
Гадай, гадай девица...*

Вторая водящая должна была угадать, где спрятано “золото”, если она отгадывала, то садилась на лавку играть, а та, которая была отгадана, шла “водить”.

“Кружалка”

“Кружала” сооружали зимой. Катались на них преимущественно дети. Они имели следующую конструкцию. В землю вкапывали столб. На него приспособивали небольшую вытесанную из дерева тычку. На тычку крепили длинный тонкий шест. К концам шеста прикреплялись или веревки (для старших детей), или деревянные санки (для маленьких). Кто-то из старших раскручивал шест, и “кружа-

ло” приходило в движение, таща на своих концах или санки с маленькими, или веревки со взрослой детворой.

Записано в 1994 г.

*Н.В. СОЛОВЬЕВОЙ в
с.Ильинское Кологривского
р-на у Н.Я. Звонова 1911 г. р.*

Считалочки

* * *

Вышел немец из тумана,
вынул ножик из кармана:
“Буду резать, буду бить,
все равно тебе водить”.

* * *

На златом крыльце сидели
царь, царевич, король,
королевич,

Сапожник, портной...
Кто ты будешь такой, говори
поскорей,

Не задерживай добрых и
честных людей.

* * *

Аты-баты, шли солдаты,
аты-баты, на базар,

Аты-баты, что купили,
аты-баты, самовар.

Аты-баты, сколько стоит,
аты-баты, три рубля.

Аты-баты, кто выходит,
аты-баты, это я.

* * *

На горе сидел паук, 40
ног и 8 рук,

На носу мочалка, а кто
вышел – салка.

* * *

Стакан-лимон, вышел
вон.

* * *

Здравствуй, милая мадам,
Колбасы тебе не дам,
Лучше на возьми лимон,
Выходи из круга вон.

* * *

Эники, беники, ели
вареники,
Эники, беники клеш,
Вышел пузатый матрос,
Если не верите вы,
То позвоните по номеру 3.
Если не верите вы опять,
То позвоните по номеру 5.

* * *

Сидели два медведя
На тоненьком суку,
Один читал газету,
Другой молот муку.
Раз куку, два куку,
Оба шлепнулись в муку.

* * *

Три-татушки, три-тата,
Три катушки, три кота.
Три-татушки, три таты,
Где катушки, где коты.

* * *

Два пожарника бежали
И на пипочку нажали: "пип".



* * *

Три-татушки, три-тата,
Вышла кошка за кота.
За кота-котовича,
За мордву-мордовича.

* * *

Я дурочка, снегурочка,
Мой папа Дед Мороз.
Я мамочка-фиалочка,
А ты сопливый нос.

* * *

Я маленькая девочка,
Я в школу не хожу.
Купите мне сандалики,
Я замуж выхожу.

* * *

Обезьяна чи-чи-чи
Продавала кирпичи,
За веревку дернула,
Потихоньку пернула.

* * *

Ехала машина темным лесом
За каким-то интересом.
Инте-инте-интерес,
Выходи на букву "с".
Буква "с" не подошла,
Выходи на букву "а".

* * *

По пригорку катится
Голубое платьице,
На боку зеленый бант,
Меня любит лейтенант.
Лейтенант молоденький,
Звать его Володенькой.
Через год иль через два
Будешь ты его жена.

* * *

За стеклянными дверями
Стоит Мишка с пирогами.
Миша, Мишенька, дружок,
Сколько стоит пирожок.

Пирожки не продаются,
Детям так они даются.
Другие варианты:
Пирожочек стоит пять,
А тебе водить опять.
Пирожочек стоит три,
Ну, а ты опять води.
Пирожочек стоит два,
Ну, а ты води всегда.

* * *

Божья коровка, улети
на небко,
Там твои детки кушают
конфетки.
Всем по одной, а тебе
ни одной.

* * *

Ты, ты, ты, ты,
Тебя затыкали коты,
А самый маленький коток
Тебя оставил без порток.

* * *

Тринди-брынди, балалайка,
На печи сидит бабайка.
А под печкой крокодил
Таракана проглотил.

* * *

Кирилл Кириллович
Кириллов
Купил картошки
килограмм,
Картошка Кировского
края,
Колхоза "Красный
коммунар".

Записано в 1994 г.
у КУРОЧКИНОЙ Л.В.,
ЦВЕТКОВОЙ Н.,
ЛЕБЕДЕВОЙ Е.Ф.,
ПЕРМИНОВОЙ Ю.В.
Кологривский район.

Напитки Кологривской кухни

В Кологривском районе основными зерновыми культурами считались пшеница, рожь, ячмень, просо. В пищу употреблялась мука пшеничная, ржаная, овсяная. Зерно мололи в муку и на мельницах, и в домашних условиях на специальных жерновах. Для приготовления хлеба брали преимущественно ржаную муку с отрубями. Нередко смешивали муку различных видов для получения особого вида хлеба или из экономии. Процедура печения хлеба трудоемкая и довольно сложная, поэтому пекли хлеб один или два раза в неделю. С вечера хозяйка готовила квашню для теста, в нее клали закваску. Закваску раньше делали несколькими способами, так как дрожжей не было. Делали ее из сырого картофеля, из горячего вареного картофеля, из головок хмеля. Еще хозяйки оставляли от каждой предыдущей выпечки кусок теста-закваски. Размешав закваску деревянной мутовкой, добавляли в нее теплую воду и просеянную через сито или решето муку. Затем тесто размешивали и ставили в теплое место. К утру следующего дня тесто поднималось, и его начинали вымешивать. Вымешивали тесто до тех пор, пока оно не станет отставать от рук и квашни. Потом его ставили опять в теплое место

и, после того как оно опять подходило, снова вымешивали, разделявали на круглые гладкие хлеба. Давали им расстояться и после этого ставили в печь. Печь предварительно хорошо протапливали, а золу и угли выметали с пода метлой. Пекли хлеб в железных плосках и на капустных листах.

В будничные дни крестьяне ели щи, каши, лапшу, квас, хлеб ржаной, различные мурцовки, кисели гороховые, мазанные льняным маслом, кисель овсяный, грибные похлебки и др. В праздничные дни, а были они обычно в мясоед, питались так: мясные похлебки, лапша домашняя, лапша из

крахмала, различные молочные блюда, пряженики, рыба, незаменимыми напитками на праздничном столе были пиво, квас.

История русских напитков уходит корнями далеко в древность. Рассолы, морсы, квасы, меды - путь их к нашему столу исчисляется столетиями. Все они не похожи друг на друга и имели разное назначение. Одни обладали согревающими свойствами: чай, меды - и поэтому употреблялись в зимнее время года, а другие освежали: квасы, морсы, травяные настои. Они употреблялись в летнее время.

На престольные праздники варили пиво, квас, бражку, делали самогон.

Пиво

Для приготовления пива готовили сначала солод. Готовили его следующим способом. Рожь замачивали в проточной воде примерно с неделю. Потом в мешке разравнивали ровным слоем и клали на проращивание. По мере прорастания содержимого мешка (это сросшиеся пласты зерна) оно вынимается и разрывается на части или мелко расщепляется. Затем на подстиле ворохом кладется на русскую печь, укрывается сверху, еще кладут груз. Все это лежит 2-3 дня. После этого массу по частям в горшках пихают в



печь солодить. Получается коричневая сладкая масса. Затем ее сушат в печи на противнях, когда все высохнет, складывают в чистый сухой мешок - это и есть солод. Потом его размалывают на жерновах, и солод уже полностью готов. Для приготовления пива берут такого солода 1 кг, ржаной муки 0,5 кг, заливают теплой водой, все перемешивают и ставят в печку парить в корчаге на день. На следующий день эту массу раскладывают по корчагам, у которых внизу есть отверстие для слива. Это отверстие обмазывают тестом, чтобы жидкость не просочилась. На дно корчаги кладут березовую лучину клеточкой, на нее кладут соломенный жгут. В запаренную массу добавляют ржаную мякину или рубленую ржаную солому, все это перемешивают. Это все делается для лучшего слива пива.

Массы этой кладут приблизительно на 1/3 корчаги, остальное заполняют доверху водой. Корчагу закрывают и ставят в печь на весь день, вечером хозяйка смотрит, если воды выкипело много, снова добавляет воду, чтобы было доверху, и оставляет все в печи еще на ночь. Утром корчаги вынимают и начинают сливать. На стол кладут корчагу, к ней подставляют дощечку, внутри которой сделан желоб, доска кладется с наклоном, с другого конца подставляется емкость, в которую сли-



вают пиво. Пиво, которое сливают, называется «первое пиво». Можно получить «второе пиво».

Для этого корчагу с отцеженным пивом заливают опять доверху водой и ставят опять в печь на весь день. Затем снова сливают. Получают второе пиво. Это пиво первого и второго слива можно пить по отдельности, а иногда их и смешивают. Для того чтобы пиво было хмельное, иногда его варят с хмельными дрожжами.

Квас

Всю оставшуюся от пива массу из корчаг переливают в квасницу. Заливают кипяченой водой и дают время для закисания. Полученный квас используют в пищу. Квас - один из самых любимых прохладительных напитков русского народа. Немаловажной причиной широкого распространения кваса, особенно среди беднейших слоев населения, была его дешевизна.

В престольные праздники, на свадьбу и другие праздничные дни раньше изготавливали «самогонку».

Самогонка из сахарной свеклы

3 ведра или 25 кг сахарной свеклы отварить в русской печке, размять толкушкой. Добавить к ней воды 10 литров и хмельных дрожжей. Всю массу перемешать и поставить в теплое место, чтобы все выходилось, на две недели. Потом всю эту массу перегоняют в самогонном аппарате, который сделан из корчаги и железных трубочек. Самогон получается мягкий и приятный на вкус. От сивушных масел избавляются, пропуская его через активированный уголь.

Гнали самогон из картофеля, из гороха.

Самогонка из картофеля и ржаной муки

Сварить ведро картофеля, горячий истолочь толкушкой. Добавить в корчагу холодной воды, ржаной муки, пропаренной сутки в печи. Полученную массу (как кисель) ставят в теплое место и дают выстояться 2 недели, не более, если держать больше, она закиснет. После этого гонят самогон в самогонном аппарате, сконструированном домашним способом.

*Записано в 1994 г.
Надеждой СОЛОВЬЕВОЙ,
ведущим специалистом
отдела культуры и
молодежи администрации
Кологривского района.*

КОЛОГРИВСКЕ ЛЕГЕНДИ

РЕЧНЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Рассказывали старые люди, что между Бухалдиным и Рубцовым, что на правой стороне Унжи, в пещерах жилали разбойники. Берег там очень высокий и крутой. Он и раньше был зарослен лесом. Там есть глубокие овраги - Филиновы лога, тоже сильно заросшие лесом. Вот в этих-то оврагах до сих пор сохранились остатки пещер. Был у разбойников такой промысел: нападали на проходящие бичевой, на веслах или самоплавом суда, суденышки и отбирали товар, грабили проезжающих.

НАЗВАЛИ РЕЧКУ

Между деревнями Большая Горка и Ивакино, что стоят на холмах, течет речка Повалиха. Еще в детстве приходилось слышать от стариков и старушек, что в теплые ночи иногда здесь огоньки мерцают в темноте и кто-то стонет. Мало кто сюда ночью захаживал, разве что на спор.

А Повалихой речку называли неспроста. По преданию, когда-то на этой реке была битва русских и татар. Много тогда татар

побили, повалили в речку. Остальных гнали на восток верст 30, до реки Межи, где стояли заставы и были засеки. Еще рассказывали о том, что часть трупов погибших стащили в одно место и над ними насыпали курган. Вот потому в 1926 году и стали находить здесь при земляных работах кости и черепа да какие-то круглые из глины плоскости с отверстиями.



СТЕНЬКИНЫ РОБЯТА

На высоком левом берегу Унжи, повыше Старого Кологрива, когда-то стояла большая каменная в два этажа церковь Воскресенье-Стан. Сейчас от нее и следов не осталось. За оврагом от нее усадьба Половчиново, где была первая коммуна в районе. Ниже от деревни, по берегу реки,

урочище Поповка - бывшие когда-то луга местных священников. Когда здесь появились люди Стеньки Разина, в этом логу они хоронились и прятали в пещерах и землянках свое добро и оружие. Когда мы еще были небольшие, ходили туда из Половчинова копать в этих склонах. Кое-что находили: остатки вещей, старинного оружия.

РОКОВЫЕ ЧАСЫ

В одном из залов Кологривского музея на стене висят большие старинные часы. Неизвестным мастером они красиво оформлены богатой затейливой резьбой на охотничью тему. Когда-то они отбивали часы в одной из кологривских помещичьих усадеб. Сейчас они стоят. Но местные старожилы уверяют, что, кто заведет эти часы, тот умрет в одночасье. И будто бы был такой случай. Пока других желающих нет. А чтобы никого не вводить в искушение, большую стрелку часов отломали.

По рассказам старожил
Сергей СМЕРНОВ.

*Всем, посетившим
«ТЦБЕРНЕСКИЙ ДОМ», —
сердечное спасибо*

ГУБЕРНСКИЙ

3 (66)

2005

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

Любезные читатели!

*Следующий номер журнала посвящен
60-летию Великой Победы.*

Основные темы номера:

*Костромские предприятия и учреждения
в годы войны (документы, публикации, воспоминания).*

Лечебные заведения на территории области в годы войны.

*Помощь семьям погибших и раненых
на фронтах Великой Отечественной.*

Деятельность Костромского городского комитета обороны.

Жизнь и быт костромичей в годы войны.

*Мемуары, дневники, воспоминания
фронтовиков и труженников тыла.*

Краеведческая акция «Ищу героя».

Немецкое посольство в Костроме.

Редактор Николай Муренин

Заместитель редактора Татьяна Гончарова

Художник Юрий Бекишев

Фото из фондов Кологривского музея и частных коллекций

Компьютерный набор – Екатерина Соколова

Корректурa – Татьяна Бекишева

Верстка и подготовка оригинал-макета – Евгений Виноградов

Адрес редакции: 156000, г. Кострома, ул. Молочная гора, 9/4. тел. 31-15-74

Извините, рецензировать и высылать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 1.12.2004 г. Подписано к печати 25.2.2005 г. Заказ № 750.

Печать офсетная. Объем 17,5 п.л. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала «Губернский дом»,

отпечатано в ИП «Областная типография им. М. Горького»

департамента по информационной политике администрации

Костромской области, г. Кострома, ул. П.Щербины, 2.



Герб Колодривского района.